

КЕРРИ БРИН

КОЛОНИЯ

ДЕЛЬФИН

После непредумышленного убийства человека, Соня Филатова, на один год попадает в воспитательную колонию «Дельфин» для несовершеннолетних детей, созданную для некоего педагогического эксперимента. Там, свои суровые законы и изощренные правила, железная система, не поддающаяся здравой логике. Социуму неизвестно, какие именно «воспитательные меры» применяются к подросткам. Пытаясь отстоять себя, Соня подвергается жестокому обращению со стороны других малолетних беззаконников. Вожатые лагеря, безукоризненно выполняют свод правил и указаний, разработанный директором — психопатом, а по совместительству и создателем колонии «Дельфин» — Германом Сико.

Глава#1. Убийство

В океане средь могучих волн,
Где дельфины нежатся с пеленок,
Как — то раз попался в рыбацкий борт,
Маленький, глазастый дельфиненок.

С грудью, рассеченную винтом,
Оставляя след багряно-алый,
Все быстрее приближалось дно,
А дельфин кричал: а где же мама?

Мать услышала последний зов,
Бросилась, волны рассекая,
Но застала лишь последний крик:
Мамочка, прощай, я умираю!

Из альбома колониста Можайской воспитательно-трудовой колонии, 1996–1998 г.

Начнём с того, что бедняга был мертв.

Сомневаться в его смерти, не имело никакого смысла — тело перестало подавать какие-либо признаки жизни, дыхание и хрипы прервались, а из-под головы, на мокрый асфальт, уже текла лужа густой крови. Если бы ни треск черепной коробки, который до сих пор стоит у меня в ушах, я бы подумала, что он всего лишь спит.

— Походу, сдох, — равнодушно констатирует Катя, несколько раз ткнув тело носком своей туфли.

Меня поразило, как бесцеремонно она указала на очевидное.

— Господи, — проговорила я, лишь одними губами. — Что мы наделали?

Я впервые видела смерть такой. Мне было всего пять лет, когда двое мужчин вбивали гвозди в красную крышку гроба, где лежал мой отец. Помню, как небольшая горстка людей, не считая нас с мамой, болтала на отдаленные темы. Кто-то возмущался росту цен на содержание жилья, кто-то хвастался новой прической, а женщина в зеленом пальто, даже умудрилась обмолвиться, что недавно кастрировала кота. Они говорили о чем угодно, но только не об отце. Человек, посвятивший полжизни работе в МЧС, теперь, для всех был лишь бесполезным куском мяса. Тогда, я наивно понадеялась, что угроза увидеть картину ужаснее этой, свелась к минимуму. Я ошибалась. Вопреки своим внутренним ожиданиям, от происходящего сейчас кошмара, ледяной страх с новой силой, сковал меня по рукам и ногам.

— Грязный ублюдок. Испортил мне весь вечер, — с отвращением говорила Катя, протирая рукой экран мобильного. — Фу! Чем от него воняет?

— Ты в скорую помощь звонишь? — заикаясь, спрашиваю я.

— Гонишь, что ли?!

Только сейчас её глаза слегка заблестели от страха. Несколько часов назад, Екатерина крутила своим телом в самом престижном клубе города, делала селфи на фоне стола с дорогой выпивкой, а обделила своим флиртом, разве что только охранника. Правда, теперь,

её вечер был испорчен. Дело в том, что мы стоим на автобусной остановке, у наших ног неподвижный труп, алкоголь в крови мешает здраво мыслить, а моя совесть только-только приоткрыла глазик.

— Нам нужно позвонить в полицию! — кричу я, подавшись истерике. — Давай позовём кого-нибудь! Вдруг, ему ещё можно помочь!

Меня перебивает грубая, унижительная пощечина.

— Заткнись, дура, — приказывает Катя, смотря на меня дикими глазами. — Мне не нужны проблемы, ясно?

Та Катя, которая несколько дней назад клялась мне в вечной дружбе, помогала с макияжем, делилась вещами и была, что ни на есть, самой милой девчонкой, теперь дышит на меня пламенем и заставляет умолчать о преступлении.

— Но это вышло случайно! Мы все объясним!

Резким движением, её рука вцепляется мне в лицо и давит на мои щёки так, что я напоминаю собой перепуганную рыбку Гуппи.

— Ты забудешь об этом, Соня, — шипит она сквозь зубы. — Мы пойдём домой, и никто ничего не узнает. Ты никому не расскажешь об этом.

Конечно, её предложение было более чем заманчивым. За все это время, мимо нас проехало только пару машин, свет от фонарей был слишком слаб, да и валяющийся пьяница не вызвал бы у людей особого подозрения. Все оно так, да вот только моя совесть полностью проснулась, и с укором дергает за короткие ниточки.

— Бомжа никто не хватиться, — продолжает она, гипнотизирующим голосом. — Завтра его выкинут на помойку, а через месяц, мы уже не вспомним об этом случае. Он сам виноват. Так ведь?

Хороший вопрос: виноват ли он, в своей смерти? Чтобы получить успокаивающий или не очень ответ, нужно немного отмотать пленку. Ровно час назад, мы вывалились пьяными из клуба, громко напевая матерные песни Сережи Шнурова, так, что нашей нецензурной брани, позавидовала бы любая продавщица. Ровно час назад, этот пьяный мужчина, со спиртовым раствором в руках был ещё жив и даже не подозревал, что совсем скоро, две наглые пигалицы, отправят его на тот свет.

Всего лишь пару километров не хватило нам, чтобы оказаться дома и беззаботно спать в своих кроватях, позабыв об этой ночи. Поздняя, мы не забудем её никогда.

Дело в том, что Пермакова Катя, ведёт свой личный влог в Инстаграмм под ником Katy_Pretty и выкладывает видео о своём времяпровождении, с очень частой периодичностью. Подписчики Katy_Pretty, знают буквально обо всем, что творится в её жизни: что она ест на завтрак, какой парфюм предпочитает, сколько стоит новенький авто, подаренный влиятельным папочкой, откуда у неё шрам на левом бедре, сколько тату на теле и даже какого цвета нижнее белье она наденет завтра. И вот, новая жертва интернета — пьяный мужчина лет шестидесяти, одиноко распивавший свой крепкий напиток на автобусной остановке. Даю зуб, будь он солидно одет или же был трезв, никогда бы не привлёк внимание Кати. Обычно, девочки из состоятельных семей, обходят подобные экземпляры за километр, но наша особа жаждала популярности. Представляю, сколько бы лайков набрал её ролик, не будь его концовка столь трагичной.

— Давай, грязное животное, покажи своё мерзкое лицо! — кричала она тогда, тыча телефоном бедолаге в лицо. — Пусть люди увидят, как низко ты пал!

Поначалу, мне тоже показалось это забавным. Мужчина не мог выговорить ни слова,

напоминая собой уставшего быка. Он делал глоток за глотком странной жидкости, а она проливалась мимо его рта, стекая по грязной куртке.

— Чего мычишь, бестолочь? — насмешливо дразнила его Катя. — Говна наелся?

В тот момент, я даже не успела удивиться столь быстрому перевоплощению Кати из девочки пай в столь дерзкую хулиганку. Мне в принципе тяжело, отчетливо воспроизвести эти события, так как помню все урывками. Всему виной алкоголь вперемешку с замешательством.

— Меня тошнит, от таких ничтожеств, как ты! — подруга скривила свой напудренный нос и плюнула бомжу прямо в лицо.

Все случилось слишком быстро. Резко встав, мужчина схватил подругу за волосы и начал мотать её головой из стороны в сторону. Катя визжала, как испуганный поросёнок, а я не знала, чем ей помочь. У меня были секунды, чтобы понять, заслужила она этого или нет. Скорее всего, нет, решила я, но продолжала чего-то ждать.

— Убери его от меня! Убери! Убери!

Я стояла как вкопанная, и в этот момент, игнорируя крики и панику, придумала свою личную шкалу Ада, измерительная оценка которой была от 0 до 10. Тот день, когда могилу моего отца уже утрамбовывали лопатами, отметка на шкале Ада достигала цифры 9. У каждого человека есть такой день, когда шкала Ада начинает зашкаливать. Будь он даже самым счастливым на земле, этот день для него все равно настанет. Наверно, для Пермаковой Кати, которая привыкла всеми потыкать, перед которой с детства пресмыкались родители, это был именно этот день. День, когда отметка на шкале приблизилась к максимальной цифре.

— Убери свои руки, мразь! — вопила Катя, напоминая собой бракованную марионетку. — Мой папа найдет тебя! Ты — не жилец!

Эх, знал бы папа Кати, насколько она сильна в прогнозировании будущего, то еще в юном возрасте, записал бы ее на кружок экстрасенсорики.

— Соня, ты чего стоишь?! Сделай что-нибудь!

И вправду, чего это я? Нащупав в сумочки флакон дешевого дезодоранта, я направила его прямо в глаза нападавшего. Долго ждать не пришлось — мужчина схватился руками за лицо. Еще бы! Вы читали когда-нибудь состав своего антиперспиранта? Фарнезол, триклозан и еще куча химических примесей, которым ваши глазки едва ли обрадуются. И, казалось бы, осталось только убежать, но я, обрадованная своей маленькой победой, со всей силы толкнула несчастного. И без того неустойчивое тело покачнулось и упало на асфальт. А потом, раздался неприятный хруст. Поначалу мне даже показалось, что я наступила сухую ветку. Это была голова мужчины. Несколько слабых конвульсий, и тело мужчины обмякло, словно расслабилось, после трудного, рабочего дня, после трудной жизни.

Знали ли мы, что первой помощью в такой ситуации, было бы сделать искусственное дыхание? Конечно, знали! Но каждая из нас, побрезговала приближаться к нему.

Возвращаемся к тому, с чего начали. Я стою с широко распахнутыми глазами, которые так и норовят вылезть из орбит, рядом Катя, безразлично поправляющая волосы и труп, беззвучно проклинаящий нас. Моя шкала принимается барохлить. Потихоньку начинает рассветать, боль и страх кусают изнутри, разгоряченное дыхание вырабатывает пар, а за несколько метров от нас включается веселая вывеска магазина сотовой связи. На моем же лбу, невидимая рука, медленно, ржавым гвоздем, выцарапывает слово: убийца. Но в глубине души, я знаю — настоящую причину того, что произошло — зовут Катя Пермакова.

— Валим, Соня, — приказала зачинщица, схватив меня за локоть.

Я слегка киваю в знак согласия. Да, тогда я доверилась Кате, потому что другого выбора у меня не было. Подруга, невозмутимо ловит мотор и по-хозяйски запикивает меня в машину, а потом еще всю дорогу, будет шутить с водителем, как будто ничего не произошло.

Напоследок, я посмотрела на синеющее тело. Мысленно попросила прощения, в надежде, что его душа услышит меня. Я извинялась в этой жизни за многое, но чтобы каяться перед тем, кого лишила жизни — это было для меня в новинку.

Когда я возвращалась домой, в голове прокручивала множество вопросов. Какого это — умереть в России без имени? Какой будет последний путь неостребованного человека? Сколько людей пройдет мимо окаменевшего тела, прежде чем кто-нибудь поймет, что он мертв?

Уже практически конец мая месяца, а мое тело дрожит, словно после купания в проруби. Жадно глотаю воздух — стараюсь притормозить нарастающий эмоциональный взрыв. Клянусь всем, что у меня осталось, будь возможность все предотвратить, поменялась бы местами с этим стариком. И, тихонечко молюсь в душе, чтобы кара обошла нас стороной.

Моя мама — Филатова Жанна Олеговна, еще спала в своей комнате, когда я скидывала с себя белые балетки, на которых мелкой крапинкой, засохла чужая кровь. На цыпочках, еле дыша, я запрыгнула в ванную комнату. Перед тем как отправить вещи в стиральную машинку, я со всей силы закусил их зубами, перебарывая желание закричать. Напор теплой воды, не подарил желаемого облегчения, а жесткая мочалка, оставляла на теле покраснения и мелкие ранки. Прошло пару часов, прежде чем я закрыла винтик смесителя.

Перед глазами стоит все та же картина. Постоянно вздрагиваю, неприятное ощущение, что за мной следят. Борюсь со слезами, но это с трудом получается. Все скверные переживания раннего утра, словно тупые ножи, врезаются в память.

Пишу смс Кириллу:

Я меня проблемы. Нам нужно встретиться.

Отправляю.

Слышу несколько посторонних голосов в квартире и один из них взволнованный — мамин. Быстро накидываю на себя вещи, висевшие на змеевике и выбегаю из ванны. Удивительно. Я и не подозревала, что они могут работать настолько оперативно. Двое молодых парней, представляющих закон, уже знали, что скоро получать долгожданную звезду на погоны. Не сложно было догадаться, за кем они пришли. Их глаза загорелись в предвкушении повышения, мои же потухли тогда навсегда.

Я слышала лишь отголоски того, о чем они говорили. Но, понятно было одно: причина, по которой они оказались у меня дома, абсолютно точно, связана с жестокой расправой над мужчиной. Путь отступления не было, я их и не искала. Все в этой жизни закономерно. Даже если ты сделал что-либо, даже не намеренно, ты всегда должен быть в ответе. На секунду, я получила долгожданное облегчение.

Не поднимая глаз на мать, я прошла на кухню. Достав из холодильника крепкую вишневую настойку, я наполнила ею рюмку. Первый вопрос в голове: как? И следом второй: как же так? Делаю глоток обжигающей жидкости и чувствую, как руки заламываются за спиной, а потом и холод железа на запястьях. Все кончено. Нет, не так. Все только начинается.

— Сонечка, что происходит? — плачет обескураженная мать.

Сгорбившись, выходя из квартиры, все же решаюсь посмотреть ей в глаза. Боль, страх,

ужас, безнадежность — вот, что читалось в них. Корю себя, что ей пришлось это увидеть, лицезреть. Даю долгожданную волю слезам, мысленно прощаясь со своей. Плакать легко, когда ты видишь, как от твоих действий, страдает тот, кого ты любишь. Перед тем как дверь закроется, и меня посадят в бобик, смотрю на родную и говорю взглядом: я не виновата, мама.

Глава#2. Воспоминания

Вы любите дельфинов? Я вот любила. Милое, дружелюбное существо, одно из Божьих созданий, всегда ассоциировалось у меня, с чем-то светлым, чистым. Их часто называют сиренами моря, из-за широкой амплитуды звуков, которые они издают. Особенно поражает, их трогательная, душещипательная особенность — самопожертвование. Люди выкладывают деньги пачками, чтобы отвести своего ребенка на шоу, в котором будет выступать эта няшечка. Они смеются, восхищаются, аплодируют и мечтают, снова посмотреть подобное представление.

А вы когда-нибудь хотели стать дельфином? Когда я говорю «дельфин», не имею в виду «свободное создание», а подразумеваю «красивая игрушка». Когда веселая дрессировщица, машет цветными палочками, чтобы дельфин делал кувырок в воздухе и выпрыгивал из воды, пересекая огненное кольцо. Когда характерный звук свистка предупреждает дельфинов: если они не будут делать все синхронно и красиво, то могут остаться без лакомства. Вы хотели быть таким дельфином? Наверяд ли.

Когда мне было четыре года, отец водил меня на подобное мероприятие, тем самым, мы одновременно исполнили свою общую, сокровенную мечту. Но какое же меня ждало разочарование, когда я увидела дельфина и эти уставшие, невыносимо грустные глаза, которые бредили свободой. Я была слишком мала и могла ошибаться, но именно тогда, мне хотелось так думать. Я так сильно прониклась этим взглядом, что порой меня мучают кошмары.

Точнее один кошмар, который повторяется.

Я одна посреди огромной арены, в непромокаемом костюме, подо мной вода и неустойчивая платформа. Мне страшно, ведь я не умею плавать. Зал пустой, меня слепит свет от прожекторов, и со временем меня начинают окружать дельфины. Они смотрят на меня, они жаждут шоу, но я не могу пошевелиться — страх воды сильнее. Дельфины злятся и начинают подавать громкие сигналы, от которых закладывает в ушах. В итоге, свисты и щебет становятся такими невыносимыми, что я падаю в воду. В ужасе начинаю барахтаться и чувствую, как вода наполняет мои легкие. На этом моменте, я всегда просыпаюсь.

Годы шли, и вместе с тем, как я выросла, эти сны все меньше меня пугали. Я видела их реже. А еще, меня сломил более ранимый факт — у моего отца нашли рак, что в основном является смертельным приговором.

Обычно дочери больше привязаны к матери. Дочь должна любить наблюдать, как мама готовит, следить за тем, как она красится, обожать покупать разные безделушки, но я больше испытывала привязанность к отцу. Мой отец, казался мне настоящим героем, сверхчеловеком, и я, всегда превозносила его на самый высокий пьедестал, на котором, другим людям, там просто не было места. Я знала о его работе, которая не может существовать без настоящего мужества и очень гордилась, когда папа спасал кого-либо. Ох, его рассказы о своих подвигах, были более чем захватывающими. Ни одна сказка, которая читала мне мама на ночь, не могла сравниться с этими увлекательными, а в первую очередь реальными историями.

Мне стало невыносимо больно, когда я поняла, что ему осталось совсем недолго. Помню, как из его тела выскользнула жизнь, тогда я приникла к его груди и впервые в жизни, он не ответил на мое прикосновение. Он уснул навсегда. Вместе с ним, тогда уснула

частичка меня.

Жили мы скромно, в одном из спальных районах, неподалеку от центра города. После смерти отца, мама подрабатывала парикмахером на дому, накопив приличную базу клиентов. В принципе, на жизнь хватало. У меня даже был велик, правда, без корзины, но все же он был. Я не могу жаловаться на свое детство, это было бы неправильно, нечестно.

Потом началась школа. Я никогда не была изгоем, но и популярностью особо не пользовалась. Всегда старалась держаться одной. Так было проще всего. Не обзаведись ты другом, ты никогда его не потеряешь. А я так боялась, еще раз кого-либо потерять, что заняла позицию одиночки. Устроилась помощником библиотекаря, и избавила маму от лишних расходов. Тогда, я вполне могла себя одеть, и купить ту обувь, которую хотела, а не в которой будет удобно.

Не скромно заявлю, годы пошли мне на пользу. Из пухлощекого медвежонка, я превратилась в стройную березку. Пшеничного цвета волосы, я принципиально не красила и не стригла, как это делали мои одноклассницы. Цветные пряди, короткие стрижки — это все не для меня. Яркий макияж, я тоже считала чем-то не уместным для подростка, поэтому свои серые глаза, немного подчеркивала черной тушью. Но, моя внешность, не помогла мне, в привлечении внимания противоположного пола.

Только пару месяцев назад, я встретила Кирилла. Он мой парень. Да, я позволила себя небольшую слабость, лишь в пятнадцатилетнем возрасте. Ну, он такой милый, что я не смогла устоять. Старшеклассник, с каштановой шевелюрой и огромными глазами, покорило мое сердце в одну секунду. Тогда, мы ходили на внеурочные занятия по баскетболу, и сразу же, любимое хобби, превратилось в помешательство. А когда мы впервые поцеловались, то свою голову, я не просто потеряла, на ее месте образовалось розовое, плюшевое сердце.

В минуты объятий, Кирилл был первым, кто заметил мой тонкий шрам на ключице. Я никогда и никому о нем не рассказывала и старалась носить закрытые вещи, чтобы скрыть его от чужих глаз. На самом деле история его появления скверная, даже глупая. Когда отца не стало, это было большой утратой, болью для меня. Даже в столь юном возрасте, я прочувствовала все, как взрослая. Я понимала, что у меня болит, и глупо решила, что смогу избавиться от этой боли. Мне смутно помнится, когда мама выхватила нож из моих крошечных рук. Я хотела вырезать сердце, как делали многие персонажи мультфильмов. Им становилось легче, без этого органа, а значит, должно полегчать и мне — думала я, своим грецким орехом, выросшим вместо мозгов. Моя мать опешила, от подобной картины. Ох, и крика было. Но, я учла урок. В наказание или в напоминание, теперь, этот уродливый шрам красуется на моем теле. Почему ключица? Нет, я резала там, где надо, просто с возрастом, шрам поднялся чуть выше груди.

Девятый класс, в общеобразовательной школе не только подарил мне Кирилла, но и щедро подбросил сомнительную подружку. Катя Пермакова перешла к нам почти в конце учебного года, и сразу же обратила свое драгоценное внимание именно на меня. За несколько недель, она умудрилась завербовать меня. Катя отличалась от нас многим: богатенькие родители, фирменные вещи, смелый внешний вид, а главное, ей никто не указ. Именно благодаря ей и ее золотой карте, нас так просто пропускали в различные клубы, на которые нам даже смотреть было противопоказано. Катя щедро платила за все развлечения, которыми мы не пренебрегали. Я, Кирилл и Катя стали отличной командой. И, мне на секунду показалось, что я — счастливый человек.

Эх, никогда не обольщайся, чтобы потом не разочароваться.

Толкнув того мужчину, я одновременно лишила жизни себя. Я вступила в кромешную тьму: занавески задернуты, свет погашен.

Как быстро может поломаться жизнь человека, когда он этого совсем не ждет. В жизни бывает черные и белые полосы, а иногда бывают... Глубокие черные полосы. Так, случилось у меня. Тяжелым камнем, я упала на дно этой впадины. Сквозь толщу воды, я смотрю на просветы солнца, вижу белые облака, но не могу пошевелиться. Я тону и кричу о помощи, но меня никто не слышит. Мне бы плавники...

Вы когда-нибудь вели детские, самодельные анкеты? Изрисовав тетрадку цветными ручками, мы составляли список вопросов, которые хотели бы задать другому человеку. Мне было важно, что думает обо мне сосед по лестничной площадке или бабушка Зоя, сидевшая на лавочки у подъезда. У всех были такие анкеты. Страшно подумать, но на сегодняшний день, моя анкета, кардинально отличается от детской.

И она выглядит так:

Ф.И.О.: Филатова София Валерьевна.

Дата рождения: 25. 11. 1998 г.

Статья: 109 УК РФ (Непредумышленное убийство).

Приговор: исправительные работы, в воспитательной колонии «Дельфин».

Срок заключения: 12 месяцев.

Право на обжалование приговора: упраздняется.

Право на общение с близкими: упраздняется.

Право покинуть колонию, до момента полного исправления: упраздняется.

Глава#3. Суд

Все случилось слишком быстро. Меня, скованную, как особо опасную преступницу, водили из кабинета в кабинет, перед лицом постоянно мелькали люди в полицейской форме, непонятные бумаги, и я чувствовала себя жалкой, беспомощной, безвольной собачонкой, которую подготавливают к процессу эвтаназии. Отдел полиции, больше не вызывал у меня ощущение защиты, наоборот, я чувствовала себя крайне небезопасно. Я ловила на себе множество осуждающих взглядов, неприятных ухмылок, и казалось, что каждый знает о том, что произошло. И все же, я терзала себя догадками: как они смогли, сработать столь оперативно? Как получилось, что заподозрили именно меня? Пробегаясь глазами по коридору, я надеялась увидеть знакомое лицо. Ведь, если вычислили меня, то и Катя должна быть где-то неподалеку.

Мои руки освободили от наручников только в тот момент, когда я оказалась в кабинете у следователя. Пустая комната с длинным столом, двумя стульями, компьютером и старого типа телефоном. Семь-восемь часов тяжелой, мучительной беседы, содержащей столько накала, что хотелось выпрыгнуть в окно. Я не пыталась что-либо скрыть, напротив, говорила только правду, наивно решив, что это послужит моему освобождению. Неважно, были ли у тебя плохие мысли, важен только факт, а в моем случае, получился самый скверный итог, который только можно было вообразить.

Немолодой, суровый следователь, с желтыми от никотина усами, задавал вроде бы самые простые вопросы, но в совокупности, они превращались в одну зловещую мелодию. Человек, с хмурыми бровями, уже знал всю историю, только лишь хотел убедиться в деталях, и меня это порядком настораживало. За все время допроса, моя голова хорошо изучила один несложный жест. Казалось бы, в обычной жизни, это лишь простое согласие, но сегодня, при каждом кивке, мои мышцы на шее скрипели, как ржавые, не смазанные маслом качели. Как это, признавать, что ты — убийца? Далеко не просто, поверьте. Но покорило меня вовсе не это. Меня шибануло током, когда прозвучали до дрожи колкие слова, которые застыли в воздухе. Следователь, ни на секунду не запинаясь, объяснил мне, что водитель такси, который вез нас домой, с радостью выдал наши адреса. Не трудно было догадаться, кто был виной, пробитой головы человека. Но Катя, подруга без каких-либо угрызений совести, дала показания против меня.

В тот момент, моя шкала Ада, замерла на отметке 8.

Спасибо, Катюша. Как вспомню твои жалостливые крики о помощи, так сразу жалею, что заступилась за тебя. Хотел бы он твоей головой, до морковкиного заговенья, и не сидела бы я здесь, с клеймом чудовища на лбу. Хотя, на что я надеялась? Даже если бы, мне приклеили статус свидетеля, Кате все равно бы все сошло с рук. Моя мама, никогда не сможет заплатить ту сумму, которой располагают родители Пермаковой. Откупились. Бог им судья — так, обычно говорят? Ох, я бы сейчас все отдала, чтобы пристать именно перед Божьим судом, нежели людским. Я не собиралась поступать так же, как поступила Катя — это как огонь тушить бензином.

Далее меня ждал экспресс-суд, где мне очень быстро зачитали невеселый приговор: один месяц заключения под стражу, пока будет идти следствие. Мое сомнительное путешествие, тогда только началось.

Бесчеловечно вытащив меня из автозака, меня любезно встретил начальник СИЗО. Он

долго рассматривал мои белые балетки, а лишь потом, с сарказмом в голосе, спросил:

— Первый раз?

В знак согласия, медленно опускаю свои опухшие от слез веки.

— Не бойся. Здесь не кусаются.

Попытка хоть немного меня успокоить, совсем не удалась. От его слов мне стало только хуже. Тело покрылось мурашками, а синие губы и костлявые колени синхронно затряслись. Не трудно догадаться, что люди подобных профессий закаленные и безжалостные, но смеяться над ошибками других, это слишком низко.

Длинная процедура приема, заставила меня около часу, унижительно стоять лицом к стене. Со стороны, я была похожа на провинившегося ребенка, которого поставили в угол за оплошность. А потом, началась процедура, которую мне приходилось наблюдать только в русских детективах: отпечатки пальцев, фото в трёх проекциях, врачи. Я чувствовала себя инопланетянином, которого в научных целях режут на кусочки. Господи, я походила на кого угодно, только не на старую, добрую — Соню Филатову.

Непробиваемая женщина — кто-то вроде кастелянши, выдала мне тонкую подушку, исхудалое одеяло, ватный матрас и тазик, в котором я должна буду мыться. Зайдя в камеру, я была вовсе обессиленная. Уронила все на ближайшую койку, приготовившись знакомиться с новыми знакомыми. Но в помещении никого не было. Тогда я решила, что мне повезло: никто не будет бить меня или унижать. Посади меня с женщиной, которая порезала мужа или же наркоманкой, болеющей ВИЧ — это было бы намного хуже. Хотя, с такой статьёй, как у меня, легко можно быть в авторитете. Наверное.

Дни тянулись очень медленно, но я потихоньку свыкалась. Я боялась смотреться в зеркало: откуда на меня смотрело лицо покойника, но это было не самое плохое.

Невыносимая духота, ужасная койка на железной основе, больно впивалась в спину и бока, мешая уснуть и отсутствие времени, от чего находишься в полной дезориентации. Отвратительная кормёжка, судорожный и урывками сон, сильнейший стресс, быстро сломали меня. Мне часто снилась долгожданная свобода и от этого, я еще больше погружалась в отчаяние. И, знаете девчата, если вы думаете, что к слабому полу отношение в таких местах более лояльное — не обольщайтесь! Если ты переступил порог СИЗО не в качестве «закона», то вожми свою голову поглубже в плечи, иначе полетит по закоулочкам.

Мои глаза высохли, и, казалось, я больше не буду плакать, не смогу. Но драматический момент все же настал, когда у меня выдалось свидание с мамой. В тот день, она привезла мне чистые вещи, шампунь, прокладки и жирный крем — все в странных сосудах и пакетиках, куда все выложили из фирменных упаковок. При виде мамы, я снова дала волю слезам, но быстро взяла себя в руки, потому что её реакция, была в разы хуже. Хотя кто-то из нас, должен не терять рассудок. Мама убеждала меня, что займёт денег, найдёт хорошего адвоката и скоро весь этот кошмар закончиться. Мы просили суд присяжных, чтобы у меня появился малюсенький шанс. Долгие дни мучительного ожидания, того решающего дня, свелись в одно серое пятно. Койка, осмотр, проверка, кормежка, тазик и снова койка — завтра, как будто не наступало.

Зато, впервые жизни, я полюбила сон. Да, именно тот сон, который мне с трудом удавалось получить. Уж лучше, я буду видеть воображаемый кошмар, но не тот, который реален.

И вот день Икс настал.

Когда конвой под руки вёл в зал заседания, меня ждал новый шок.

Беременная девушка, лет так тридцати, накинута на меня с криками:

— Тварь! Ты отца моего убила! Гори в Аду! Сдохни!

Как оказалось, мужчина на автобусной остановке не был бомжом, это был обычным человеком, со своими определенными пристрастиями. Этот факт, не сильно повлиял на мое состояние, но изрядно удивил. Как мы вообще могли так подумать? Ни то что бы, это как-то изменило ситуацию или определенный статус человека, давал нам право на такое, но все же.

Крики разъяренной девушки, давили на перепонки в ушах и на горло. Я так и не смогла посмотреть ей в глаза. Ее реакция была вполне понятна, будь я на этом месте, вела себя точно так же. Мне казалось, что если мои сопровождающие хоть на секунду отвлекутся, то от меня не останется и мокрого места.

Забавно, но когда дверь клетки в зале суда захлопнулась, я почувствовала себя в безопасности. Не подходите, я в домике.

Я — Филатова Соня, робко поджав ноги, сижу на скамье подсудимых. Сжимаю руки между собой со всей силы, так, что костяшки белеют. Меня обвиняют в убийстве прекрасного отца, мужа и любимого дедушки — Владимира Гришко.

На удивление, даже по версии обвинения, я сделала это не нарочно. Ну, так и было в принципе. В свою очередь, я признаю вину, каюсь и божусь, что исправлюсь. Коллегия присяжных заседателей — ни больше, ни меньше, двенадцать человек, — внимательно слушают меня и только изредка отвлекаются на колкие высказывания в мой адрес со стороны пострадавших и душераздирающие всхлипы моей мамы.

Я стала одним из тех, чья судьба находится в чужих руках. Эх, ну и кусачее это чувство, знаете ли. Будут ли они объективны? Будут ли снисходительны? Ведь, я для них незнакомый человек, случайно встретившийся на их пути. Да уж, у моей судьбы — кошачья улыбка. Ускользнув между моих пальцев, она зараза, предательски устроилась в чужих ладошках.

После часового слушания, господа присяжные удаляются в совещательную комнату, чтобы потом, публично провозгласить вердикт. Вердикт, который я боюсь услышать даже краем уха. Провожая их молящими глазами, но они отвечают игнором. В душе молю их о пощаде и скрещиваю холодные пальцы за спиной. Плачу, чтобы меня не настигла суровая участь. И мама: все плачет, плачет и плачет. Надевайте спасательные жилеты, господа присяжные, скоро тут все затопит горем и страданием.

Сердце наполняется плохим предчувствием, когда судья в напутствие, просит коллегую, опираться на факты и доказательства, и совсем забыл напомнить о праве на ошибку и чувство человечности. Какие факты? Какие доказательства? Я все признала и это факт. Виновата. Точка. Я прошу всего лишь маленького шанса. Шанса, не сгнить в тюрьме пока проходит моя молодость.

Совещание завершается спустя тридцать минут. В воздухе повисло напряжение. Добрые присяжные, просят, назначит мне минимальное наказание, просят о нисхождении. Святые люди! Спасибо! На мгновение, на моем лице появляется слабая улыбка. Я с трудом остаюсь стоять на месте и не падаю им в ноги.

Но ведь, это еще не все. Должностное лицо государства, носитель судебной власти, а точнее, женщина с короткой стрижкой и лицом, серьезнее, чем у президента, еще не вынесла вердикт. И снова крестик за спиной. Так хочется, чтобы женщина узнала во мне свою дочь, и растаяла, как ванильное мороженое, под палящим солнцем.

Судья выносит приговор — один год работ, в исправительно-воспитательной колонии «Дельфин». Видимо, у нее в семье одни лишь сыновья.

Пытаюсь понять: огорчаться или нет. Это что-то вроде сурового лагеря с позитивным названием? Слышу, как возмущается дочь погибшего. Ей не нравится моя мера пресечения. Значит, все не так плохо. Смотрю на маму, на ее лице зависло недоразумение. Мы с ней единственные, кто впервые слышал о таком месте. Видимо неспроста.

Судья дает пояснение: «Дельфин» — экспериментальная колония для трудных подростков, созданная по подобию исправительного лагеря, но ограничение свободы в данном месте, отличается от тюремных условий. Это определенная школа жизни, влияющая на социальное поведение, на жизненные взгляды ребенка, не травмируя его психику. Вкратце, что-то вроде пряника из гудрона с игрушечным кнутом.

Конечно, я не хотела исчезать из жизни мамы на целый год, но мне все равно казалось, что я легко отделалась.

Эх, знала бы я в тот момент, на что меня нарекли, не задумываясь, просила бы строгого режима. Если ты — пропащий человек, поставивший большой крест на своей жалкой судьбе, у тебя отсутствует мораль и полное безразличие к окружающему миру, тебе нечего терять и ты фанат жестоких игр, то: Добро пожаловать! Колония «Дельфин» — определенно твое место! Падай в эти огромные плавники, они прижмут тебя крепко и никогда не отпустят!

***

Меня и еще несколько ребят, привезли в старый поселок, что-то вроде деревушки окруженной непроглядной тайгой. Мы, трудные подростки, выстроились в кривую колонну, и стоя перед воротами загадочного лагеря, напоминали собой поросят ведущих на убой. Сюда, нас привез огромный автобус, без окон и лавочками вместо сидений, похожий на катафалк. Где-то в глубине души, я была рада, что оказалась здесь. Мне порядком надоело находиться в замкнутой камере СИЗО, тесной и душной, где я провела чуть больше месяца.

Мрачные серые облака, не давали насладиться потоком свежего, «свободного» воздуха, покрывая все небо густыми свинцовыми тучами. Среди «своих», я чувствовала себя мягко сказать: не комфортно. Мандраж в совокупности с зябкой погодой, заставляли мое тело дрожать без перерыва.

Конвойные ухмыляются, прощаются с нами, оставляя толпиться на маленьком пустыре. Мне даже кажется, что где-то вдали, я слышу шум поезда, а потом думаю, что мне все это мерещится. Да и вообще, с того рокового дна, я постоянно нахожусь в затуманенном рассудке.

Толпа задается вопросами: Кто? Откуда? За что? А я молчу.

Ловлю на себе холодные, пустые взгляды. Топчусь на месте и прячу глаза.

Мальчишки и девчонки лет четырнадцати, весело хихикают, дурачатся, совсем не опасаясь этого места. Они — волчата, с искалеченными судьбами. Ни на одном лице, я не увидела страха — для них это чуждо. Еще совсем зеленые, потерянные души, которым не свойственно быть слабыми.

Это был первый день пребывания в колонии «Дельфин». Один день, из тех многих, которые высечен большим рубцом на моем маленьком сердце. Что нас ждет дальше? Тогда, этого никто не знал.

Пора бы натянуть болотники до самых ушей, потому что тот мир, в который мы наступим, полон мерзкой, вязкой грязи, и самое главное, постараться не утонуть в ней. Нет, всеми силами держаться и не сгинуть.

Глава#4. «Дельфин» — мой очередной кошмар

«Нераскаянный грех, держит душу в состоянии смерти» — гласит гнетущая надпись, на вывеске у железных ворот колонии «Дельфин».

Лагерь располагался примерно в трехстах километра от города. Вокруг царила тишина и покой, не считая голосов ребят, невозможно было представить, что произойдет что-нибудь плохое.

Со мной поравнялась девчушка с большими карими глазами, но до боли грустными. Она была ниже меня на голову, волосы ее были коротко острижены и выкрашены в красный цвет, а впалые щеки заострили маленькое личико. Никогда бы не подумала, что увижу тут людей подобного типа. Наши глаза встретились, и я почувствовала, что ей тоже нужна поддержка, тот человек, с кем можно разделить столь суровые будни.

— Соня, — шепотом представляюсь я и натягиваю улыбку.

— Аля, — прорезается писклявый голосок.

Мы улыбаемся и беремся за руки, как будто сейчас нам предстоит веселая игра в песочнице. Сколько же ей лет? На вид так все двенадцать! Что могла сделать девчонка, похожая на сказочного эльфа? Наступить на ромашку? Раздавить букашку?

Знакомьтесь. Дельфиненок № 1.

Ф.И.О.: Кручик Алевтина Аркадьевна.

Дата рождения: 17. 08. 1999 г.

Приговор: исправительные работы, в воспитательной колонии «Дельфин».

Срок заключения: 8 месяцев.

Статья: часть 1, 245 УК РФ (Жестокое обращение с животными, пропагандируемое в сети).

Дело: Здесь не все так очевидно, как может показаться на первый взгляд. Алю признали безжалостной душегубкой, после того, как она выложила фото своей старой кошки после усыпления в интернет. Девочка написала чуткий пост под фото, но общество встало на дыбы. Крайне примитивно мыслящие зоозащитники, открыли такой лай в интернете, что взбудоражился, будто весь мир.

"Такое деяние хоть и редко, но все же наказуемо, причем, с моей точки зрения, довольно справедливо. В случае если гражданин собирается убить животное в хозяйственных целях, необходимо убедиться, что при этом не будут присутствовать дети, что убийство не будет совершено с применением садистских методов и что это не будет доступно общественности. Если же человек, на показ выставляет мертвое тело животного, значит, он аморален и жесток", — писали тогда в газетах.

Они увидели смерть животного и больше ничего. В своих взглядах, они зашли слишком далеко. Отстояли никому не нужную, последнюю волю, уже мертвой кошки и спокойно смотрят телевизор. А у Али мама — инвалид и ей постоянно требуется помощь. Что ты, зоозащитник? Обрызгал монитор компьютера слюнями, а утку поменять не жаждешь? Пушистых котиков ты любишь? А как же дельфинята? А как же мы? Ты подумал о девочке, у которой возможно поломается судьба? Едва ли! Ты губишь человеческие души, прикрываясь помощью щенкам! Настолько ли нравственна твоя работа, как кажется на первый взгляд?

Сейчас Аля молчалива, но потом, за кучкой бетонных плит, между ужином и отбоем, за горсткой кислых ягод она расскажет мне все: про маму, лежащую без ног, про брата-

наркомана, про печать несчастья, преследующего ее, про нищету и одиночество. Это будет только через несколько недель, а пока, мы все так же стоим перед высокими воротами, кусаем губы, держимся за руки и чего-то ждем.

— Я читала про этот лагерь, — не поворачиваясь на меня, сказала Аля. — Говорят, там все повязаны на вере, любви к Богу. Заставляют молиться, соблюдать посты и всему подобное. Даже белье девочкам нельзя носить.

— Секта что ли? — спрашиваю я.

Аля пожимает тонюсенькими плечиками.

Ни то что бы я плохо относилась к религии, просто не люблю, когда это доходит до фанатизма. Я верующий человек, но мой возраст, не позволяет мне всей голову окунаться в веру. Ну, я просто этого немного стесняюсь.

— Ходят слухи, что главный тут — настоящий псих, — Аля продолжает с интересом подливать масло в огонь. — Он богатый и очень влиятельный.

— Странно, это место не похоже на курорт, — я морщу нос.

— Вообще-то, это своего рода тюрьма. Ты же не думала, что нас привезли сюда, чтобы закормить конфетами?

— Нет. Я просто не думала, что это будет похоже на дыру с трухлявыми бараками.

— Сомневаюсь, что Герман Сико, пожалел на это денег, которые и без того некуда девать. Это так задумано. Чтобы жизнь малиной не казалась.

— Зачем тогда ему все это? Зачем заниматься этим?

— От скуки? — предполагает она.

В сердце закралась зависть к господину Сико, потому что за несколько последних недель, мне скучать совсем не приходилось. Сейчас, я бы все отдала, чтобы валяться на диване, за просмотром любимого сериала, кушать попкорн и временами зевать в потолок.

— Думаешь, нам повезло? — спрашиваю я. — Ты думаешь, что здесь лучше, чем в настоящей тюрьме?

— Надеюсь, — отвечает Аля. Девочка закрывает глаза, запрокидывает голову к небу и делает глубокий вдох.

Нам всем, остается только надеяться на лучшее.

Неожиданно ворота открылись, и я, из расслабленной позы, быстро перегруппировалась в стойкого солдата. К нам вышла строгого вида женщина, с тугим пучком на затылке, лет так сорока восьми. Острые черты лица, требовательный и суровый взгляд, тонкие губы терялись на фоне бледной кожи, она напоминала собой уставшую преподавательницы темной магии. На ней было странное платье, серое и потрепанное, как будто прибывшее к нам из Древней Руси и резиновые колоши, на размера два больше.

На мгновение в воздухе повисла тишина, женщина внимательно прошлась по нам глазами.

— Добро пожаловать в лагерь «Дельфин»! Меня зовут Варвара Ильинична, я заместитель директора лагеря и ваш старший вожатый. Здесь вы будите добросовестно работать и стремиться к лучшей из жизней.

Варвара Ильинична? Если мне придется обращаться к этой даме, мой язык завяжется в тугой узел. Видимо, мало нам сложностей, так еще и это.

Только потом я узнаю, что Варвара из тех женщин, которая оставила троих своих детей в детском доме, чтобы вступить на эту службу. Непробиваемая, циничная, бесчувственная, словно робот, она еще долгое время будет пасти нас словно овец и баранов.

Заместитель продолжала:

— Я прошу серьезно отнестись к нашим требованиям! В ваших комнатах, вы увидите листовки с режимом, который вы должны соблюдать и беспрекословный свод правил. Лагерь делится на два сектора — А. и Б.: в целях, чтобы разграничить возрастную разницу!

Краем уха, я слышала, как среди ребят пробежался шепоток. Если они негодовали, то я была рада, что разделение идет не по тяжести приговора. Не хотелось бы мне оказаться среди убийц и насильников.

— Ваша группа, относиться к сектору А. - дети от 14 до 15 лет! Сектор В. уже располагается, это группа от 16 до 17 лет! С собой в колонию запрещено проносить что-либо из вещей, все необходимое вам выдадут после вступления в наши ряды.

Стоявшая рядом Аля прокомментировала выступление Ильиничны:

— Если мне придется одеть такой же мешок, как висит на ней, я буду похоже Пьеро — алкоголика.

Я зажала ее руку чуть сильнее и издала тихий смешок. Без преувеличений, Аля так бы и выглядела.

— Позже, рассмотрев ваши анкеты, мы определим, кто и на какую работу способен! — продолжала Варвара. — Умение готовить, шить, стирать, очень ценится здесь!

— А стриптизерши? — выкрикнул кто-то из колонны. — Такой опыт подойдет?

Все засмеялись, а я повернула голову так, чтобы разглядеть этого смельчака. Это была девушка с внешностью пацанки: голова была практически налысо побрита, виднелась лишь мелкая светлая щетина, черты лица особенно красивы, но усеяны различным пирсингом, тату, как черные рукава покрывали все руки, а тело рельефное, как с плаката рекламы спортзала.

— Фамилия? — требует разозлившийся заместитель.

— Волкова! — выскочка театрально отдала честь.

— После отбоя ко мне, — спокойно говорит Варвара, но в голосе слышится угроза.

— Есть!

Я была в растерянности, как люди, попавшие сюда, могут вести себя настолько свободно. Казалось, что только меня и Алю, пугает все, что происходит.

Варвара Ильинична немного смягчилась в лице.

— Прошу пройти за мной, чтобы я могла показать вам ваши комнаты.

Все ринулись вперед, а мы с моей новой подругой, оставались робко стоять на одном месте, дожидаясь конца колонны. Проходящая мимо Волкова, демонстративно задела меня плечом, заочно записывая меня в круги недругов.

Я напоследок взглянула на лес и мысленно попрощалась с природой на целый год, еще не подозревая, что захочу сбежать намного раньше.

Когда старший вожатый определяла по три человека в каждую из комнат, я внимательно разглядывала территорию: два длинных барака, с пятью комнатами в каждом; кирпичное здание похожее на столовую; деревянные туалеты и душевые; небольшая площадка со стендом, уклеенным разноцветными листовками; соток семь огорода за изгородью и железная сетка, разделяющая лагерь на две части.

Там, на той стороне, я заметила двух парней со скрещенными на груди руками, вальяжно облокотившись об ограду, они вели увлекательную беседу. Один из них рыжеволосый, другой брюнет, даже на приличном расстоянии, я уловила некую схожесть между ними. Да и одеты они были одинаково — что-то вроде робы, с большими карманами

и на пуговицах, серого цвета одежда напоминала собой пижаму.

Через какое-то время, рыжеволосый парень повернулся в мою сторону, и я чуть ли не вздрогнула, чувствуя себя мелким подсматривальщиком. Наши взгляды встретились, и я заметила, что его глаза сощурились, подобно лисьим. Я была напряжена, и мое дыхание перехватило, когда он улыбнулся мне.

Я растерялась. Чтобы это могло значить? Может, мы знакомы? Может, он перепутал меня с кем-то? Почему, я стою как статуя? Где мои манеры?

Чтобы не показаться невежливой, мои губы расплылись в ответной улыбке, но тут он помрачнел, и от его любезной улыбки не осталось ни следа. Парень медленно поднял правую руку и показал мне средний палец.

Я покраснела, и резко отвернувшись, едва могла дышать. Спиной я чувствовала, что эти двое сверлят во мне дырку, смеются надо мной. И, счастьем было то, что Ильинична пригласила следующую партию для заселения.

— Это ваша комната, — Варвара открыла деревянную дверь и жестом пригласила нас. — На каждой из коек вы увидите комплект одежды, кроме которого, надевать что-либо строго запрещено. Определенная униформа — неотъемлемый элемент дисциплины.

Я узнала эту робу. Такого цвета одежду, я увидела на двух хамоватых парней, несколько минут назад. Облегчение наступило сразу, потому что это не платья из прошлого века, и сразу же улетучилось, когда мои глаза прошились по помещению.

Обшарпанные стены, как в подъезде старого дома, три одинокие койки, с железной основой, стоявшие по углам комнаты, несколько деревянных шкафчиков, небольшое окошко с голубыми занавесками и умывальник — все очень напоминало палаты в психлечебнице. Хотя, чего я ждала? Мягкие перины? Большую гардеробную?

— Пока располагайтесь, — говорила Варвара, — а через тридцать минут, выстраиваемся на улице, чтобы пройти комиссию перед полным вступлением в ряды. На построение, робу возьмите с собой, а волосы следует заплести в косу или убрать в пучок. Не стоит привлекать к себе лишнее внимание, — эти слова предназначались именно мне. Мои соседки не славились густой шевелюрой.

Когда дверь закрылась, я фыркнула себе под нос. Она говорила это так, будто мы попали не в колонию, а в учебный центр космонавтов. Меньше всего я хотела выделяться из толпы, да и становиться частью этой команды желанием особо не горела.

Недолго думая, я заняла кровать возле окна, но радовалась всего минуту. В комнату зашла Волкова, открыв дверь с ноги. Видимо слова Варвары «не выделяться», дошли только до меня. Девушка целенаправленно наградила меня самым что ни на есть презрительным взглядом.

— Это мое место, — рявкнула она. — Я заняла его раньше тебя. Так что свали.

Меня оскорбил ее тон, а еще мне хотелось удариться головой об стену, потому что в этой лотерее, именно нам выпало жить с этой гримзой.

— Где это написано, что это твоя кровать? — я встала в позу, сложив руки на груди.

Волкова резко пошагала ко мне, и моя смелость растворилась в воздухе. Я пошатнулась.

— Я сейчас на твоём лице это напишу, если ты не отойдешь от моей койки!

Бедная Аля затряслась и судорожно начала заправлять свое спальное место. Я же сдалась, и молча, поползла к кровати, которая находилась ближе к выходу.

— Так-то лучше! — кинула мне в спину Волкова. Теперь, все в помещении понимали, кто вожак стаи.

Дельфиненок № 2.

Ф.И.О.: Волкова Майя Владимировна (Майка).

Дата рождения: 01. 12. 1998 г.

Приговор: исправительные работы, в воспитательной колонии «Дельфин».

Срок заключения: 11 месяцев.

Статья: 111 УК РФ (Нанесение тяжких телесных повреждений).

Дело: Майя работала в стриптиз клубе, несмотря на столь юный возраст. Хорошие связи, привлекательная внешность, отсутствие целомудрия и морали...И вот, ты уже полуголая, трясешь своими прелестями, перед кучей похотливый мужиков. Изучив все особенности приватного танца, девушка, не стесняясь, демонстрировала свои навыки перед толстыми «кошельками».

«Зато, какие чаевые», — хвасталась друзьям Волкова.

И вот, в один из таких дней, она видимо перестаралась. Ремарка: смотреть на стриптизерш можно, но трогать строго запрещено. Посетитель клуба, после пары пропущенных бокалов, решил, что танцующая голая девушка, сопоставима даме самой древней профессии. Никто не помог Майе, и если бы не один жест, то дошло бы до страшного преступления. Его мысли были самыми грязными. Ох, как яростно он лапал молодое тело, пока не получил острым каблуком в глаз. Теперь, любоваться нагим телом, он сможет только наполовину. Ни больше, ни меньше. Только «капитан крюк», оказался до боли влиятельной персоной, связи которой, помогли стопроцентно обвинить Майю.

Я прочитаю это в деле, которое будет лежать в ее шкафчике. И тогда, я еще раз убедилась в том, что промолчать — было самым верным решением. Остаться без какого-то органа в первый же день пребывания в колонии, было бы не самым лучшим началом.

— Эй, грибок! — обратилась Майя к Але, разложившись на кровати и убрав руки за голову. — Ты что, бабулю через дорогу не перевела? Что делаешь здесь?

— Кошку усыпила, — ответила Аля, даже не поворачиваясь к ней. Она тщательно взбивала перьевую подушку, оставляя в воздухе облако из пыли.

— А у нас что, сажают нынче за это? — усмехнулась Волкова. — Этот мир сошел с ума.

Аля промолчала.

— А ты? — допрос перешел на меня. — Что могла сделать такая как ты? Хотя, стой! Дай угадаю, распространяла детскую порнушку? — посмеялась она.

— Что? — возмутилась я. — Я похожа на ту, которая будет заниматься подобной мерзостью?

— Вообще-то, да. Раз я ошибаюсь, просвети нас. Что натворила?

Теперь, Аля тоже повернулась в мою сторону, и обе девочки выжидающе смотрели на меня, в предвкушении моего ответа, но он все не срывался с губ. Я сплупила, ведь содеянное мною было в разы хуже.

— Я убила человека, — выпалила я.

И без того большие глаза Али, стали увеличиваться. Реакция была весьма ожидаема. Наверное, в тот момент, она пожалела, что связалась со мной и еще несколько ночей проведет в бессонном страхе. У Волковой лишь скептически сдвинулись брови, она не могла поженить все факты между собой. Она не понимала, как можно держаться за руку с подружкой, выглядеть как дошколенок, еще толком не отмыв руки от крови.

— Это вышло случайно, — добавила я, не в силах больше терпеть это напряжение.

— Мне плевать, — сказала Майя и отвернулась к стенке. — Ты мне сразу не

понравилась.

Аля тоже отвернулась и принялась дальше мучить подушку. Мне стало грустно и обидно. Они что, даже не хотят знать подробностей? Услышали начало и сразу же поставили клеймо? Ведь, мы в одной лодке неспроста! За каждой из нас стоит грешок!

Да уж, Пермакова, такого твои подписчики не видели. Ты и одного дня, здесь бы не выдержала. Наверное, сейчас сидишь в Инстаграмм, ставишь лайки на фото смазливых мальчиков, уже удалила мой номер из контактов и потихоньку забываешь, как меня зовут. А моя участь, быть сейчас здесь и проходить Адскую школу жизни.

Перекидываю подушку на другую сторону — не хочу спать ногами к выходу — и замечаю наклеенный у изголовья листок. Нагибаюсь, чтобы прочесть содержимое.

Распорядок дня.

6:00 — подъём, заправка кровати, умывание, уборка комнаты.

6:30 — завтрак.

7:15 — уборка территории.

8:00 — начало утренней проверки, получение заданий.

9:00 — осмотр медиком, на случай травм или болезней, прием лекарств.

10:00 — утренняя прогулка по территории, молитва.

13:00 — обед.

14:00–17:00 — уроки психологии, очищение души, трудотерапия.

18:00 — ужин (40 минут).

20:00 — вечерняя проверка.

20:30 — личное время.

22:00 — отбой.

На первый взгляд, даже не так страшно, как казалось. Я не увидела слово «пытки», а значит пугаться нечему. Часы молитвы, я как-нибудь переживу.

За дверью слышались шаги и крики — построение. Мы взяли в руки свои роботы и поспешили на улицу. Мы подошли к небольшой площадке, где стояла деревянная сцена, и возле которой толпились подростки. Возрастная изгородь на этом отрезке кончалась, поэтому все два сектора смешались. В общей сложности, нас было человек тридцать, и даже это небольшое количество людей заставляло меня напрячься. Цветные майки и футболки, перемешались с серыми роботами сектора В.

Я робко протиснулась в толпу, стараясь никого не задеть. Мне даже было страшно поднять глаза, чтобы «не так» посмотреть на кого-либо. Аля и Волкова, прошли чуть дальше меня, оставляя стоять в одиночестве. Пустота поселилась в сердце, ведь мне просто нужен был друг. Обида лизнула меня в тот момент, но по-настоящему задело другое. Снова эти двое, с сектора В., о чем-то шептались и тыкали пальцем в мою сторону. Что я сделала им? Старательно не обращая на них внимания, я смотрела прямо перед собой, игнорируя их смешки.

— Тишина! — раздался плотный, мужской голос. На сцену взошел мужчина, в таком же странном одеянии, как и у Варвары Ильиничны и посмотрел на нас так, что моментально умолкли все.

— Всего через несколько часов, вы вступите в наши ряды и забудете свою прошлую, грешную жизнь, — продолжал диктатор. — Меня зовут, Герман Давыдович, я директор этого лагеря. И теперь, мы станем одной большой семьей.

Герман был мало похож на богатого человека. Может, дело было в потрепанной одежде,

а может в седине, которая покрасила волосы и короткую бороду. Коренастый мужчина, бальзаковского возраста, выглядел внушительно. На его лице читалось: я — главный. Рядом с ним стояла Варвара Ильинична, немного задрал подбородок и еще двое молодых людей: парень и девушка. Мы познакомимся с ними чуть позже, когда наши вожатые, покажут нам, кто мы есть и укажут на наше место. Неприятные особы. Блондинка, закреплялась за нашим сектором, а ее дружок, следил за ребятами постарше.

Директор продолжал, и его проповедная речь, порядком напрягала.

— Я верю, что у всех нас есть шанс на исправление, в первую очередь своей души! Пусть мир простит вас! Простите себя сами! Вы лишь дети, выбравшие неправильную дорогу! Здесь, мы забудем свои старые имена и начнем все сначала! Мы будем жить другой жизнью, лучшей!

Вся толпа поаплодировала этой бредни, я же решила воздержаться.

— В лагере действуют особые правила, которые обязательны к выполнению! Строго запрещено покидать пределы колонии! Запомните, нет ни одной причины, почему вы можете сделать это! Другая земля, пока не готова принять вас! Отказываться от работы и пренебрегать молитвой: запрещено! В противном случае, вы будете исключены! Поверьте, наша колония отличается от реальной! В реальности, вы можете забыть про лояльность! Ослушиваться своих вожатых: запрещено! У нас свои меры борьбы с дебоширами! Выполняйте все указания, и ваш срок пролетит незаметно!

Пока все звучало доступно и внятно. Мы понимали, куда мы попали и все, о чем он говорил было справедливым.

— Следуйте за своими вожатыми, чтобы они помогли вам начать процесс очищения!

Через мгновение, возле вожатых образовалась кучка ребят. И я не могла не радоваться, что направились мы по разным сторонам. За столь короткое время, я успела насторожиться в сторону другого сектора. Ну, не нравился он мне!

А потом пошли часы, надоедливой комиссии. В соседнем бараке, прямо за площадью, нами занялась целая диллигация. После холодного душа, нами заинтересовались врачи, психологи, которые проверяли на болезни и выясняли наши способности. От всех этих процедур, я почувствовала себя подопытным кроликом, судьбу которого определяют незамысловатые тесты.

Переодевшись в свою робу с нашивкой «Дельфин», мы снова собрались на площади, и теперь смешались в одно серое пятно. Процедура, которая начала происходить далее, напомнила мне сцену из фильма про концлагеря. Все наши вещи свалили в одну кучу и безжалостно подожгли. Именно в тот момент, лишь слегка, начали проявляться их наклонности к оккультизму. Костер горел, а вместе с ним горела наша прошлая жизнь. Все смотрели на искры, словно замороженные, не догадываясь, что надев на себя робу лагеря, мы подписали себе приговор. Никто ни о чем не догадывался.

— Поздравляю вас! — кричал Герман, светясь безумством. — Теперь, вы — дельфины! Теперь, вы будите плыть по чистому течению к светлому будущему! Мы поможем вам, снова не попасть в коварные сети жизни!

Герман кричал, и от его слов мне хотелось закрыть уши руками. В итоге, его возгласы ушли на второй план. Я смотрела на костер с грустью и пыталась хоть на минуту вникнуть, что все это не сон.

Я — дельфин. Они — дельфины. Теперь меня ждет целый год взаперти и работы над собой, без малейшего шанса уйти. Никто не знал, что будет завтра и пока лишь с долей

иронии смотрел на густой черный дым, поднимающийся к небу. Я стояла, сдавленная плечами других дельфинов, и принимала тепло исходившее от пламени. Мы, несчастные дети, которые просто нуждались в заботе, теперь стали заложниками извращенной фантазии больных людей.

Все началось после отбоя. Уставшие и обессиленные, мы заняли свои койки. Я уже приложила голову к подушке и была готова провалиться в сон, когда в комнату зашла Волкова. Она удалялась, как и обещала Варваре. Старшая пригрозила ей воспитательной беседой за ее выходку, но видимо ограничилась на только этим. Майя появилась с красным, будто от ожога лицом и не проранов ни слова, прошла к своей кровати, легла и отвернулась к стене. Нет, это точно был ожог, и видимо очень болезненный, потому что девушка потерялась в лице. Из веселой гримасы, оно превратилось в жалостливую маску. Ее счастье, что врачи сняли с нее весь пирсинг. Представляю, как это могло усугубить ситуацию. Что пришлось ей пережить? Что именно с ней сделала старшая?

Сейчас, накрывшись с головой одеялом, я могла лишь догадываться. Но потом, через несколько дней, Майя в красках опишет, что целую минуту стояла под горячим напором воды, сдавленная руками старшей, пока горел ее внутренний Демон. Девочка задыхалась; крича, обжигала себе рот и губы, но это были вынужденные меры — пояснила Варвара. Это было только началом этих мер. Сейчас, огорченная Майя не понимала, что еще легко отделалась. Это лишь часть эксперимента.

Глава#5. Похороны

«Мы рождаемся за день. За день умираем. И за день можем измениться».

Подъем был ранним. Нас разбудила громкая сирена, играющая на улице. От такого будильника, можно было остаться зайкой. Я чувствовала себя вялой, потому что всю ночь ворочалась и проспала всего пару часов. Меня не покидала мысль, что Варвара Ильинична могла сделать с Волковой. Определенно что-то нехорошее. Майя была довольно дерзкой девчонкой, и надо было хорошенько постараться, чтобы сломить ее, пусть даже ненадолго.

Глаза щипало от недосыпа, а темень за окном, напоминала, чтобы мы забыли про здоровый сон. Я не припомню, когда мне приходилось так рано вставать, но выбора не было, надо было привыкать. За дверью слышались шаги и посторонние голоса. Сектор А. уже вовсю бодрствовал. Кто-то искал кусок мыла, кто-то занимался своей униформой.

Заправляя кровать, я краем глаза взглянула на Волкову, которая стояла возле умывальника и разглядывала свое отражение. Краснота на ее лице немного спала, но кожа взялась пятнами. Аля подкатывала рукава рубы, которая была ей велика. Все были заняты делом, при этом никто не разговаривал между собой.

Первой сдалась я.

— Майя, — аккуратно обратилась я к соседке, — что сказала тебе Варвара после отбоя?

Девочка стояла неподвижно, держась руками за раковину. Я заметила, как от моего вопроса напряглись ее руки и побелели пальцы. Ответа так не поступило.

— Она что-то сделала тебе? — настаивала я.

— Не твое дело, — фыркнула она в ответ.

— Твое лицо, оно в ожогах? Почему оно так выглядит?

Волкова издала изнывающий звук.

— Ты что, тупая?! — Майя резко повернулась ко мне. — Не лезь, куда тебе не надо!

— Но я хочу помочь! Если они смогли навредить тебе, значит мы все не в безопасности!

Волкова запрокинула голову и громко рассмеялась.

— Чем, ты, можешь мне помочь? Ты — марлевая тряпка, решила соорудить из себя благородную? — Майя медленно подходила ко мне, смотря на меня с презрением, даже отвращением. — Если кому и нужна тут помощь, но только не мне! Так что засунь свое великодушие себе поглубже в задницу!

На голову выше, она нависла надо мной, лишив возможности пошевелиться. Вблизи, ожоги выглядели еще ужаснее. Кожа была припухшей и в некоторых местах шелушилась. Было понятно, что она терпела жгучую боль всю ночь. Никаких медикаментов в комнате не имелось.

— Зря ты так, — сглотнула я, смотря в ее яростные глаза. — Я думала, что ты хочешь высказаться.

— Перестаньте! — встряла Аля. — Зачем, вы ведете себя так? Зачем усложнять все этими разборками? Хватит, прощу! Если мы перегрыземся как собаки, кому от этого станет легче?

После этих слов, лицо Майи смягчилось, и она отошла от меня.

— Проехали, — сказала она. — Собираемся на завтрак. Я хочу жрать.

Утро началось невесело. Я не понимала, почему у Волковой, по отношению ко мне столько агрессии. Неужели, она не хочет рассказать, что случилось? Это же так тяжело,

хранить все в себе. Но я усекла урок, больше лезть к ней не буду. Пусть сама разбирается со своими проблемами. Повернувшись к Але, я незаметно кивнула ей, поблагодарив за поддержку. В этой маленькой девчушке, оказалось больше смелости, чем ожидалось. Некоторые парни, могли бы взять с нее пример.

Возле барака нас построила наша вожатая. Ее звали Рина, ей было двадцать семь лет. За свою жизнь, Рина успела побывать в местах не столь отдаленных за разбои и грабежи. Прекрасный опыт заключения, помог девушке стать отличным надзирателем. С ее лица не сползала улыбка, когда она с криком отдавала нам приказы. Она нашла себя в этом лагере. Пройдя через многочисленные унижения со стороны сотрудников тюрьмы, Рина с превеликим удовольствием вымещала свою месть на нас, детях.

Весь наш отряд пошагал в столовую, в кирпичное здание за жилым бараком. Зайдя в само помещения, я заметила уже завтракающих ребят из сектора В., старшая часть колонии явно чувствовала себя королями пикника. Вальяжно расположившись за столами, они похозяйски раскидали свои локти. Если в нашем секторе преобладал женский пол, то в секторе В., было всего пару девчонок. И это странно, учитывая, что среди любительниц похулиганить, оказались девочки помладше.

Я и Аля, сели за самый дальний стол, на котором уже стояли тарелки с ячневой кашей и стаканы, наполненные сливовым компотом. Стол был небольшой, но рассчитывался на четверых человек. Волкова, забрав поднос с завтраком, двинулась в ту сторону, где сидела группа постарше. Ей было, что ли стыдно, за то, что она является частью нашей группы. В столовой стоял гул, и были слышны звуки соприкасающейся посуды. Двое наших вожатых стояли посреди зала, наблюдали за нами и временами беседовали. С виду, они напоминали собой флиртующую пару.

Аля, так же как и я, размазывала пресную и вязкую кашу по тарелке, отчего еще больше проходил аппетит. Настроение было мрачным и подавленным. Вдруг, кто-то обошел лавочку, поставил поднос на стол и сел справа от меня.

— Не помешаю? — спросил мальчишка из нашего отряда.

Мы пожали плечами. Я видела его раньше. Перед заходом в лагерь и тогда, на костре, он показался мне довольно позитивным парнишкой. Не смотря на суть происходящего, он постоянно был в приподнятом настроении, и, казалось, никогда не унывал.

— Не нравится кормежка? — спросил он, обратив внимание на наши тарелки. — По мне так — самое то, — он жадно запихивал кашу себе в рот.

— Не голодна, — устало вдохнула я. — Можешь съесть мое, если хочешь.

— Не откажусь, — парень радостно придвинул к себе мою тарелку. — Вот это я удачно присел!

Аля усмехнулась.

— Это ты о столике говоришь, я надеюсь? — подколола его девочка. — Или же в восторге от лагеря?

Парень улыбнулся ей с набитым ртом.

— Чувство юмора есть — это уже хорошо, — сказал он невнятно. — Меня Глеб зовут.

— Соня, — кивнула я.

— Аля.

Меня не напрягал наш новый сосед. Нисколько. Наоборот, он был позитивным, а этого тут очень не хватало. Глеб был невысокого роста, худощавого телосложения, каштановые, густые волосы, сползали на маленькие глаза, кожа была смуглой, и он слегка походил на

мулата.

Дельфиненок № 3.

Ф.И.О.: Карпов Глеб Геннадьевич.

Дата рождения: 20. 06. 1999 г.

Приговор: исправительные работы, в воспитательной колонии «Дельфин».

Срок заключения: 7 месяцев.

Статья: 161 УК РФ (Грабеж в особо крупном размере).

Дело: Глеб был хакером. С детства увлекался различными шпионскими программами и не пренебрегал компьютерными играми. Семья Глеба, была не самой состоятельной, и когда ему впервые подарили компьютер, настоящий, с клавиатурой, с дисководом, они сразу же стали неразлучными друзьями. Днями напролет, мальчик осваивал возможности интернета.

Годы шли, а положение в семье лишь усугублялось, и тогда Глеб решил пойти на крайность. Каким-то образом, он умудрился взломать одну из денежных контор, выдававшая деньги под займ на нечестных условиях. Он перевел часть денег себе на счет, чтобы помочь родителям. Это было глупо, определено, но будь мы на грамм умнее, никогда бы не попали в подобное место и не познакомились. Счастье длилось не долго, вычислить воришку не составило большого труда. Красные от позора родители, моментально вернули все до копейки, но вот наказания избежать не удалось. Срок он получил минимальный, видимо, поэтому сильно не огорчается.

— Почему тот столик, так на нас пялиться? — спросил Глеб, смотря в сторону, где сидели ребята постарше.

— Это сектор В., - пояснила Аля. — Наверно, смеются с моих волос.

— Нет, они на Соню смотрят, — Глеб ткнул меня локтем в бок.

Я понимала, о ком они говорят, это те двое, которые будто выбрали меня для своих насмешек. Этот парень, с рыжими волосами и хитрыми, лисьими глазами, с самого начала показал мне свою неприязнь. Только мне было не понять, откуда дует ветер. Почему все разом решили, что я отличный претендент для издевок. Я не сделала никому ничего плохого, так ведь?

— А что плохого в твоей прическе? — нахмурился парень. — Ты похожа на современную дочку русалочки Ариэль! Мне нравится твой стиль! Или нет! Я играл в одну клевую игру, и там была королева эльфов! Ты очень на нее похожа!

— Спасибо, — щеки Али порозовели, и она принялась за компот.

— А вот тебе, Соня, надо бы подстричь свою косу, пока мы об нее не начали спотыкаться, — пошутил он, и Алька поперхнулась.

Я покивала головой, в знак согласия, хотя по-настоящему была другого мнения. Мне нравились мои длинные волосы, и мне не хотелось их лишиться.

Я чувствовала, что те парни, из сектора В. не отводят глаз, но держалась непринужденно. Я молчала, делая вид, что не замечаю их. Мои соседи о чем-то болтали, но это ушло на второй план. Моя спина чувствовала опасность, и поэтому плечи находились в постоянном напряжении. И не неспроста.

Через минут пять, со звуком, об мою голову шмякнулась каша и кусками сползла по лицу. От недоумения, я медленно подняла голову и встретила широко распахнутые глаза Али. Тогда я поняла, что это был не сон, и часть столовой еду угодила мне в макушку. Зал залился хохотом, а я покрылась красными пятнами. В тот момент, моя унижительная сказка только началась. Мне не сложно было догадаться, откуда прилетела мина и я повернулась в

их сторону. Парни злостно смеялись, и было понятно, что они довольны собой.

— Я помогу тебе, — с сочувствием в голосе, Глеб вытирал меня салфеткой. — Говорят, злаки полезны для волос.

Мои глаза наполнились слезами, потому что я была слабой. Я могла подойти и надеть на голову тарелку одному из них, но оставалась сидеть на месте. Чего я боялась? Более дерзкого ответа? Наверное.

— Вот придурки, — зашипела Аля. — Куда вожатые смотрят? Почему они позволяют такое?

— А сами про какую-то дисциплину говорят, — возмущался Глеб, размазывая кашу по моим волосам.

— Не надо, — мой голос поломался, и я встала из-за стола. Сквозь толпу и насмешки, я двинулась к выходу, со всей силы сдерживая поток слез.

Когда я стояла в нашей комнате, возле умывальника, я все же дала волю эмоциям. Но, остановилась, когда дверь открыла Волкова. Я сжала челюсть, чтобы стерпеть ее присутствие, но ее комментарий меня сильно удивил.

— Это было подло, — сказала она. — Не позволяй такого больше.

Девочка взяла уличную обувь и вышла из комнаты. Теперь, моя обида плавно перетекла в гнев. Никогда не думала, что скажу это, но она права. Если эти парни устроили мне войну, но я не буду сдаваться. Я не позволю объявлять на себя охоту. Где угодно, но только не здесь. Если я споткнусь, шанса подняться не будет. Это не то место, где позволено проявлять слабость.

На прогулке, перед уроком психологии, меня никто не замечал и больше не трогал. Да и мерзкий дуэт не попадался на глаза. Аля и Глеб не поднимали эту тему, и мне стало немного легче. В перерыве нам дали таблетки, с виду похожие на большие пилюли. Только потом, я узнаю, что это было подобие транквилизаторов. Это нужно было для того, чтобы привести нас в состояние затуманенности разума. Одной таблетки, для этого было недостаточно. Нам нужен был целый курс. А пока, ни о чем неподозревающие дети, с радостью глотали свои витаминки.

После прогулки, все два сектора, собрали на небольшом участке поля, который находился за изгородью, за колонией. Нас встретил директор лагеря — Герман Сико. От увиденного, моя кожа снова покрылась мурашками. Мы стояли напротив деревянных крестов, похожие на памятники. Под ними были вырыты неглубокие ямки и лежали лопаты. Все присутствующие заметно растерялись.

— Добрый день, дельфины! — поздоровался Герман. — Сегодня, вам предстоит особая, специфическая терапия! Этот тренинг, может показаться вам шоковым, но поверьте, он обязателен для исправления!

К нам подошли наши вожатые и вручили каждому его папку «Личное дело».

— Ваше наплевательское отношения к своей жизни, а в первую очередь к самим себе, можно искоренить раз и навсегда! — продолжал директор. — Избавьтесь от пороков! Закопайте свои прошлую жизнь!

Не трудно было догадаться, что именно от нас требует Герман, и все покидали свои папки в ямы. Я помедлила. Я смотрела на свои инициалы, написанные черной ручкой, и не могла пошевелиться. Разве это нормально? Мне казалось, что проводить подобные обряды неправильно. Это может быть черева-то для нас! Но, сдалась и папка выпала из рук в сырую землю. Я была готова на все, лишь перестать выделяться среди дельфинов.

Мы принялись копать. Мне стало жутко и неприятно. Мое отношение к похоронам было особенным. К сожалению, я уже имела печальный опыт, потеряв самого дорогого из людей. Я засыпала папку землей, полностью исключив мысль, что это как-то связано со мной. Я не хотела почувствовать в этом странном ритуале, и уж точно не разделяла наклонности директора.

— Пусть ваша прошлая жизнь вызывает у вас отвращение и страх! — кричал Герман, пока наши пальцы ковырялись в земле.

Все как под гипнозом, выполняли причудливые приказы директора. Аля и Глеб, поделили мои мысли, потому что на их лицах читалось недоумение, и даже шок.

Дело было сделано, и теперь порядком тридцати могил поместились в тонкий ряд, напоминая маленькие холмики. Все это было похоже, на безымянные могилы солдат Второй Мировой войны.

— Очень хорошо, — порадовался главный. — А теперь, попробуйте поговорить с вашим прошлым. Дайте последнее напутствие вашим грехам. Что вы скажете себе тому?

Я находилась в шоковом состоянии. Казалось, что этот цирк никогда не закончится. Мы стояли в ровную линейку, ветер прибывал к нашим ногам сухие ветки, и никто не мог начать первым. Но, выскочка Волкова все же подняла руку.

— Отлично, — похлопал Герман. — Вам слово.

Майя развалисто сделала шаг к своей могилке. Я поражалась ей. Будто в этом мире нет ничего, что могло бы смутить ее. Несмотря на ужасные ожоги, она не пыталась спрятать свое лицо и выглядела достаточно уверенно.

— Ты — дура, Волкова, — с долей иронии говорила она. — Я рада, что ты умерла. Но, у тебя было шикарное тело и восхитительная задница. Жаль, что теперь тебя сожрут черви! Прощай! — Майя сделала поклон, и дельфины рассмеялись.

— Имеет место быть, — сказал Герман. — Кто следующий? Марат? Может, скажешь слово? — он обратился к рыжеволосому парню, из сектора В.

Тогда, я впервые узнала, как его зовут. И именно в тот момент, мне дико захотелось узнать, что же он натворил. Его искрометные, лукавые глаза, отчетливо выдают хамскую личность, а надменная улыбка, говорит о наплевательском отношении ко всем окружающим его людям. В жизни, я обхожу таких людей за километр.

— Пожалуй, я воздержусь, — посмеялся он себе в кулак.

— А твой брат? Тихон? Может он порадует нас?

Директор уставился на его друга брюнета. И, как оказалось брата. Теперь, стало понятно, почему эти двое всегда держались вместе. И вся эта схожесть... Как это раньше не пришло мне в голову?

Тихон постучал Марата по плечу и сделал шаг вперед. Он сел на корточки и взял горсть земли в руку.

— Тихон, дружище, — начал он низким, чуть с хрипотцой голосом. — Скончавшись, ты разбил сотню женских сердец, которые ты покорил, будучи еще живым. Мне жаль, что этот мир потерял такого красавчика, как ты. Спи спокойно, братан, — кинул он горстку земли на крест.

Дельфинята снова закатились смехом, и в этот раз похлопали театральной постановке парня. Мне же это все было чуждо, противно. Я бросила презрительный взгляд в сторону Тихона, и он поймал его. Парень издевательски подмигнул мне, и было заметно, что он очень собой доволен.

— Кто-нибудь еще? — Герман пробежался глазами по дельфинятам.

Я опустила голову в пол и напряглась. Мои пальцы сжались крестом, в надежде, что это безумство обойдет меня стороной. Если мне придется попрощаться с собой в постановочной форме, то я переступлю через свои маленькие, но все же принципы.

— Госпожа, София? — я вздрогнула, услышав свое имя. Откуда он вообще его мог знать?

Я подняла голову и зажала губы. Мне было трудно начать говорить. Множество глаз врезались в меня, ожидая хоть кого-нибудь действия. Я опять, непроизвольно ставила на себе акцент. Аля незаметно взяла меня за руку, и это немного приободрило меня.

— Я жива и стою здесь! Я не допущу, чтобы меня похоронили! Находясь сейчас в этом месте, мне приходится многое перебарывать в себе, и я не собираюсь разговаривать с могилой! Этого я не позволю себе! — слова лились уверенным потоком. — Это лишь гупый блеф, а осознание должно придти ко мне, совершенно другим способом!

Среди ребят пробежался шепоток, и мне было слышно, как усмехнулся Марат и его братец.

На лице Сико появилось недовольство. Я портила его представление. Я осмелилась послушаться самого Сико.

— Такое есть правило и ты не вправе ему противиться! — заявил он грубым тоном.

Я набрала оставшийся воздух в легкие и задрала голову.

— Я исправлю себя живую, и буду учиться на своих ошибках, находясь при жизни!

Выражение лица диктатора стало пунцовым.

— Как правильно подмечено, — процедил он сквозь зубы. — Вечером, после отбоя, мы начнем твою работу над ошибками, — его глаза сузились до маленьких щелок. — Всем вернуться в расположение! Увидимся на ужине!

Все начали расходиться, а я не могла проигнорировать угрозу, звучащую в его голосе. Я увидела, как сочувственно помотала головой Волкова, и как покрутил пальцем у виска Марат. Я накликала себе беду. От предположений, что может со мной случиться, ноги вросли в землю. Только Аля, аккуратно потянула меня за собой. словно неподвижную куклу, подруга вернула меня в расположение.

Что я чувствовала в этот момент? Неизвестность, наверное. И она сильно угнетала. Жалела ли я о своем поступке? Определенно — нет. Мне было плевать на их правила. Нет, мне было плевать, на эти изощренные правила. Во мне воспитали определенные устои, и я не была готова их нарушать. Воспротивившись этому безумию, я хоть как-то свзывала себя с семьей. Кто я такая, если прогнусь вопреки здравому смыслу?

Ждать чего-то — невыносимо. Казалось, что ужин длился вечно. Снова нет аппетита, и я не слышу окружающих. Мне хотелось спросить у Майи, чего мне стоит бояться, но я промолчала. В душе теплилась надежда, что все обойдется. Что мое лицо не будет похоже на вареного рака.

На мое плечо опустилась чья-то рука, и я непроизвольно вздрогнула. Рина попросила меня встать и последовать за ней. Мы вышли из столовой и направились на территорию сектора В.

— Ты полная дура, раз открыла свой рот, — мы шли по узкой тропинке, приближаясь к домику директора. — Ну, ничего. Скоро твой острый язык завяжут в крепкий узел.

Я не отреагировала на ее речь, лишь молча, шла за ней, опустив голову вниз. Это бесчеловечно, подливать масла в огонь перед страшным наказанием. Как в этой девушке

умещается столько жестокости?

Зайдя в само расположение директора, я робко осталась стоять в пороге. Его хоромы, заметно отличались от наших. Большой письменный стол, ковры на полу и стенах, шкаф с церковной литературой, пару кожаных диванов и красивые бра, увешанные по периметру. Но больше поразило не это, на полу, разложив возле себя несколько игрушек, игралась маленькая девочка лет пяти. Ее золотистые волосики, были завязаны в худые косички, а на ногах, красовались розовые сандалики. Девчужка улыбнулась мне, и я ответила тем же.

— Проходи, Соня, — пригласил меня Герман, сидящий за столом, держа в одной руке сигару. — Это моя дочь, Ева. Я назвал ее, в честь первой женщины. Ты помнишь, чем славилась Ева?

Я расковыривала заусенец на пальце до крови, а Герман и Рина сверлили во мне дырку. Ох, как это все им нравилось, я отчетливо прочитала это по их лицам.

— Грехопадением и изгнанием из Рая? — неуверенно предположила я.

— Правильно, — согласился Герман и сделал глубокую затяжку. Густой клубок дыма выплыл из его рта — он был похож на дракона. В комнате было настолько тихо, что я слышала, как тикают часы и бьется мое сердце.

— Как и Ева, моя дочь, склонна к непослушанию, — продолжал он. — И тогда, скрепя душой, мне приходится прибегать к строгим мерам. Ты понимаешь, о чем я?

В тот момент, я заметила, как рука Рины потянулась к ремню, заправленному в ее штаны.

Я сглотнула.

— Кажется, да. Я понимаю.

***

Я вернулась в свою комнату уже после отбоя. Моя спина, ноги и шея горели диким огнем. По животу и груди проявлялись красные полосы. Я едва сдерживала слезы, потому что эта порка напомнила мне о маме. Знала бы она, через что мне приходится проходить, никогда бы не наказывала меня подобным способом. Я скучаю по ней.

Девочки встретили меня выжидающими рассказа глазами, но я промолчала. Я знала, что если начну говорить, то меня накроит истерика. Теперь, я понимала Волкову. О таком, нелегко рассказывать. О таком, хочется молчать и позабыть как страшный, унижительный сон. Аля, заметив мое состояние, тоже не стала усыпать вопросами. В душе девочки закрался страх, потому что она понимала, что лучше не провоцировать судьбу. Время «после отбоя», теперь, было чем-то ужасным.

Сегодня, у меня сложилось небольшое представление о том, куда мы на самом деле попали. Нас отдали в лапы больным психопатам, которые играютя нами как марионетками.

Я лежала на подушке, лицом вверх и смотрела в потолок. На тот момент, градусник на моей шкале Ада, упал до нулевой отметки, словно чувствуя мой упадок сил. Голодная, расстроенная, униженная, я не могла сомкнуть глаз, предполагая, что нас ждет завтра. Я слышала, как ворочаются девочки — они тоже не спали. Мы боялись. Мы словно мышата, загнанные в клетку, были сильно напуганы.

Через какое-то время, я все-таки уснула. Впервые, за долгое время, мне приснился сон.

Я стою на арене аквапарка. Меня окружают дельфины. Я не могу пошевелиться — страх воды. Мои руки связаны ремнями, и я с трудом держу равновесие на маленьком островке. Дельфины хотят шоу, но я не двигаюсь. До того момента, когда в меня полетели струи воды, в качестве забавы. Дельфины способны на такое, когда набирают воду в свои дыхательные

пути. Я отмахиваюсь. Потом, струи воды превращаются во что-то мерзкое и неприятное. Это каша. Все тело и лицо, покрывается неприятной субстанцией. Прикрываюсь руками, кричу, но это не прекращается. Я падаю в воду. Я тону.

Просыпаюсь в холодном поту. Тело по-прежнему горит от ударов ремня. Я по-прежнему в колонии «Дельфин». Я по-прежнему, остаюсь частью этого аморального места.

Глава #6. Сектор В

Сегодня утром, я уже не вздрагивала от звука сирены. Вчера был эмоционально тяжелый день, поэтому мне удалось уснуть и немного поспать.

В коридоре, за дверью, слышались громкие выкрики Рины, которая собирала нас на завтрак. После вчерашнего, мне стало ясно, что она была из тех людей, кого мне меньше всего хотелось видеть. А таких накопилось достаточно. Было очевидно, что такое проявление жестокости с её стороны, было не с целью воспитания, а ради забавы. Ей нравилось причинять людям боль, самоутверждаться за счет слабых и незащищенных.

Дверь нашей комнаты приоткрылась и показалась голова Глеба.

— Дамы, я ничего не вижу, не подсматриваю, — зажмурившись, говорил он. — Я лишь только принёс вам таблетки и сейчас положу их...

Его рука, со стаканчиком, шурудила в воздухе, ища твёрдую поверхность.

— Мы все одеты, Базилио, — усмехнулась Майка. — Можешь не стараться.

Глеб неуверенно приоткрыл один глаз, а потом, убедившись, что никаких моментов для смущения нет, полностью прозрел.

— Увидимся на завтраке! — крикнул он, оставив стакан с таблетками на шкафчике.

Девочки моментально взяли по своей порции, а я замерла, рассматривая большие белые пилюли. Я всегда с аккуратностью относилась ко всем препаратам, даже пренебрегала лекарствами при болезни, надеясь только на иммунитет. Учитывая, что тут твориться, надо быть осторожной, ведь бог его знает, чем они нас пичкают.

— Отравиться боишься? — спросила Волкова, аккуратно протирая влажное лицо полотенцем.

— Мне кажется, что нам не стоит это принимать, — ответила я, крутя таблетку в пальцах.

— Поверь, если бы это были наркотики, я бы сразу поняла. В клубе, я перепробовала все виды метамфетаминов. Эти отличаются от них.

— А если мы употребили недостаточно? Вдруг, для эффекта нужен определенный курс? Волкова закатила глаза.

— Ты когда-нибудь перестаёшь скулить? Если тебе очково, то отдай мне, — она протянула ладонь. — Лично для меня, это крутое обезболивающее.

Недолго думая, я закинула пилюлю в рот и туго проглотила.

— Правильное решение, — Майя расплылась в ухмылке.

На завтрак я шла, с твёрдым комом в горле. Препарат все никак не мог рассосаться. Во рту появилась неприятная сухость, и начались рвотные позывы. Без преувеличений, мне становилось очень плохо, и я сильно жалела, что не запила таблетку водой. Рина с предательской медлительностью пропускала по два человека в зал. Мне казалось, что движения всех людей стали в разы заторможеннее. Земля под ногами начала кружиться, а перед глазами все расплылось.

— Ешкин кот! Что с тобой? — спросила рядом стоящая Аля, собрав рукой капли пота с моего лба.

Не в силах больше терпеть эту сухость, я пробиралась через толпу, приближаясь к двери. Мне было плевать на недовольные крики других ребят, мне нужна была вода.

Ворвавшись в столовую, я схватила первый стакан с компотом, который попался мне на

глаза. Я жадно глотала жидкость, пока не испытала полное облегчение. Что это за хрень сейчас была?

Дрожь в руках прошла, а пелена перед глазами начала растворяться.

— Это было смело, — сказал бархатный голос. Теперь, даже не знаю, как ты будешь это исправлять.

Я проморгалась. Прямо передо мной, с подносом в руках стоял Марат. Его лицо скривилось, и он всем видом показывал, как его воротит от меня.

Я посмотрела на пустой стакан в руке, и покраснела от стыда. Я выхватила его с подноса Марата, напоминая собой первобытного человека. Боже. В растерянности, мои глаза забегали, а руки не знали, куда поставить чужой сосуд. Моя шкала Ада, начала скакать на отметках 3 и 5.

— Тебя торкает что ли? — его огненные брови сошлись на переносице. Я уловила, что парень слегка картавит. — Теперь, я вижу. Ты — наркоманка, — сделал вывод он.

— Мне...мне просто плохо стало, — заикалась я. — Я не хотела.

— Поверь, я тоже этого не хотел, — кинул он двусмысленную фразу и ушёл к своему столику.

Это был первый раз, когда мы заговорили друг с другом. Я впервые узнала об его маленькой особенности речи. Мне ещё много раз предстоит вздрогнуть, когда я буду слышать этот голос с погрешностью в произношении.

«Я тоже этого не хотел», — эхом отдавалась его последняя фраза.

Я могла ошибаться, но все мое нутро говорило мне, что это была угроза. Во-первых, почему меня вечно тянет на какие-то неприятности? Во-вторых, почему из всех тех на кого я могла нарваться, шанс выпал именно ему? И, в-третьих, что за странные таблетки, я только что съела?

Сидя за нашим столиком, с Алей и Глебом, я то и дело оборачивалась назад, в страхе получить компотную маску на голову. Но, для столика сектора В. меня просто не существовало. Парни болтали между собой, и им было совершенно начхать на то, что происходит вокруг.

Это лишь затишье перед бурей, и я пойму это через несколько часов, а пока, мне оставалось только насторожиться.

— Ты какая-то странная сегодня, — сказала Аля, уплетая что-то похожее на манную кашу. — У тебя лицо, как будто ты мутного словила.

— Это все таблетки, — я схватилась рукой за лоб. — Мне стало плохо от них. Мне казалось, что я крысиного яду наелась.

Глеб прочистил горло компотом.

— Ты преувеличиваешь, — побулькал он. — Просто это все, даётся тебя сложнее, чем нам. Нас же от них не тошнит.

— Я не схожу с ума! — обиделась я. — И ничего не придумываю. Даже при отравлении, мне не было так плохо.

— Это все нервы, Сонька, — диагностировала Аля. — Попробуй успокоиться, потому что это не к чему хорошему не приведет. У моей мамы из-за нервов ноги отвалились.

Глеб округлил свои глаза.

— Это самые неудачные слова поддержки, которые я когда-либо слышал, — он медленно покачал головой.

— Ну а что? — Аля надула губы, испачканные в манке. — Я правду говорю. Соня,

слишком впечатлительная.

— А вы, самые недоверчивые, — буркнула я. — Как мне доказать, что я говорю правду?

— Мы верим тебе, — Глеб положил свою руку мне на плечо. — Но ты действительно реагируешь на все слишком остро. Даже вчера, с этими могилами, ты же могла не относиться к этому так серьезно.

Аля, ему в поддержку закивала головой.

— Вот вспомни, — продолжал парень, — свой последний стресс, который ты испытала на свободе? Вспомни, как чувствовала себя при этом.

Неохотно, я начала копаться в памяти. Мой мозг, автоматически перебросил меня на несколько лет назад, пропустив воспоминания об убийстве и не добравшись до похорон отца, он погрузил меня в другой страшный день. Моя рука потянулась к груди и замерла на ключице; ткань от робы сжалась в кулаке.

— Что такое? Сердце? — испугался Глеб. — Позвать врача?

— Не надо врача, — я оттянула ворот робы и оголила плечо, открыв тонкий шрам. — Вы спрашивали, что я делала при сильном стрессе? Любуйтесь.

— Отлично, — опешила Аля, — я живу в одной комнате с суецидницей!

— Мне было 5 лет! — оправдалась я. — Все это из-за смерти отца!

— И после этого ты говоришь, что не впечатлительная? Глеб, спрячь вилку, пока она вены не вскрыла или себе в глаз не вставила, — в шутку приказала Аля, и этот дурачок послушался.

Я успела пожалеть о своём действии. До этого дня, этот шрам, был слишком личным воспоминанием, а сегодня, я демонстрирую его мало знакомым ребятам.

— Наверное, вы правы, — я поправила робу. — Я слишком накручиваю себя.

— Все будет хорошо, Сонька, — подмигнула мне королева эльфов. — Ты просто пойми, что повода для переживаний нет. Я имею виду, все-то, что происходит с нами после зала суда. Пока, все вполне терпимо.

Я неуверенно кивнула ей, заткнув свой рот кашей. Мне не хотелось пугать Алю своими историями, ведь, есть вероятность, что этот ужас её не коснется.

Медленно пережевывая комочки отвратительной еды, мои глаза встретились с Риной. Вожатая, все так же стояла рядом с парнем, смотрящим за сектором В., и мило стреляла глазками. Интересно, он знает истинную сущность своей напарницы?

В какой-то момент, она увидела меня, её глаза сузились и сверкнули злостью. Я не отводила взгляда и жадно жевала кашу, пока звук сирены не пронзил мои уши — время построения.

Июнь напомнил нам, что на эти каникулы, мы должны забыть о море и мороженном. Гремя под лучами солнца, мы получали наказания от Германа. Внимательно изучив наши досье, он ввёл «долгожданные» часы трудотерапии.

Майю и Алю, определили на работу на грядках. Глеба и ещё несколько ребят, отправили драить столовую. Кому-то достались горы вещей, которые требовалось подлатать, а более сильные таскали мешки с мусором на помойку в лес. Мне же достался сарай, с нескончаемыми горами картофеля, напоминавшие собой пирамиды в Египте.

Меня, и парня из моей группы провели в сектор В. — сарай находился на их территории. Запах от грязной картошки вырезался в нос и вызывал тошноту. До сих пор меня мучил эффект сухости по рту.

Нам выдали тупые ножи, которыми мы должны были начистить, ни больше, ни меньше,

десять железных вёдер. Каждый.

Но это было не самым ужасным. Людей, которых тоже посадили на картошку, звали Марат и Тихон. Мне казалось, что фортуна оставила меня, забыв о моем существовании.

Подставив под себя тяжелую чурку, я села спиной ко всем, почти уткнувшись носом в гору с картошкой. И радовалась, что на протяжении какого-то времени меня никто не замечал.

— Нам ещё повезло, Марат, — смеялся Тихон, — Кривой и Серый, грязные трусы стирают. А девчонки из нашего сектора, моют толчки.

Они засмеялись.

— Значит, больше их не лапаем. Не хочу подцепить опарышей, — картавые ноты, снова вызвали смех.

— Майка, тоже на огороде корячиться, а им даже воду не дают, — продолжал Тихон.

От слова «вода», я непроизвольно облизнула сухие, шершавые губы.

— А я смотрю, сектор А. часто сушняк мучает, — буркнул Марат.

От его слов мои плечи напряглись, он говорил о том случае на завтраке.

— Брат, да там пол сектора наркоманов и хакеров!

— И стриптизерш, — добавил кто-то и все снова залились смехом.

— Так! Майку обижать не надо! — вступился Тихон. — Она одна там адекватная!

Возле меня стояло два полных вёдра уже чищеного картофеля, а на пальцах уже вздулись мозоли. Как бы мне не хотелось быстрее управиться и сбежать с этого сарая, приборы, которые нам выдали, не давали мне это сделать. Оставалось лишь притаиться в углу и не делать резких движений, чтобы не привлечь лишнего внимания.

— Согласен, сектор А. — полные кретины, — рявкнул рыжий. — Прости, дружище, но это так, — обратился он к мальчишке из моей группы.

— Мне самому там не нравится, — без капли совести заявил тот.

— Зато, у вас девок больше, — опечалено вздохнул Тихон.

— Это да!

— А у тебя только одни бабы на уме!

— Как представлю, сколько здесь чалится, аж сердце кровью обливается. На воле Светка ждет. И Вика. И Маша с Аней...

Когда Тихон перечислял свой бесконечный список спутниц, я вспомнила про Кирилла. В сердце больно кольнуло. Он не присутствовал на суде и не навешал меня в СИЗО. Конечно, у него могли быть причины или он вообще не знал, в какие проблемы я вляпалась, но на все равно, на душе скреблись кошки.

Иногда к нам заглядывал вожатый сектора В. и следил за процессом. На удивление, его отношение со своими подопечными, отличалось от нашего с Риной. Не переходя рамки, парни могли свободно шутить между собой и даже вместе ходить на перекур.

Но, через несколько недель, я узнаю, что парень не так прост. Его звали Гоша, и в колонии он оказался не случайно. Григорий воевал в горячих точках, и знает всевозможные способы допроса пленных. Буквально через месяц, Гоша, не моргнув глазом, продемонстрирует свои пятки на многих из нас.

Сама того не заметив, я наполнила семь вёдер. Мозоли на некоторых пальцах уже лопнули, и продолжать счищать картофель, было невыносимо больно. Не обращая внимания на боль и плохое самочувствие, я продолжала, в надежде быстрее вернуться в своё расположение.

— А это что за ящики? — спросил Тихон.

— Это специально для Германа, — пояснил Марат. — Он не ест такую парашу, которой кормят нас. Так что, его продукты хранятся отдельно.

— Что тут у нас? — видимо Тихон ковырялся в ящике. — Бананы! Абрикосы? И даже манго, прикиньте!

— Экзотику любит, засранец! — вставлял свои три рубля, мальчик из моего сектора. Показалось мне или нет, я услышала звук расстёгивающей ширинки.

— Я ему сейчас такой тропический дождь устрою, — кряхтел Тихон, борясь со штанами. — Братан, постой пока на палеве. Гляди, чтобы Гоша не шел.

— Идиот, — смеялся Марат, — тебе лишь бы балду свою вытащить!

Я нагнула голову ниже и зажмурилась, проклиная эту ситуацию. Я в колонии, мои руки в крови, чищу картошку, а по сараю бегают парни со спущенными штанами — думала ли я, что когда-нибудь окажусь в такой ситуации? Никогда!

— Бегут ручьи, текут ручьи, — через смех напевал Тихон.

Его брат, казалось, сейчас лопнет от смеха, но ребят остановили.

— Тут же девчонка, — сказал мой одноклассник, и мои глаза распахнулись.

Наступила пауза. Молния закрылась. И мне казалось, что остался лишь звук биения моего сердца.

— Девчонка? — переспросил Марат. — И где же она?

— Да вон сидит! Мы с ней вместе пришли! Мы, из сектора А..

Ножик в моих руках задрожал. Я старалась продолжать заниматься делом, надеясь, что кара обойдет меня. Восемь ведер.

— Эй, бугор! — крикнул Тихон. — Ты чего там притаился?

Я выстроила вокруг себя хрупкую стену, стараясь не обращать на них внимания.

— Бугорок! Ну-ка покажи личико! — не успокаивался он.

Я молчала, и знала, что выгляжу глупо. Но я нашла это самым правильным решением — игнор и все.

— Ты что, глухая?

Я вздрогнула и чуть не упала с пня, потому что, пролетев мимо моей головы, в картофельную кучу уткнулся нож. Мне в лицо брызнул картофельный сок, а овощ располовинился на две части.

— Тебе русским языком сказали! — прорычал Марат. — Повернись лицом, когда с тобой разговаривают!

Моя шкала Ада поднялась на отметку 7 — обескураживающий шок.

Кинув свой ножик на землю, я встала и резко повернулась к ним.

— У тебя с башкой все нормально?! Ты мог попасть в меня! — я задыхалась. — Что ты пристал ко мне?! Тебя не должно волновать, как я сижу!

На меня смотрели три пары глаз. Смотрели так, что мне было непонятно, чего они хотят: унижить, раздавить или может, извинится. Я успела заметить, что за веселым обсуждением, они практически не наполнили ведра.

— Наркоманка? — приподнимаясь, присмотрелся Марат. — Это ты, что ли?

— Что происходит, Фокс? — поинтересовался Тихон, и не сразу поняла к кому он обращается.

У меня так и не получилось восстановить дыхание, а в лисьих глазах заплясали чертики.

— Как удачно это ты попала, — он медленно похлопал с ладоши, а я проглотила

твёрдый комок, застрявший в горле, только теперь от ужаса. Я быстро выделила ключевое слово: «попала».

Представляю вашему вниманию, Дельфиненок № 4. Хотя мне трудно его так называть, это скорее акула. Дикая, опасная акула.

Ф.И.О.: Котов Марат Романович (Фокс).

Дата рождения: 17. 05. 1996 г.

Приговор: исправительные работы, в воспитательной колонии «Дельфин».

Срок заключения: 12 месяцев.

Статья: 109, часть 3 УК РФ (Причинение смерти по неосторожности группой лиц).

Дело: Два хулигана Котова, в этом деле превзошли всех нас. Разгуливая по частному сектору своего города, парням наскучило ходить без дела, и те решили, устроить пламенной шоу. Заметив в старенькой избушке, несколько выпивающих мужчин, они решили подшутить над ними, своим изощренным способом. Если думаете, что увидев людей низкого социального слоя, и автоматически дав себе разрешение на их уничтожение, они поступили подобно мне, то вы ошибаетесь. В отличие от меня, они знали, на что идут, и чем это может быть черева-то. Они подожгли дом, перед этим подперев двери ржавой ванной. Котовы решили, что будет очень забавно смотреть, как пьяные старики полезут в окно, но промахнулись. Пламя и дым распространились по помещению слишком быстро, и люди, состояние которых, не позволяло отдавать здравый отчет, задохнулись, не успев выбраться наружу. Братья Котовы, еще долго наблюдали за этой картиной, но никто так и не смог прийти на помощь. Я почти уверена, они не раскаиваются.

Он расскажет мне это потом. А точнее, прошепчет на ухо, когда в самый разгар Новогодних праздников, будет держать мою руку на раскаленном радиаторе.

А сейчас, этот поджигатель стоит напротив меня, и грозиться расправой за гребаный компот.

— Ты взяла чужое, — скалился Марат. — Это было невежливо.

— Я хотела пить, — я взмахнула руками. — Что тут такого? Это всего лишь стакан компота!

Марат подвел руку к подбородку и медленно постучал по нему пальцем.

— Да и в правду, — сказал он, — чего я жадничаю?

Разговор был странный, но ясно было одно: на уме у этого парня что-то мерзкое.

— Тихий! — обратился он к брату. — Девочка пить захотела, так что доставай свой шланг!

И тут, я опешила. Нет, он это несерьезно.

— Ты идиот, что ли!? — я двинулась к выходу. — Играйтесь в пожарников с кем-нибудь другим! Я ухожу!

Тогда я не знала, что этими словами, зацепила его за живое.

Марат перекрыл мне путь и схватил за плечи.

— И куда это мы собрались? — он силой оттолкнул меня от себя, и я влетела спиной в парня, из моего сектора. — А я думал тебе нравится, когда что-нибудь стекает по твоей голове.

— Вы не посмеете, — процедила я сквозь зубы, уже сама в этом сомневаясь.

— Держи ее, — приказал он парню, и тот подло обхватил меня руками. — Крепче!

А теперь, мне стало по-настоящему страшно.

— Убери свои руки! — кричала я, брыкаясь всем телом, но он был сильнее.

— Тихий, ну что ты медлишь? — смеялся Марат. — Напой девочку!

Тихон замешкался.

— Ты серьезно? — спросил он. — Ты же знаешь, мне не трудно будет.

— Ты думаешь, я шучу? — Марат начал злиться. — Давай! Делай!

Предатель, державший мои руки, повалил меня на колени, а Тихон сделал несколько шагов в мою сторону. И тогда, я закричала, и со всей силы укусила одноклассника. Тот, отпрянул от меня, а я рванула к выходу. Меня проводили отвратительными смешками и хохотом — они не собирались исполнять задуманное. Но в тот момент, я не смогла отличить злую шутку от действительного намерения.

Выбежав на прохладный, вечерний воздух, я только было собралась разреветься, но меня осек силуэт маленькой девочки, копающийся в песке. От сдерживания слез, из моего горла вырвался горький стон.

— Ты плачешь? — спросила маленькая Ева, подняв на меня голову.

Я покачала головой, чувствуя, как щиплет глаза.

— Нет, — прохрипела я, натянув улыбку. — Я просто устала.

— Это хорошо, — сказал ребенок и снова принялся что-то искать. — Не люблю, когда кто-то плачет.

— Что ты делаешь? — собралась я.

— Ищу горошинку, — сказала Ева, как будто я не видела очевидного.

— Горошинку? Зачем она тебе?

— Сегодня, я хочу спать как настоящая принцесса. Если я найду ее, то положу себе под матрас. Читала эту сказку?

— Да, — кивнула я. — Но эта принцесса, была слишком изнеженной и невоспитанной. Хорошие девочки, так себя не ведут.

Ева замерла и удивленно посмотрела на меня.

— Да? — она надула маленькие губки. — А как тогда мне стать принцессой?

— Очень просто, — я присела на одно колено, чтобы быть с ней на одном уровне. — Нужна волшебная пыль.

Девчушка распахнула свои большие глаза и открыла рот.

— Волшебная пыль? Ты не врешь мне?

Я взяла в руку небольшую горстку песка и пошептала на нее придуманными словами.

— Теперь, это волшебная пыль, — я протянула ей ладонь. — Загадай желание и подуй на нее. Если ты хочешь стать принцессой, то просто попроси.

Девочка закрыла глаза и со всей своей детской силой, дунула на мне ладонь. Ее желание исполнилось.

— Теперь, ты — принцесса, — заговорчески сказала я. — Только никому не говори, как у тебя это получилось. Только я и ты, знаем это волшебное заклинание.

— А почему ты не принцесса? — Ева хлопала глазами.

Этот вопрос, немного сбил меня с толку, но ответ пришел сам.

— Потому что, я — дельфин.

Ева одарила меня доброй и светлой улыбкой. Я давно не чувствовала такого тепла. Мы смотрели друг на друга, и я с трудом поборола желание обнять ее. Что этот ребенок делает в таком ужасном месте? Зачем психопат папаша привез ее сюда?

— Ева, — послышался голос Германа, и мне пришлось встать на ноги. — Бегом ужинать и спать!

Ева моментально послушалась отца, и через секунду след от девочки простыл.

К моему сожалению, директор лагеря остановился. Стоя в тени, он выглядел особенно зловеще.

— Откуда ты знаешь, все эти истории? — он скептически взглянул на меня.

От этого мужчины веяло холодом, и было трудно находиться в расслабленном состоянии, когда он был рядом.

— Я работала в библиотеке и перечитала много книжек, — быстро проговорила я, еще помня его удары на своем теле.

— Это очень хорошо, — протянул Герман. — Что если ты будешь заниматься с Евой, вместо часов молитвы?

Я покрутила головой, решив, что мне это послышалось.

— Что?

— У меня нет времени, чтобы развлекать, и учит Еву чему — либо, — продолжал он. — Ты могла бы мне в этом помочь. Если ты согласишься, я буду твоим должником.

Как будто у меня был выбор.

— Я согласна, — сказала я сиплым голосом, до сих пор не понимая, что делаю. Вдруг, я снова вовлеку себя в новые неприятности? Но боюсь, откажись я, сделала бы только хуже. Герман отчетливо намекнул мне, что не терпит отказов.

— Герман Давыдович, мы все сделали, — крикнул за моей спиной Тихон. — Можно нам идти на ужин?

— Конечно, — сказал директор, — скиньте все в телегу, и отвезите в столовую. Тогда, вы будете свободны.

Зуб даю, что к этим засранцам, он относился снисходительней. Марат тоже не желал говорить речь на импровизированных похоронах, но я не наблюдаю на его теле полосы от кожаного ремня. Здесь точно что-то не так.

Килограммы чищеного картофеля посыпались в тележку, и Герман удалился в свои хоромы. Я стояла, не шевелясь, чувствуя сильное отвращение к этой компании. Их сердца не знают, что такое совесть и мужество. Это место собрало в себе аморальных людей, и вместо того, чтобы искоренять плохое из их сердец, оно только порождает большее зло.

Перед уходом ко мне подошел Марат и медленно похлопал по плечу.

— Мы в расчете, — сказал он, не скрывая хитрой улыбки.

Мне хотелось вырвать клочок одежды, где только что побывала его рука. Опять двусмысленная фраза. Опять эти игры. Что им нужно от меня? Горите в Аду!

Они ушли, и я осталась одна стоять под сумеречным небом. Понимание того, что где-то там, под этими звездами, ходят Катя, Кирилл и даже не догадываются о существовании этого места, сводит меня с ума. Мне хочется позвать их, позвать маму, но меня никто не услышит.

В животе урчало, поэтому я поспешила закончить с заданием. Но вернувшись в сарай, обессилено упала на колени. Из восьми ведер, полных осталось только пять. Не трудно было догадаться, почему эти кретины так быстро справились, учитывая, что большую часть времени просто дурачились. Они забрали мое. Они нагло забрали мои ведра.

Я не буду говорить, какая отметка на шкале была в тот момент, потому что-то чувство, которое во мне бурлило, было мне в новинку. Дальше пошли часы мучительной работы, от которой на моих руках не осталось живого места. Эти шрамы, до сих пор красуются на моих фалангах, как напоминание о девяти кругах Ада, которые мне только придется пройти.

Не могу сказать точно, сколько прошло времени, пока мне удалось наполнить все десять

ведер, но ужин я пропустила. Наверное, теперь в своих кошмарах, я буду падать не в воду, а в клубни пыльной картошки.

Вернувшись в свои комнату, я наткнулась на Алю.

— Соня! — крикнула она. — Тебя не было на ужине! Где ты была?

Я смотрела на подругу пустыми глазами, пытаюсь по губам прочитать ее слова.

— Мы с Глебом обыскали тебя! Ему пришлось прятать котлеты по карманам, чтобы досталось и тебе!

Я пропустила ее крики, потому что увидела бутылку с водой в руках Волковой и потянулась к ней. Но она убрала ее за спину.

— Эй, Зомби, — недовольно сказала она, — это мое. Что за приколы, постоянно брать чужое?

Уже не в силах терпеть эту сухость, я подбежала к умывальнику и открыла кран. Острая боль пронзила мои руки, когда я попыталась набрать воды в ладони. Все. Это было точкой. Я упала на пол, и что есть силы, закричала.

— Соня, что с тобой! — припала ко мне Аля, вытирая мои слезы. — Господи! Что с руками?

А дальше все как в тумане. Я помню, как Аля рвала свою простынь, а потом перевязывала ею мои руки. Помню, как любезно испуганная Волкова, все-таки решила не дать мне умереть от жажды. Я помню, как сквозь слезы, рассказывала про вечернюю порку и сегодняшний инцидент. До сих пор перед глазами стоит испуганное лицо Альки — я до смерти напугала своими рассказами. Ну, а когда Волкова поделилась своей историей с краном, Аля вообще была готова потерять сознание.

Сколько боли и слез было в этот вечер, мне трудно объяснить, но тогда, это немного сплотило нас. Я уснула на коленях Али, которая успокаивала меня, гладя рукой по голове, а как оказалась в своей постели уже не помню. Да и какая разница? Ведь завтра, нам придется снова проснуться в колонии «Дельфин».

Глава#7. Лето — это маленькая жизнь

7.06.2013

Неделя прошла на удивление спокойно. Я, Аля и Глеб стараемся держаться вместе. Мне нравится наша компания. Глеб заставляет меня улыбаться, Аля дарит драгоценную поддержку, а я стараюсь быть, хоть чем-нибудь для них полезной. Волкова все так же кривит нос, но я уже к этому привыкла и не злюсь. Вечерами, я хожу к Еве, и мы читаем разные сказки. Герман рад этому и не трогает меня. По лагерю ходят слухи, что у нас роман. Бред полный, но никто не может понять, по какой причине я стала неприкосновенной. Они выдумали самое дурацкое объяснение. Приступов, после приемов таблеток больше не замечалось, наоборот, я чувствую себя намного умиротворенней. На удивление, столовая еда мне кажется вкусной. Котовы не замечают меня. Больше нечего сказать. Не замечают, и славно.

15.06.2013.

Сегодня, мы с Евой прочитали книжку про Винни-Пуха, она сказала, что я похожа на ослика Иа. Такая же серая и грустная. Парень из моего сектора, тот самый, который заламывал мне руки, перевернул пять бидонов молока, оставив весь лагерь без завтрака. Но мне кажется, его подставили — колеса на телеге были подпилены. Кстати, его зовут Миша. Сегодня льёт сильный дождь, а Михаил стоит привязанный за руку к воротам — это его наказание. Он выглядит жалко, а я злорадствую. Справедливо ли предположить, что предатель это заслужил? Думаю, да. Волкова постоянно трется возле Котовых, у них что-то вроде своей стайки. Там ей и место. Выбегая из сектора В., я нечаянно столкнулась с Гошей. Он слишком злобно посмотрел на меня, но промолчал. Пока, наказания за неосторожность не поступало.

17.06.2013

Миша все так же стоит на улице. Ребята носят ему еду и просят потерпеть немного — вечером его должны отпустить. Зрелище ужасное. Даже мне его стало жаль. Он похож на несчастную дворнягу, о существовании которой забыли хозяева. В столовке, я подглядела, как Марат зажал мальчишку в углу, а потом несколько раз пнул в живот. Гоша и Рина пропустили все мимо глаз. Я ещё раз убеждаюсь, что у сектора В. определенные привилегии. Им многое сходит с рук.

23.06.2013.

Миша уже неделю лежит в лазарете, у него воспаление легких. Герман не рискует везти его в город, чтобы не возникало лишних вопросов. Марат, сломал стену неприкосновенности между нами, обкидав меня в столовой яблочными огрызками. Вожатые сделали вид, что не заметили этого, а я не смогла дать отпор. Глеб вернулся «после отбоя», у него сломан мизинец на руке. Он ничего не рассказывает и продолжает веселиться. Аля, обзывает его дураком и перевязывает руку. Последнее время, она стала более опытна в этом. Ева нарисовала меня и мне очень понравилось.

25.06.2013.

Сегодня Тихон украл мою робу, когда я была в душе. Мне пришлось пропустить часы трудотерапии, пока Аля не нашла ее для меня. Мне здорово досталось. Рина заставила меня выпить трехлитровую банку марганцовки, а потом ещё долго наблюдала, как мой «внутренний демон» выходил наружу. Я заняла уборную на час и теперь, очень болит живот.

Волкова флиртует с Маратом, а потом злиться, когда тот цепляет меня. Злиться на меня. О Мише пока нечего неизвестно.

25.06.2013.

Сегодня, я проснулась с той мыслью, что меня ничего не волнует. Это все таблетки, я знаю, и теперь прячу их под матрасом. Герман заставил нас два часа, уткнувшись лицом в землю, сидеть под палящем солнцем, исповедываясь перед Господом.

У Али сгорели шея и нос. Они облазают, и это смотрится очень смешно. Еве начали надоедать сказки и мне становится страшно. Это не понравится Герману. Надо что-нибудь придумать. Марат говорит всем, что я подстилка директора. Большая часть ребят верят ему, поэтому я часто слышу издевательские смешки у себя за спиной.

26.06.2013.

Сегодня ночью умер Миша. Его похоронили за лагерем, потому что знают, что его не хватятся. Он сирота. Дельфины начинают шептаться. Герман заметно помрачнел. Становится жутко. Пытаюсь не думать об этом и работаю на кухне. Пока счищала пригоревшее масло с противней, все пальцы разъело от средств. Аля снова практикует перевязку. Она попросилась работать в медпункт.

30.06.2013.

Аля, задавала слишком много вопросов касаясь Миши. Медсестра пожаловалась Герману. Я не вижу подругу целый день и начинаю волноваться. Марат и Тихон, перевернули на меня ведро с помоями. Говорят, что случайно, но я знаю, что они лгут. Проревела всю ночь.

1.07.2013.

Утром вернулась Аля. Рина сожгла ей рот уксусом, чтобы не лезла не в своё дело. Девочка ни ест, ни пьёт и молчит. Глупый Глеб попытался заступиться и поговорил с Риной. Весь вечер он простоял на площади, пока дельфинята кидали в него камни. Так Герман сказал. Я тоже кидала. Только не сильно, чтобы не долетело до него. Заметила, что Волкова делала так же, как я. Мы с Евой гуляем по территории. Пока она со мной, меня никто не трогает.

5.07.2013

Ночка была веселая. Марат и Тихон, за ноги меня стянули с кровати и затащили в кладовку. Оставив меня на целый час в прохладной темноте, среди паутин и мышей, они ещё раз показали своё истинное лицо. Меня открыл Глеб, который слышал мои всхлипы, потому что не спал — его тело болело после камней. В столовой, Рина со всей силы ударила Майку по лицу, за то, что та, перевернула поднос с завтраком. Волкова начинает ломаться, но не показывает виду. Погода была хорошая, и я умоляла Еву выйти прогуляться — хотела пропустить молитву.

10.07.2013.

Случилось страшное. Ева сказала Герману, что я «плохая принцесса». Она увидела у меня под матрасом таблетки. В этот день, я возненавидела всем известную сказку. Гоша бил меня электрошокером, пока я не потеряла сознание. Проснулась уже в своей комнате. Плакала полночи.

11.07.2013

Сегодня парень из сектора В. сломал ногу. Герман решил не рисковать и отправил его в город на перевязку. Он был на свободе. Подробности не знаю, но появилась новая мысль. Но об этом потом. Снова не принимаю таблетки. Теперь, прячу их в линолеум под

плинтусом. Чистила картошку — получила её от Марата. Выросла большая шишка на голове. Уже не плачу.

15.07.2013

Аля боится, сегодня пригорела запеканка, за которой ей наказали смотреть. Я тоже боюсь за неё, но стараюсь не паниковать. Чувствую себя плохо — кружится голова. Это все из-за Марата. Или из-за Гоши. Глеб больше не улыбается, ходит грустный и подавленный. Волкова стала тише. Если бы не Котовы, она и вовсе перестала разговаривать. Ева больше не гуляет по территории, а настроение Германа все мрачнее. Стараюсь не попадаться ему на глаза.

19.07.2013.

Из-за того, что Аля перевела еду, её заставили съесть все остатки со столовой. Меня до сих пор мутит от её рассказа. Это бесчеловечная процедура. После наказаний, плачу только я. Девочки менее эмоциональны. Грешу на таблетки. У Глеба чёрный фингал под глазом, он снова молчит и не рассказывает, откуда он. Я не спрашиваю, говорить о пытках тяжело.

27.07.2013.

Герман заставил перекрасить входные ворота. Марат, испачкал мои волосы в краске. Пришлось обрезать их наполовину. Ненавижу его. Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу.

03.08.2013.

У вожатых новая фишка. Они ходят с палками и поправляют нам осанку. У Али и Майи с этим нет проблем, а вот у меня, вся спина битая. Первый раз увидела, как досталось Тихону. Злорадствую.

05.08.2013.

Слухи о нас с Германом, набирают новую силу, и это несмотря на то, что мне достается не меньше других. Это все Марат. Я знаю, потому что его шоу с едой, теперь поддержало половина дельфинят. Если так пойдет и дальше, я откажусь ходить в столовую. Кстати, после этой вакханалии, Рина оставила на уборку именно меня. Понятно одно: ей нравится сектор В. и дико не нравлюсь я.

09.08.2013.

После работы в поле, я заметила, как могильный холмик Миши, без каких-либо угрызений совести сравняли с землей. Теперь, эта щекотливая проблемка не мозолит глаза, и Герман заметно повеселел. Я рада, что у меня есть мама, которая знает о моем существовании. Ведь, со мной легко могли бы поступить так же. Это жутко.

15.08.2013.

Даже забавно, но у нас в лагере нововведение. Провинившиеся дельфинята, теперь, помещаются в холодный карцер, причем в полунагом виде. Максимальная мера заточения: две недели. Но поверьте, попадись в эту ловушку, не продержишься и недели. Боюсь, у Миши могут появиться соседи... Господи, как страшно.

19.08.2013.

Глеб вернулся из карцера. Он вообще перестал разговаривать. Аля говорит, что у него сломано ребро. Все очень напуганы. Мы похожи на беспомощный скот, не имеющий право на ошибку.

21.08.2013.

Сегодня, все подозрительно тихо. Вожатых почти не видно, и Герман сидит у себя в доме. Они что-то обсуждают. Но мне от этого не легче, потому что у Марата и Тихона развязаны руки. Весь день старательно избегаю их. Почти вышло. Не успела добежать до

свой комнаты, когда получила сильный толчок в спину. Распласталась по коридору — это лучше, чем быть облитой помоями.

22. 08. 2013.

У нас появился новый координатор проекта «Дельфин», но пока его никто не видел. Волкова подслушала разговор Гоши и Рины, теперь остается молиться, что он будет вменяемый и даже может, закроет весь этот ужас.

25. 08. 2013.

На медосмотр, я шла с обожженным лицом — Марат растер по нему крапиву. Никто не помешал ему. Иногда мне кажется, что он третий из надзирателей. Он делает все, что хочет, и ему это сходит с рук. На осмотре сказали, что я похудела на 7 килограмм. В принципе, как и все здесь. Меня пугает Аля. Каждую ночь слышу ее истеричный смех. Все дело в таблетках.

27. 08. - 20. 09. 2013.

Каждый день похож на другой, и я чувствую, что мои силы иссякли. Невыносимо слушать рассказы ребят, когда они приходят после очередного наказания. В голову лезут самые страшные мысли, и если бы не мои друзья... Если бы не мама... В общем, я держусь. Пока что. Глаза у ребят стали стеклянными, пустыми, в них читается лишь одно отчаяние. Я вообще поражаюсь, как мы продержались эти четыре месяца, но от одной мысли, что это только начало, мне хочется грызть стекло. Мало мне того, что я нахожусь в самом забытом Боге месте, так еще эти Котовы отравляют и без того ядовитую жизнь. У нас отняли все: нормальную жизнь, силу воли, любовь к людям, веру в хорошее. Но, никто не сможет отнять у нас надежду. Надежду на то, что скоро весь этот кошмар закончится, и перестанем вздрагивать каждую ночь.

Знаете, если много дней подряд втыкать тебе нож в грудь, рано или поздно, ты начнешь к этому привыкать. Так происходило с нами, и глава «Дельфинария» это понимал. Поэтому последующие дни, его прихоти становились только изощреннее. Жестче.

Глава#8. У Тихона в омуте — черти водятся

Сентябрь.

Выдался очень прохладный день, а теплую робу выдавать никто не спешил. Неприятные дождь попадал за шиворот, делая наши часы трудотерапии еще невыносимее. В такт тяжелым вздохам и нескончаемого пара изо рта, мы капаем землю, которая вперемешку с дождем превращается в тяжелую грязь. По тягучему месиву, мы пробираемся к огромной цистерне и наполняем ее земляной массой. Зачем именно мы это делаем, и в чем польза этого занятия, никто не знает. Нам просто приказали так делать, и вопрос исчерпался сам по себе.

Слышу, как справа от меня всхлипывает Аля. Ее пальцы посинели от холода, и она едва держится за черенок. Вокруг нас, словно акулы, кружат вожатые, угрожающе размахивая резиновыми палками и подбадривая нелестными выкриками. В калоши попадает вода и грязь, и я практически не чувствую пальцев на ногах. Мечтаю, что коварные тучи разойдутся, и пробьется хоть минимальный лучик согревающего солнца.

— Поживее, дельфины! — кричит Рина. — Или вы рискуете лишиться завтрака! Если через час вся бочка не будет наполнена, все два сектора останутся голодными! Так что, пошевеливайтесь!

Теперь, я хотя бы понимала, что от нас требуют. Сектор В. работает с нами, и ужасно приятно слышать отголоски их усталости. В этот раз все по-честному.

— Что вы как пенсионеры?! — забавляется Гоша. — Могу дать пинка для ускорения! Филатова, что у тебя с лицом? Не нравится ручки марать? Это же твоя жизнь! Эта та грязь, которую ты развела за свои пятнадцать!

— Иди к черту, — бурчу себе под нос, чтобы он не услышал.

Краем глаза вижу, как скалятся Котовы. Им нравится, когда все помои летят в меня.

Мои ноги утопают в грязи, у меня с трудом получается пробираться до цистерны. И дождь как назло только усиливается. Без преувеличений, это одно из худших заданий за последнее время. От такой работы должно становиться жарко, но мне кажется, что кровь в венах начинает застывать.

Чувствую, что еще минута, и я сдамся. Минута проходит, и силы снова прибывают. Но не у Али. Девочка падает на землю, напоминая собой бледную куклу.

— Господи, Аля! — припадаю к ней и трясу за плечи. — Что с тобой?

Все дельфинята останавливаются и смотрят на нас, но никто не спешит помочь.

— Что там у вас? — сквозь толпу пробирается Рина.

У меня в горле собирается три кома — моя подруга практически без сознания. Ее глаза приоткрыты, но дыхание слабое. Растерявшись, пытаюсь неуклюже сделать искусственное дыхание, оказать первую помощь и давлю руками на грудную клетку.

— Отвали! — схватившись за плечо, Рина отталкивает меня в сторону. — Тупая слабачка! Какого хрена она разлеглась?

Мерзкая вожатая, начинает пренебрежительно бить Алю по щекам. Было заметно, что она превышает меру допустимого и просто лупит девочку по лицу.

— Престань! Ты делаешь только хуже! — я двинулась в их сторону, но Рина снова толкнула меня и моя спина соприкоснулась с холодной грязью.

— Уберите эту идиотку! Пока я не отправила ее в карцер!

Во мне играла ярость, и щеки, которые были готовы потрескаться от холода, теперь запылали огнем.

— Ей нужна помощь! — мой голос эхом раздался в воздухе.

— Заткни свою пасть! Не доводи до греха или я за себя не отвечаю! — рывкнула Рина и на пару с Гошей, потащила Алю в барак.

Следующий мой рывок остановила чья-то рука. Как бы я не старалась встать, человек, державший меня за плечо, был в разы сильнее.

— Бессмертная что ли? — картавые нотки в его голосе, заставили меня замереть. — Сиди и не твякай, пока нам всем из-за тебя не попало.

Я подняла глаза и увидела Марата. Его брови были сдвинуты на переносице, а губы сложены в тонкую полоску. Он унизительно вдавливал меня в землю, лишив возможности подняться.

— Отпусти меня, — сказала я яростно, насколько это было возможно.

— Я думал, что хоть горстка мозгов у тебя есть, — разочарованно заявил он. — Ты же понимаешь, что нарвешься на неприятности? Твоей подруге ничего не грозит, а вот ты запросто загребешь в коробку. Разве Глеб не рассказывал тебе, как там жутко?

Ветер и дождь усиливался, и мне с трудом удавалось разглядеть его лицо. Но, от этого прикосновения, меня пронзило болью. Каждый раз, когда этот человек прикасался ко мне, смотрел или же просто обращал свое внимание, меня било разрядом тока. Нет, не подумайте, что это зависело от высоких чувств, наоборот, эти эмоции были подобны каторге. Он воспитал во мне жертву, и теперь, когда он приближался ко мне, мое тело начинало панически содрогаться. Это психология и только. Если ты будешь постоянно давить на человека, делать из него безвольную игрушку, то рано или поздно, он подчинится тебе. Я не поверила, не подчинилась, а только лишь окружила себя страхом. Страхом перед этим человеком. Хотя мне сложно таковым его назвать. Человек — это слово с большой буквы, но, увы, оно не относится ни к одному из нас. После того, через что мне пришлось пройти, даже смешно, что я боюсь Марата, больше чем Германа и вожатых. Этот дельфиненок, определенно, местами намеренно, навел на меня ужас.

— Убери свои руки, — повторила я, почти не слыша своего голоса.

Руки его на моих плечах ослабили хватку, но продолжали удерживать на месте. Дельфинята окружили нас, и с любопытством наблюдали, что произойдет дальше. Уверена, большая часть жаждала кровавого зрелища.

— Фокс, брось ты эту замараху! — выступил Тихон, обращаясь к брату. — Если она хочет в карцер, туда ей и дорога! Нечего с ней возиться!

По толпе прошлись возгласы в поддержку словам Тихона. Все были солидарны с ним. А, казалось бы, что нам остается делать? По мне так впасть друг другу в объятия и стать сплоченным коллективом, вопреки жестоким правилам колонии. Но не топтать каждого, кто хоть немного угодил в грязь. Да что там говорить, мы все по уши в ней. Даже странно, что мы пытаемся «съесть» своих же людей, на радость безумному Сико. И только потом мне станет ясно, что это часть эксперимента.

Марат отпустил меня, и серые роботы принялись за свое дело. Мои глаза поднялись только в тот момент, когда я поняла, что мир, в который мне угораздило попасть, напрочь лишен чести и какой-либо человечности. Моя соседка Волкова, фыркнула в мою сторону, с намеком, что я — пустое место. Даже Глеб не взглянул на меня и не попытался воспротивиться.

День изначально пошел насмарку. Долбанная цистерна была наполнена, но меня волновало не это. Я не знала где находится Аля — лазарет был пуст, а спросить было не у кого. Я не пошла на завтрак, потому что мне было не до него. Откровенно говоря, в мою голову лезли самые колкие мысли, от которых я не могла избавиться.

Сегодня в колонии, довольно снисходительный день, потому что я уже четвертый час лежу в своей комнате, и никто не вызывает нас на построение или же на прочую чушь. Наверное, я пропустила какое-то значимое событие, раз Рина еще не попыталась наказать меня за дерзость, а Герман не закидывает работой.

Мои руки сводит судорогой, потому что я переживаю за Алю, как за единственного родного мне здесь человека. Коварная ситуация сама отвернула от меня Глеба, ведь он стал похож не ненормального. В этом нет его вины, я все понимаю, но невольно отношусь к нему как к чужому. От того веселого парнишки ничего не осталось.

Майка тоже не постоянный житель нашей комнаты. Ее привлекает сектор В., а мы лишь неудачное общество, в которое ей угораздило попасть. Тем более — я. Ко мне у нее определенные чувства, и как по мне, не поддающиеся никакой логике. Понятия не имею, почему эта барышня решила взъесться на меня.

На часах почти половина восьмого, Аля еще не явилась, а мои кленки дергаются так внезапно, что я сама пугаюсь, не в силах держать это под контролем. Нервы.

Лежу на кровати и изучаю потолок. Моя голова, успела полюбить эту тонкую подушку. Каждый день, я мечтаю о встречи с ней, чтобы беззаботно провалиться в сон. Конечно, беззаботно не получится, но это единственное время, не смотря на кошмары, когда я могу забыться.

— Филатова, ты здесь? — из-за двери появляется голова Тихона. — Хватит чалиться, почта пришла!

Я как в глупом кино помотала головой, потому что ни сразу поверила в суть происходящего. Мне мало верить, что эта семейка решила проявить ко мне заботу.

— Какая еще почта? — я лениво подняла голову с подушки, зная, что в своем секторе, я нахожусь в безопасности. — И какого хрена ты делаешь на нашей территории? Свали!

— Идиотина ты кудрявая, нам письма с дому пришли. Хотя, если хочешь, можешь дальше задницу пролеживать, а я твоим письмом свою подотру, — усмехнулся Тихон и захлопнул дверь.

Мой пульс участился в разы. Письма? Неужели, весточка от мамы?

Подскочив с кровати, я дернулась к выходу. Скулы на лице натянулись, я уже и забыла, когда в последний раз могла улыбаться. Забыла, когда на это была причина. Выбежав на улицу, я убедилась, что Тихон не лгал. Посредине лагеря собрались все два сектора, стоял гул, и все старательно прятали долгожданные конверты за пазуху. Коробка с письмами стояла на земле, и дождь безжалостно заливал клочки бумаги.

Пробравшись сквозь толпу, я лихорадочно начала копошиться в деревянной коробке. От переизбытка эмоций, руки отказывались слушаться. Пробегаясь по адресатам, я наткнулась на фамилию Кручик. Это письмо принадлежало Але. Быстро спрятала его в кармане робы, и закусив губы, искала свою весточку.

Я уже прошлась по второму кругу, но никак не могла найти письмо. Оно где-то здесь, я знаю. Мама бы никогда не опустила возможности написать мне. Я полностью была уверена в этом, но глаза стало потихоньку щипать.

«Перестань, Соня, — говорила я сама себе. — Письмо где-то здесь. Только не реви. Ты

пропустила его и только. Просто продолжай искать».

— Привет, Сонюшка, — театрально кричал кто-то из толпы. — Я очень по тебе соскучилась. Как твои дела? Надеюсь, тебя кормят, и никто не обижает...

Глубоко вдохнув воздуха, я медленно подняла глаза. Тихон держал в руках листок бумаги, и с выражением, наигранно, бесцеремонно читал мое письмо. Письмо от мамы.

— Одевайся теплее и береги здоровье, — продолжал он, копируя женский голос.

Мои руки сжались в кулаки, и я закрыла на секунду глаза, пытаясь побороть нарастающий приступ агрессии.

— Быстро верни мне его! — крикнула я, подрываясь с колен.

Но Тихон отскочил в сторону, и продолжал глумиться:

— У меня все хорошо. Только вот клиентов стало меньше. Работы мало, — он запнулся и посмотрел на меня. — Твоя мать проститутка что ли?

Я закричала зубами и ринулась на этого ублюдка. Злые смешки пробежались по кругу. Для них это было забавой. Все верили ему, но никто не мог догадываться, что мама — парикмахер. И объясняться перед этими шакалами, я не собиралась.

Тихон скакал от меня, и мне с трудом получилось догнать его.

— Отдай письмо! — я схватила его за робу, но письмо выхватить не получилось.

— Так вот же оно. Бери, — он задрал руку к небу, а я лишь униженно подпрыгивала до нее. Но Тихон был выше меня.

— Отдай мне письмо, идиот, — мой голос поломался. Перед глазами образовалась пелена из слез, и мне оставалось только слышать противный смех окружающих.

— Отдай ей дурацкое письмо, — сказала Волкова. — Ты что не видишь, она рыдает?

— Да, Тихий, завязывай! — крикнул кто-то из толпы. — Верни письмо!

Я, подобно маленькой девочки, с надеждой посмотрел в его черные глаза. Они светились подлостью. Мне впервые удалось разглядеть его. Черные как смола волосы, хмурые брови, острый подбородок, их черты лица с братом, определенно были схожи между собой. И эта улыбка. Надменная, лукавая улыбка, была одна на двоих.

— Хорошо, я отдам тебе его, — сказал Тихон, и я отпустила его. Отпрыгнув в сторону, негодяй сунул руку в цистерну, увлекая под слоем грязи письмо от мамы. — Оно твое, — заявил он.

Дельфинята снова залились хохотом и торопливо начали расходиться. Я стояла как вкопанная, провожая взглядом коварную публику. Мои глаза встретились с лисьим прищуром. Марат стоял в нескольких метрах от меня, облокотившись об столб и сложив руки на груди. На его лице читалось полное спокойствие, и пока он не оставил меня, я мысленно проклинала всю их семью. Сильный ветер с дождем били меня по лицу, старательно приводя меня в чувства.

Моя шкала Ада была на отметке 9.

Подбежав к бочке, я начала ковыряться в густой грязи. Мне нужно было достать свое письмо. Слезы, вперемешку с каплями дождя стекали по лицу, а руки были по локоть испачканы.

«Твоя жизнь — это грязь», — в голове эхом проносились слова вожатого.

Но я все искала. Искала до тех пор, когда не прибыла в полное отчаяние. Это было невозможно. Единственный способ найти его, это перевернуть всю бочку, но сделав такой шаг, это письмо может быть последним, которое я прочитаю.

Боль резала ножом из груди, а ноги ослабли. Обессиленная, я рухнула на землю.

Жалобный крик вырвался из груди, когда я поняла, что проиграла. От душной обиды, мои легкие отказывались принимать воздух. Мир вокруг меня поплыл.

Я провалилась в темноту.

***

Когда я открыла глаза, то поняла, что свернувшись калачиком, лежу на своей койке. В комнате было приятно тепло, и я могла чувствовать свои конечности. Мокрая роба висела у изголовья, а майка и трусы были сырыми.

— Мама, — позвала я.

— Тс-с, все спят, — прошептала Аля, усаживаясь на край кровати. — Разбудим Майку, и по голове получим обе. Ты проспала несколько часов. Хорошо себя чувствуешь?

Немного оглядевшись, я поняла, что на дворе глубокая ночь. Я в колонии.

— Где ты была? — спросила я подругу, которая выглядела довольно бодро.

— Все хорошо, — улыбнулась она. — Меня возили в город. Несколько капельниц и все в порядке. Мне сказали, что у меня был упадок сил и только.

— В город? Ты была там?

— Да, правда, помню все смутно. Но добрая врачиха, угостила меня конфетами, — Аля полезла в карман и достала две мятые ириски. — Я тебе их привезла. Никогда не думала, что буду так сильно скучать по сладкому.

Мое сердце трепетно колыхнулось.

— У меня тоже для тебя кое-что есть, — я приподнялась и достала отсыревшее письмо из кармана робы. — Оно твое. Только чернила слегка потекли.

— Спасибо, — засветилась Аля. — Я так боялась, что оно потерялось.

— Я рада, что у тебя есть возможность прочитать его, — я запнулась, чувствуя надвигающейся горький ком в горле. — Меня такой возможности лишили.

Аля сочувственно опустила глаза.

— Майя рассказала мне, что случилось. Это было очень подло.

Я взяла девочку за руку.

— Спасибо, что притащила меня сюда, — поблагодарила я. — Я даже представить не могу, сколько мне пришлось там пролежать, если бы не ты.

— Это не я была, — Аля покачала головой. — Ты думаешь, у меня бы получилось поднять тебя? Прости, Соня, но ты в два раза крупнее меня.

— А кто тогда? — я засунула ириску в рот.

— Меня саму недавно привезли, но Волкова сказала, что это был Марат.

Конфета встала поперек горла.

— Что?

— Ну да, она говорит, что на руках принес. Это так романтично.

— Не носи ерунды, — я ткнула ее кулаком в плечо. — Волкова наврала тебе. Он никогда бы так не поступил.

— Вот утром, сама у нее спросишь, — обиделась Аля, и поползла к своей кровати.

Мой затылок упал на подушку. Это просто не укладывалось в моей голове. Марату плевать на меня, и сомневаюсь, что у него проснулась совесть. Он быстрее утопит меня в луже, чем не даст замерзнуть. Скорее всего, это была Волкова, просто решила подшутить над нами... Или нет? Вдруг, Марат действительно принес меня сюда?

Мои щеки налились краской, когда я предположила, что он мог переодеть меня. Нет. Нет. Я не должна так думать, ведь Котовы, способны на многое, но только не на помощь. Я

ни когда не прощу им то, что они сделали. Никогда не прощу, что лишили меня письма от мамы. Никогда.

А потом, в голову пришла другая наводящая мысль. Каждый дельфиненок, которому нездоровилось, отправляли в город. Есть шанс выбраться отсюда, хоть ненадолго. Есть шанс увидеться с мамой и рассказать об этом Хаусе, который тут твориться. Вспоминаю про таблетки, которые прятала под линолеумом. Их много. Достаточно, чтобы получить отравление. У меня появился шанс...

С этими мыслями я провалилась в сон.

Глава#9. Игра по их правилам

Я уже не ела два дня.

Наивно предположив, что меня обойдёт стороной наказание от Рины, я сильно ошибалась. Вожатая ясно дала понять, что мне запрещено появляться в столовой, пока она не увидит в моих глазах раскаяния. Я всем своим видом показывала, как мне жаль, что я заступилась за Алю, бестактно возразив Рине, но та, по-моему, вообще забыла про меня и продолжает держать в голоде.

Начался сезон дождей. Погода категорически отказывалась налаживаться. Я стою возле окна в нашей комнате, наблюдаю, как во дворе образуются глубокие лужи, жду ребят с завтрака и глотаю слюни, вспоминая пресную кашу.

Сегодня, особо жуткий день и с самого утра, в душе томиться ощущение чего-то нехорошего. Находясь здесь, я часто испытываю подобное чувство, но сейчас, оно максимально обострилось.

Уличные громкоговорители разрываются от голоса Германа Сико:

«Работа до последней капли пота — есть истинное преклонение перед Богом!».

«Строгая дисциплина — есть сила духа!».

«Покаяние и очищение души — есть служение Господу!».

От этих диких лозунгов, на руках выступают колючие мурашки.

Совсем недавно мне стало ясно, что колония «Дельфин» работает при поддержке государства и активно сотрудничает с правоохранительными органами. Так что, на любую поддержку извне, можно было не рассчитывать. Я не знаю, осведомлены ли люди, какими способами из нас делают законопослушными гражданами, но уверена точно, что колония прикрывается фальшивой маской под названием «Благая цель».

Лагерь «Дельфин» был маленьким государством, с кощунственными правилами и порядками, скрытым за неприступной крепостью от внешнего мира. Мира, которого я не ценила, находясь на воле. А сейчас, глядя на колючую проводку, клубками намотанную на верхушки заборов, невольно начинаешь задумываться, как коварна, бывает судьба.

— Сонька, ты одна? — в комнату заглянула Аля. Её красные волосы стали тусклыми, а короткая стрижка, плавно перерастала в каре.

— Что-то случилось? — повернулась я к ней, наблюдая, как та постоянно оглядывается.

— Случилось, — сказала она и закрыла дверь. — Волкова пошла в медпункт, значит, у нас есть немного времени.

— Времени на что?

Аля начала трясти рукавом робы и из него, прямо на пол, вывалился бутерброд с маслом.

— Трапезничать будешь, — гордо заявила подруга, поднимая половинчатую дольку хлеба. — Сейчас, только пыль сдую.

— Как у тебя получилось? — я была благодарна такому жесту, но не могла представить, чтобы ей выдали добавку.

— Я наелась кашей, а бутерброд для тебя припрятала. Ты знаешь, как противно ощущать, когда об твою руку тает масло? Иногда, было даже щекотно, но в основном противно.

Я жадно выхватила из её рук кусочек еды, чувствуя, что не контролирую себя.

— Спасибо, — изнемогающе поблагодарила я.

— На здоровье, — улыбнулась Аля. — Ты только жуй, не хватало ещё подавиться.

Я покивала головой, так как рот был занят. Я жевала хлеб с таким напором, что в щеках отдавало ноющей болью.

Твёрдая корка покарябала горло — мой завтрак незамедлительно был уничтожен.

Проглотив бутерброд, я так и не получила желаемого насыщения. Теперь, во рту образовалась неприятная сухость.

— Что так смотришь на меня? — возмутилась Аля, заметив, что я немного скривилась. — Компот в карман не засунешь! Попей из крана!

Это была хорошая идея. Я двинулась к раковине, открыла кран и дотронулась губами до холодной струи. Как озверевшая, я жадно делала глоток за глотком хлорированной воды. Вот сейчас, мой завтрак можно было считать полноценным.

Но не успела я обрадоваться, как в комнату ворвалась вожатая. Закрыв за собой дверь, она, молча, сложила руки на груди.

— Что-то не так? — замешкавшись, пискнула Аля. Сегодня этот вопрос в топе задаваемых.

Рина светилась от ярости, но не произнесла ни слова, лишь грозно поманила Алю пальцем.

— Что случилось? — влезла я, чувствуя неладное, но Рина жестом приказала мне заткнуться.

Аля медленно подошла к вожатой, и было сильно заметно, как задрожали её колени.

— Меня, уже порядком задолбал ваш дуэт, — медленно, сквозь зубы говорила Рина, взяв Алю за руку. — Вы думаете, что самые умные? Думаете, что надурили меня? — когда она стала задирать рукав подруги, оголив руку, блестящую от кусков масла, все стало понятно. Мы влипли.

На какое-то мгновение в комнате застыла тишина. Я слышала, как бьется сердце Али и ждала, какого-то выговора от Риной.

Но выговор она пропустила.

Рина с размаху ударила Алю по лицу.

— Если я сказала, что ей нельзя жрать, — захлебнулась она в крике, — значит, ей нельзя жрать!

Такой, я её видела впервые. Было такое ощущение, что Рина проходит сеанс экзорцизма. Как будто вот-вот, из нее вылезет демон.

— Я вас всех уничтожу! — она схватилась в Алю и начала таскать ее за волосы. — Грязные шлюхи! Я вам покажу, как воровать еду!

Крики вырезались в мою голову, и эта сцена, напомнила мне ситуацию с бомжом и Пермаковой. Точно также, несколько месяцев назад, пьяный мужчина управлял головой Кати, а после чего погиб. Справедливо ли, остаться стоять в стороне, дабы не наступить в эту грязь ещё раз? Определенно — нет. Аля этого не заслуживает.

Мне хватило несколько секунд, чтобы выйти из транса. Подбежав к вожатой, я со всей силой оттолкнула её. Рина оторвалась от Али, влетела спиной в стену и медленно сползла на пол.

— Прекрати! Она ни в чем не виновата! — закричала я. — Если хочешь расправы, то разбирайся со мной!

Рина медленно подняла на меня глаза, в которых горел пожар. Казалось, она сейчас

испепелит меня.

— Это залёт, Филатова, — откашлялась она. — Огромный, тупорылый залёт.

На пол покапали слезы Али. Уверена, она уже тысячу раз пожалела, что ввязалась в эту авантюру.

— Я готова, — сказала я, выпрямив спину. — Я понесу любое наказание.

Губы вожатой скривились улыбке.

— Ещё как понесёшь, — усмехнулась Рина.

Она приподнялась и стала отряхивать свою форму.

— Кручик, — обратилась она к Але, — за мной. А с этой дурой, я разберусь позже.

Аля взглянула на меня испуганными глазами, сглотнула и пошла за Риной. Я ее понимаю, выбора особо не было.

Перед тем, как удалиться, вожатая угрожающе процедила:

— Я рада, что ты толкнула меня. Теперь, от тебя мокрого места не останется.

Дверь захлопнулась.

Мне хотелось разреветься, но я сдержалась. Я медленно разжала кулаки, чувствуя, как больно ногти впились в ладони. Все было как во сне. Никогда ты не подумала, что решусь на такое.

Да, теперь мне было страшно, но я не жалела. Не жалела, что надавала этой стерве. Она заслужила это, но что теперь за это будет мне, оставалось только догадываться.

Даже если меня приговорят на две недели карцера, я готова. Есть шанс, что хотя бы там меня накормят. Наверное.

Оставалось узнать, что будет с Алей. Надеюсь, ничего плохого. Действительно, ведь только одна из нас виновата, и я конкретно дала понять, что наказать надо только меня. Не сомневаюсь, для долбанной порки, Рина выберет мою кандидатуру.

Ещё несколько часов, мне придётся просидеть в своей комнате в ожидании собственной казни. И, когда я говорю «казнь», я ни капли не преувеличиваю.

***

Как в каком-то фильме ужасов, погода становилась все мрачнее и мрачнее.

Все два сектора, включая вожатых и Германа Сико, стоят в складском помещении, находившимся на территории лагеря. По стенам развешаны странные плакаты, с фразами, пропагандирующие сектантские наклонности, деревянные кресты, и сено, рассыпанное по всему сараю. Ребята перешептываются между собой, толкают друг друга, и напоминают собой стадо неповоротливых баранов. Отсюда, мне видно их всех.

Гоша и Рина не скрывают своих улыбок, они знают, что сейчас будут зрелищное представление. Одному Богу известно, сколько злости помещается в их сердцах.

Пробегаюсь глазами по помещению — ищу Алю. Ее нет.

Но вижу всех остальных. Мне хорошо видно.

Я смотрю на Волкову — она качает головой. Она считает меня тупицей.

Вижу Котовых — среди толпы их лица кажутся бездушными, бесчувственными. Безэмоциональными.

Темная глава, то бишь Сико, охотно потирает руки, в предвкушении своих действий.

А я... А что я? Как молодой солдат, попавший в плен безжалостным террористам, сию привязанная веревкой к стулу, и не верю, что это все происходит наяву. Происходит со мной. Мои губы дрожат, а сердце выбивает чечетку. Они выдернули меня из комнаты, как цыпленка, приготовленного на рубку.

Глупо было надеяться, что я отделюсь карцером. Только не тут. Не в колонии. Их извращенные умы придумали для меня более унижительное наказание. И кто-то скажет, что такого уже не бывает. Те жестокие времена прошли. Ха, как бы ни так. Вы скажите это обезумевшим людям, имеющих в подчинении несколько десятков подростков, и у которых развязаны руки на грязные дела. Им позволено все, потому что это их территория. Именно по этой причине, мои руки прижаты к телу толстой веревкой. Именно поэтому, они устраивают свой людской суд, лишенный логики и справедливости.

— Тишина, — подняв руки, вежливо попросил Сико. — Сегодня, мы собрались на этом уроке психотерапии, чтобы исключить сразу два человеческих порока: воровство и агрессия. А виновник сего торжества, наша, уже всеми полюбившаяся, Сонечка Филатова, — директор повернулся ко мне и наградил хищной улыбкой.

Мои глаза сузились, а глупые марионетки поддержали его речь аплодисментами.

— Сегодня, Соня, повела себя более чем омерзительно! — продолжал Герман, медленно шагая вокруг меня. — Она подтолкнула свою подругу на неверный путь, попросив ее прибегнуть к воровству. Соня решила, что она не хочет питаться наравне со всеми и захотела большего. А это, дорогие мои, называется чревоугодием.

Часть ребят завопила осуждающими стонами.

— Но это неправда! — сказала я, дергаясь на стуле. — Я не ела больше двух дней...

— Молчать, — перебил Сико, подставив свой морщинистый палец к губам. — Помимо этого, она посмела избить вожатую. Без весомой на то причины.

Снова эти злые стоны.

— Это все ложь! — не выдержала я. — Я лишь помогла подруге....

— Молчать! — теперь, его голос прозвучал, как гром в ясном небе. — Благодаря тебе, Аля угодила в карцер на три дня. Это тоже будет для нее уроком. Но знай, это только твоя вина.

Я задыхнулась. Что он несет? Все было не так. Зачем они трогали Алю? Люди, остановитесь! Мои глаза бегали по сараю, в надежде увидеть сочувствующий взгляд, но все четко. Словно под гипнозом, все слушали Германа, а тот продолжал:

— Я не любитель прибегать к жестким мерам, но этот случай — абсурдный! Если бы я видел, хоть каплю раскаяния в глазах Сони, то я бы простил ее. Может, я стар и слеп. Так подскажите мне, друзья мои, кается ли эта грешница?

— Нет! — хором закричали дельфинята. — Мы ничего не видим!

Предатели. Герман породил таких же монстров, как и он сам.

Директор подошел ко мне, слегка наклонился, и положил руку на макушку. От его прикосновения, горлу подступил тошнотворный комок. Моя голова дернулась, противясь ему.

— Ты не виновата, дитя, — сказал он, словно переживающий отец. — Это все Демон внутри тебя.

Мне было страшно. Я боялась его до смерти. И того, что может сейчас произойти.

Я подняла глаза на Германа, ища в них крошку здравого смысла.

— Пожалуйста, — тихо взмолилась я, но он проигнорировал. Нарочно.

— Мы должны изгнать Демона, чтобы он покинул это юное тело! Вы только посмотрите, как эта нечисть, изуродовала бедняжку! — со смехом сказал он и его поддержала публика. Самым громким единомышленником была Рина. Еще бы. — Оно пожирает ее изнутри! Нам надо избавиться от этой твари!

Зуб даю, произносятся эти слова, он говорил не о Демоне.

Господи, что этот безумец имеет виду? Что значит: избавиться?

— Кто начнет первым? — спросил Сико, обращаясь к толпе. — Может быть ты, Глеб?

Друг неохотно поднял голову, и дельфинята вытолкали его из толпы. Теперь, он стоял передо мной, а его глаза растерянно бегали.

— Скажи мне, Глеб, — он опустил свою руку ему на плечо. — Разве Аля заслужила, это наказание? Разве это было по-дружески, когда Соня заставила ее воровать?

Глеб молчал, и мне была заметна его дрожь. В этой вибрации, я ему ничуть не уступала.

— Тебе не жалко свою подругу Алю? — давил на него Сико. — Ты согласен, что в Соне сидит сам Дьявол?

Глеб начал судорожно трясти подбородком. Герман вселял в него ужас. Видимо, пытки над ним были настолько жестоки, что они поломали парня вдоль и поперек.

— Так помоги ей изгнать черноту из души! Помоги обрести истинное лицо! Давай!

Животная публика поддерживала его криками.

А я так и не могла понять, что сейчас произойдет. Ясно было одно, что-то ужасное. Я слабо вертела головой, умоляя Глеба не поступать со мной так. Он видел это. Ему было страшно, так же как и мне. Но, он сдался.

Моя щека покраснела, потому что в нее прилетела пощечина. Я опешила.

— Разве так изгоняют Демона? — возмутился Сико. — Так, ты даже таракана не напугаешь.

Боже. Что он творит?

— Глеб, остановись, — пропищала я. — Прощу тебя.

— Не слушай голос Дьявола! — влез Герман. — Действуй!

Крики в помещении, рвали мои перепонки на части.

Следующий удар, был сильнее. Кожу на лице начало щипать, а на глаза подступили слезы. Я закрыла веки и закусил губу, сдерживая истерический порыв.

Я была беспомощна. Я была жалкой. Будь сейчас в моей руку револьвер, я бы с радостью пустила пулю себе в висок и остановила весь этот цирк уродов.

— Хватит с тебя, — похлопал Герман его по плечу, и Глеб с опущенной головой, скрылся в толпе. — Кто еще хочет попробовать?

Я сжала пальцы на ногах, догадавшись, что это только начало.

— Ты хочешь? — Герман заметил, как Тихон поднял руку. — Не разочаруй меня, мальчик мой.

Нет. Нет. Только не он.

— Прекратите, — прохрипела я. — Хватит.

Я хочу потерять сознание. Я хочу потерять сознание, и больше никогда не просыпаться. Даже отец, никогда не позволял поднимать на меня руку. Даже он!

Тихон игриво подошел ко мне, и, положив руки на пояс, встал в надменную позу.

— Посмотрим, получится ли у тебя изгнать Дьявола?

Уголки губ Тихона вздрогнули.

— Ну, прости, детка, — от его удара мой стул пошатнулся, голову отвернуло в сторону, а из носа вытекла горячая струя.

Я не чувствовала боли. Казалось, я не чувствовала ничего в этот момент. Только гнев.

— Неплохо, — похвалил его Герман. — Но, этого все равно недостаточно. Кто, все же сможет справиться с грязью внутри нее? У кого хватит сил, выбить из нее все уродство?

Моя голова была опущена вниз, а перед глазами стояла уже привычная пелена. Кровь капала на колени, впитываясь в серую ткань. Мне было все равно, кто будет следующим, я уже заочно его ненавидела.

— Давай, разберись с ней! Давай! — голоса перемешались. — Избавь ее от Демона!

Я почувствовала чье-то присутствие рядом с собой и подняла голову. Все крики ушли на второй план, и мне стало по-настоящему противно. Надо мной навис Марат, с каменным лицом, он сжимал кулак в предвкушении удара.

В этот момент, мои глаза сдались, и слезы, вперемешку с кровью полились на робу.

Мне не было больно, когда Марат показал всем, как надо профессионально изгонять нечисть. Мне было мерзко. Я слышала, как начала гудеть публика, восхищаясь столь сильному удару, и тогда, я возненавидела Котова. Возненавидела весь этот дельфинарий. Мне не было больно, но мир вокруг вертелся адской каруселью. В ушах заложило, а кончик языка занемел.

— Пожалуй, достаточно, — спокойным тоном произнес Сико. — Эта душа чиста. Всем вернуться в расположение. А вы, — он обратился к Тихону и Марату, — отведите ее в лазарет.

Толпа начала расходиться. Девушки, включая Майю, сочувственно прощались со мной взглядом. Кто-то из парней хихикал, кто-то испуганно выходил из помещения. Первым из сарая выбежал Глеб, распихивая всех, кто был впереди.

С двух сторон ко мне подошли Котовы, и начали развязывать веревку.

— Уберите свои руки! — зарычала я. — Не прикасайтесь ко мне!

Игнорируя мои рыдания, они подхватили меня за плечи и повели в лазарет.

— Не трогайте меня! — захлебывалась я, тормозя пятками о землю. — Пошли вон от меня!

— Да заткнись ты, дуреха, — буркнул Марат. — Еще спасибо скажешь.

Или я находилась в шоковом состоянии, или они были не в себе. Как они смеют, после этого прикасаться ко мне?

Что есть силы, я начала брыкаться, но они были сильнее.

— Я ненавижу вас! — мои руки обмякли. — Ненавижу!

— Это понятно, — сказал Тихон, оглядываясь по сторонам. — Просто дойди до больнички и все. Тетя доктор подует на ваву, и все пройдет.

Он говорил это так, будто я только что содрала коленки, катаясь на велосипеде.

Мне оставалось только повиноваться, потому что сил спорить не просто не было. Мне хотелось отрубить свои руки, где только что, держали меня Котовы. Вот, в ком сидят истинные Демоны.

Затолкнув меня в лазарет, они поспешили покинуть меня, но я догнала их кулаками в спину.

— Твари! Ублюдки! Ненавижу!

Марат схватил меня за плечи и оттолкнул в сторону.

— Включи мозги, — рявкнул он. — Если бы не мы, сколько еще желающих могло попробовать ударить тебя? — серьезно спросил он. Но, я не понимала, к чему он клонит.

— Да, подумай над этим, — кинул Тихон, и они закрыли дверь.

Я стояла обескураженная, переваривая информацию. Они это серьезно? Они хотят сказать, что сделали мне одолжение? Они в своем уме? Поступили подло, а теперь прикрываются, якобы добрым делом? Ложь! Не верю!

Я упала на ближайшую койку, уткнувшись лицом в подушку. В лазарете было темно, но удивительно спокойно. Никто не собирался оказывать врачебную помощь, но она и не была мне нужна. Я хотела побыть одной.

Наконец-то, я позволила дать волю эмоциям. Слегка приглушив крик пледом, я высвобождала из себя Демона, который был готов взорвать все это место.

Моя шкала Ада застопорилась на отметке 10. Бинго! Это рекорд!

Я думала о Глебе — он трус и подлец.

Я думала об Але, но сейчас мне было себя жальче.

Я думала о Котовых и проклинала их.

Я думала о таблетках. В медпункте их много. Еще немного и у меня будет достаточная доза. И тогда появиться шанс, но торопиться не стоит. Нужно все хорошенько продумать. Может, сделать себе подарок на День Рождение? Это будет настоящий праздник, если у меня получится выбраться отсюда. Если я попаду в город, у меня появиться шанс прекратить все это безумия. День Рождение, он через несколько месяцев. Осталось потерпеть совсем чуть-чуть.

День Рождение...

И тут, мои глаза распахнулись.

Когда будет мое День Рождение, мне исполнится шестнадцать. Я стану старше, правильно? А значит, я могу стать дельфиненком сектора В.

Боже. Нет. Нет. Нет.

Тогда, я точно не жилец. Я не позволю этому случиться. Ни за что!

У меня будет только один шанс. Мне срочно нужны эти таблетки.

Глава#10. Новичок

На следующее утро, я проснулась от легких прикосновений маленьких пальчиков. Это было настолько неожиданно, что я не сразу поняла, где нахожусь. Открыв глаза, я увидела Еву, балующуюся моими волосами.

— Привет, — улыбнулась я, старательно игнорируя головную боль.

— Ты так долго спала, что я подумала, что ты превратилась в спящую красавицу, — игриво болтала Ева. — Но, у меня получилось тебя разбудить.

Я аккуратно погладила её по голове, стараясь не задеть заплетенный колосок и устало вздохнула.

— Сомневаюсь, что меня можно было спутать с принцессой, — я приложила руку ко лбу, чувствуя, как мозги пульсируют болью. — Я скорее, предпочту остаться осликом Иа.

Ева приложила свою маленькую ладошку губам и похихикала в неё.

— А если бы ты, все-таки не проснулась, тогда мне пришлось бы найти принца, чтобы он разбудил тебя поцелуем, — заговорщически лепетала малышка.

— Ох, нет. Это точно лишнее.

Во время нашего диалога, я заметила, что в медпункте мы одни. Значит, за всю ночь, врач ко мне так и не подошёл. Теперь понятно, почему голова ломиться на две части.

— Что ты тут делаешь? — спросила я Еву. — Разве тебе можно тут находиться?

— Я принесла тебе завтрак, — девочка взяла с прикроватной тумбочки стакан молока и половинку пряника. — Я увидела, как тебе вчера стало плохо, и решила поделиться с тобой.

Очень жаль, что ребенку пришлось это лицезреть. Герман даже не пытается оградить девочку от всего этого ужаса. Остается только надеяться, что Ева не понимает всей сути происходящего.

— Спасибо, — сказала я, принимая завтрак из её ручек. — Ты самая добрая девочка на свете.

Мой живот громко и благодарственно заурчал.

Только вот, — она замешкалась, — я так долго ждала, пока ты проснёшься, что от скуки съела половину пряника. Надеюсь, ты не обидишься?

Ева оправдательно похлопала своими жемчужными глазками.

— Конечно, не обижусь, — я покачала головой. — Мне очень приятно. Спасибо, за завтрак.

Я откусила вкусный пряник, таких нам в столовой не давали, и сделала несколько глотков холодного молока.

— Почему, ты больше не играешь со мной? — с грустью спросила Ева. — Ты больше не хочешь со мной дружить? Это из-за того, что я назвала тебя плохой принцессой?

Да, именно из-за этого, Герман запретил нам видеться. Но в этом не было вины Евы, по большому счету оплошность висела на мне.

— Нет, что ты? — возмутилась я. — Я хочу с тобой дружить, просто... Просто давай, я попробую поговорить с твоим папой. Вдруг, он снова разрешит нам видеться?

Мне мало в это верилось, но хотела попробовать. Когда я занималась с Евой, Герман старался меня не трогать, а еще раз попасться в его сети, я совершенно не горю желанием.

— Ура! — малышка запрыгала возле кровати и захлопала в ладоши. — Скоро мы сможем играть как раньше! Ура!

Нашу идиллию нарушила девушка, вошедшая в лазарет. У неё были каштановые, средней длины волосы, заколотые на затылке. Девушка была молода и одета так же, как и наши вожатые, только ниже плеча красовалась ярко-красная повязка — она была врачом.

— Ева, тебе нельзя здесь находиться, — спокойно сказала она. — Беги домой, а Соне нужен покой. Она болеет.

Девочка обиженно опустила голову и вышла на улицу. От сквозняка, мне раздуло волосы — погода продолжала бушевать. В помещение было темно и вся обстановка походила на фильм ужасов.

Врач удалилась в свой маленький кабинет, а через минуту вернулась с тонометром и флакончиком микстуры.

Девушка аккуратно села на край кровати и попросила меня приподняться.

— Меня зовут, Лилия, — представилась она, устанавливая на моей руке, прибор для измерения давления. — Можешь, звать меня Лиля. Я сказала, что у тебя сотрясение, но это не так. Твои показатели уже ночью пришли в норму.

Я немного проморгалась, недоумеая от её слов. Значит, она все-таки умудрилась осмотреть меня.

— Давление в норме, — убедилась она, взглянув на показатели. — Зрачки не расширены. Каких-либо отклонений в реакции нет. Значит, ты практически здорова. У тебя ведь ничего не болит?

Я замотала головой. Я обманывала её. Мне казалось, что в голову воткнули четырехметровый штырь и выделывают на нем акробатические трюки.

— А это ещё что? — спросила она, заметив посиневший от холода шрам на ключице.

— Травма детства, — ответила я, застегивая робу на верхнюю пуговицу. — Это было очень давно.

Мне было странно все это. Девушка действительно переживала за моё здоровье или же просто отлично играла свою роль. Её серьезный вид непоколебимой женщины, с натяжкой, но все же внушал доверие.

От неё не веяло опасностью, которой просто фанило от других взрослых. Пока она что-то записывала в тетради, я пробежалась глазами по помещению.

Таблетки. Мне нужно достать таблетки.

Так зачем, вы сказали, что у меня сотрясение? — с недоверием поинтересовалась я. — Если со мной все в порядке, я могу идти?

Девушка посмотрела на меня, как на редкостную тупицу.

— А тебе это надо?

— Что именно? Я не понимаю вас.

— Зачем идти на холод, когда можно отлежаться денёк здесь? — она нахмурила брови. — Но, если ты хочешь чистить картошку, то вперед. Уговаривать тебя я не буду...

— Нет! — испугавшись, вставила я. — Я лучше останусь здесь.

— Вот и славно, — она еле заметно улыбнулась, а потом взяла в руки бутылёк с микстурой. — Будешь пить это, по чайной ложке, каждые два часа. Мне придётся тебя оставить на какое-то время, в карцере, у одной девочки температура не спадает, и лучше я побуду с ней.

— Аля? — задрожала я. — Это моя подруга! Что с ней?

— С ней все будет хорошо. Обещаю. А тебе советую лежащий режим. Хотя бы притворись немного, что болеешь. Так, будет лучше для нас обеих.

Я уже практически её не слышала. Неужели, Алё поместили в карцер? Теперь, я даже не знала, кто из нас получил более суровое наказание, ведь я даже не представляю, что значит находиться в этом подвале. А простудиться в этом месте, не всегда значит, что ты сможешь поправиться и Миша тому доказательство.

— Это я во всем виновата, — со слезами на глазах, прошептала я. — Помогите ей, пожалуйста.

Девушка опечалено вздохнула и потёрла пальцами переносицу.

— Она поправиться, — врачиха поднялась с кровати и начала собирать тонометр. — Честно, все будет хорошо.

Она уже собралась выйти за дверь, как я её остановила:

— Лиля? — позвала я врача.

Она остановилась и посмотрела на меня.

— Спасибо вам, — поблагодарила я. — Просто очень непривычно видеть здесь равнодушных людей.

Лилия опустила глаза, как будто я только что обвинила её в чём-то.

— Я скоро вернусь. Можешь зажечь свечи, на улице темно, а свет отключили из-за непогоды. В моем кабинете есть спички и пару свечек, — с этими словами, она вышла из лазарета.

А я, упала головой на подушку. И сразу же пожалела об этом — неприятная боль пронзила затылок и напомнила мне о вчерашнем дне. Напомнила об унижениях, через которые мне пришлось пройти. Герман — долбаный псих, это очевидно, но Марат...

Ещё бы немного и он сломал мне челюсть. Как только у него хватило совести, сказать, что это была попытка помочь мне? Он поступил подло и все, что он говорит, теперь, не имеет никакого значения. Для меня этого человека просто не существует. Я ненавижу его. И вообще, я больше не хочу о нем думать. Он даже этого не достоин.

У моей подруги большие проблемы со здоровьем. Я переживаю за неё. Надеюсь, её отправят в город или же все пройдет само по себе. Очень хорошо, что за ней присматривает Лилия, от этого становилось немного легче.

Дождь бил по окнам, нарушая тишину в помещении. Я прошла в кабинет Лилии, чтобы взять свечу, и не только.

Таблетки. Они были закрыты в железном ящике, и возможности добраться до них без ключа не представлялось возможности.

Скорее всего, Лилия носит ключи при себе, а значит, нужно искать другой способ, чтобы заполучить их.

Посмотрев в окно, я увидела лишь серый двор и качающиеся от ветра кусты. Дельфинята прибывали в расположении или чистили картошку в сарае. Может, это было даже к лучшему, после вчерашнего, я не хотела видеть ни одного из них. Предатели — только так, я сейчас могу о них думать.

Поставив свечу возле кровати, я попробовала забыться и немного вздремнуть, но не вышло. В комнату зашли.

— Зачем ругаешься, Лидия? — возмущался парень, в повседневной одежде. — Я просто не смог устоять.

— Ты схватил меня за зад! — следом зашла Лилия, толкнув парня в плечо. — И не называй меня Лидией!

Он почесал затылок и неправдоподобно задумался.

— Лидия. У меня так подружку звали, — со смешком говорил он. — Сладкая была девочка. Красотка. Жалко, скончалась от передозировки, — парень заметил меня и незаметно подмигнул.

— Заткнись и иди на перевязку, — злилась врач, готовя бинты и ватку со спиртом.

— Я же сказал, что у меня ничего не болит. Лидия, не стоит так беспокоиться.

Я слышала, как изнемогающе прорычала Лиля и меня это позабавило. По-моему, он хорошенько поизмываться над врачом.

— Знаешь, у меня нет времени возиться с тобой! Если хочешь ходить с дыркой в кишках, то, пожалуйста! Во всем, мне вас уговаривать надо!

Парень помотал пальцем в воздухе.

— Не злись, Лидок, — сказал он. — Тебе не идёт. Если хочешь, чтобы я снял футболку, просто попроси, — его губы скривились в ехидной улыбке.

Я видела, как от гнева, глаза Лили налились кровавой краской.

— Господи, — выдохнула она. — За что мне все это? Лучше бы, я работала в поликлинике, занимаясь вонючими пенсионерами, чем такими идиотами как ты!

Парень усмехнулся и послушно оголил торс, а я непроизвольно отвела взгляд.

— Будь со мной нежной, — сказал парень, демонстративно шатаясь на пятках. — Никогда не делай мне больно. Слышишь, никогда.

Лилия ударила его по лбу бинтом.

— Ты можешь замолчать или нет?

— Или нет.

— Тяжело тебе тут будет, — Лилия покачала головой, обматывая его талию бинтом. — Скоро ты перестанешь быть таким говорливым.

Я успела заметить глубокую ранку на его животе, из которой сочилась кровь. Мне стало понятно сразу, он — новенький. Парень не был одет в робу, на нем была белая футболка и голубые джинсы, а приподнятое его настроение, говорило о том, что он ещё не в курсе куда попал. Что ж, его очень ждёт неприятное разочарование.

Я уже и забыла, как выглядят обычные люди. Забыла, когда видела глаза, ещё не почерневшие от страха и злобы.

Кстати, глаза у него были зеленые. Волосы темно-каштановые, практически чёрные, густая шевелюра, немного спадала на глаза. Парень был высокий и спортивного телосложения. А ещё, когда он улыбался, то на скулах появлялись ямочки.

— Ну, вот и все, засранец, — Лилия завязала узел. — Теперь ложись, и чтобы без выходов.

— Есть, товарищ Лидия, — парень отдал честь и плюхнулся на шконку, стоящую слева от меня.

Во время их беседы, я чувствовала себя неодушевленным предметом, которого в упор никто не замечал.

— Прости, — наконец-то посмотрела на меня врач. — Потерпи его немного, надеюсь, ты справишься. Я постараюсь скоро вернуться.

Я еле заметно кивнула подбородком. На самом деле, я была рада, что буду торчать здесь не в одиночестве. Но, немного побаивалась столь ироничного характера соседа.

Лилия ушла.

— Меня, Савва звать, — улёгся он на бок, развернувшись ко мне лицом.

Я наморщила лоб.

— Савва? Что за имя такое странное?

— Мой папа чистокровный еврей и по совместительству редкостный болван, — устало сказал он, как будто это должно мне о чем-то говорить. — А тебя как зовут?

— Зачем тебе знать его? — усмехнулась я. — Ты все равно не запомнишь и то, как беситься Лиля, тому доказательство.

— А ты попробуй, — улыбнулся он. — Ты не можешь утверждать это, пока не убедишься полностью. А убедишься ты только тогда, когда скажешь мне то, что я прошу. Ну, а когда я узнаю то, что ты мне скажешь, тогда ты поймёшь, как была неправа.

— Сам понял, что сказал? — посмеялась я. — Соня. Меня зовут, Соня.

— Тоня... — протянул он. — Отличное имя. У меня подругу так звали, только вот...

— Эй! — вставила я. — Ты это специально, да?

Он задрал голову и рассмеялся. Мне было непривычно смеяться с кем-то. Здесь. Я уже и забыла, когда могла хохотать от души.

Парень взбил худую подушку и как ленивый кот вытянулся вдоль кровати.

— Да, шучу я, — Савва начал с интересом рассматривать потолок. — Соня, это как золотая ручка? Малышка взяла чужое, раз оказалась в этом месте?

Теперь, я отвернула голову к потолку.

— Не совсем, — сказала я. — Боюсь, я из того фильма, где Сонька убивает мужика. Случайно, но все же убивает.

Савва откашлялся.

— Да ты опасная штучка, — иронично заметил он. — С тобой надо быть поаккуратнее, а то хватит мне одной дырки в брюхе.

— А ты, что натворил? Доконал народ своей забывчивостью имён?

— Носки украл, — невозмутимо ответил Савва. Звучало как бред, но, по-моему, он это серьёзно.

— Брешишь, — фыркнула я. — За такое не сажают. И точно, сюда не отправляют.

— Так все говорят, — пожал он плечами. — Но я вру только в особенных случаях.

— А сейчас случай особенный?

— Не думаю.

Я приподнялась и обвила свои колени руками.

— С какого ты сектора?

— Сектора? Мне не уточняли, но я определенно попаду к красавчикам.

Я закатила глаза.

— Это не так работает. Нас распределяют по возрасту. Подростки от 14 до 15 — сектор А. Сектор В., это те, кто старше.

Теперь подскочил Савва.

— А ты, в каком секторе?

— Мне пятнадцать, — сказала я. — Это сектор А.

— И ты симпотная. Значит, я в твоём секторе. Теперь, благодаря нам, этот сектор станет самым привлекательным.

Этот парень явно не понимал, что секторы — это не подразделения кружков талантов, а часть несчастливого коллектива.

— Ты странный, — заметила я.

— Я знаю.

Знакомьтесь. Дельфинёнок #6.

Ф.И.О.: Малкин Савелий Авдеевич.

Дата рождения: 19. 07. 1998 г.

Приговор: исправительные работы, в воспитательной колонии «Дельфин».

Срок заключения: 2 месяца.

Статья: 158 УК РФ (Кража).

Дело: Украл носки.

— От чего лечишься? — спросил Савва, ища глазами на мне следы болезни. — Ты не похожа на раненого солдата.

— Головой ударилась, — неправдоподобно соврала я. — Не заметила дверной косяк.

— Надо быть аккуратнее, Соня, — посмеивался он.

Именно сейчас, я не хотела разочаровывать его, рассказами об этом лагерь. Я уверена, он ещё успеет самостоятельно во всем убедиться.

— Так ты расскажешь мне, что натворил на самом деле? — перевела я тему. — Хуже того, что совершила я, все равно не бывает. Так что, не стесняйся. Выкладывай.

— Я же сказал: украл носки.

— И ты думаешь, что я поверю в это? — оскорбилась я.

Савва вытянул руку указательным пальцем вперед и стал дирижировать им в воздухе.

— Никогда не говори, что — правда, а что — нет, когда сама не уверена в этом. И если, ты все — таки решила сделать заключительный вывод, то...

Моя рука ударила себя по лбу.

— Хватит, — перебила его я. — Я все поняла. Расскажи, как это было.

Савва спустил ноги с кровати и, вытянув руки, неохотно размял спину.

— В общем, дело было так. Пришёл я в свой любимый магазин одежды, купить себе носки. Мне так были нужны именно они, такие белые, мягкие, с двумя красными полосками... Ну, ты понимаешь меня?

— Не совсем.

— Не суть, — он махнул на меня рукой. — Моих носков не было! Мерзкая и жадная продавщица сказала, что их раскупили! — его лицо стало максимально самодовольным. — Но Савва не так прост и наивен. Я заметил эти носки в её сумке. Я узнал свои родные, по маленькому кусочку ткани, торчащему из чемодана этой лживой женщины. Я попросил её объяснить мне этот факт, и та, заявила, что отложила их для старшего сына. Для своего сына, понимаешь? Мои, мать его, любимые носки!

Я еле сдерживала свои плечи, чтобы они не тряслись от смеха. А Савва продолжал, с полной серьёзностью и обидой в голосе:

— Я забрал эти носки, объяснив женщине, что они мне нужнее. А когда напялил их, продемонстрировал, как офигенно они на мне сидят. Показал, как красиво выделяется щиколотка и подчеркивается стопа. Ох, и крика было, — Савва приложил руку к щеке и покачал головой. — Ты представляешь, она как обезумевшая начала носиться за мной по магазину. Когда она рвала свою глотку, я даже попытался засунуть один носок ей в рот, но не вышло. Глупая идиотка, из-за неё я испачкал свои обновки. Они вообще полы там не моют! Короче, она вызвала охрану. Ой, чешешься, — он поерзал пяткой по полу, а я закусил губу, в предвкушении эпичного рассказа.

Он так смешно говорил об этом и напоминал собой огорченного ребёнка. Разобравшись с зудом на пятке, Савва продолжил:

— Мне пришлось кричать о помощи, когда большая тетка и здоровый охранник гоняли

меня по бутику одежды. Возле дверей в магазин собралась огромная толпа. Я понял, что путей отступления нет, и исполнил эпилептический припадок. Идиоты, сразу же купились, — цинично посмеялся он. — Пока они набирали в скорую помощь, я смог вырваться и убежать. Сквозь толпу, босиком, как человек-скорость, я метнулся к выходу. Там меня ждало ещё пятеро таких же, охранников с дубинками.

— Ты в одном носке побежал? — хихикнула я.

— Ничего смешного. Я пожертвовал своими кроссовками во имя справедливости. Ведь покупатель всегда прав, верно?

Я кивнула в знак согласия.

— Кучка громил оккупировала все выходы, но, я — Савва, и всегда найду выход из ситуации. Вытащив бабульку из отдела овощей, я придушил её за шею, и пригрозил всем присутствующим, что если мне не дадут уйти, то ей конец, — его глаза горели и жаждали моего восхищения.

— Уверенна, ты гордишься собой, — сказала я.

— Ещё как, — его улыбка стала лукавой. — Но бабка оказалось не такой уж и простой! Старая карга, решила, что я это все всерьёз и пырнула меня в бок отверткой. Вот скажи мне, зачем бабка носит с собой отвертку?

Я пожалала плечами. Для меня это тоже было загадкой.

— Я был ранен. Их было больше. Мне пришлось выхватить отвертку из старых рук, и обороняться до последнего. Круг сужался, а я был готов принять бой. Но, — он поднял палец вверх, — я забыл про врага за спиной. Надо было обезвредить её первой. Бабка врезала мне сумкой по макушке, и я отключился. С тех пор, я ненавижу этих трухлявых женщин. Они только прикидываются воздушными одуванчиками, на самом деле, у этих леди стальные яйца.

Савва выдохнул, закончив свой рассказ, и тогда я залилась смехом.

— Боже, в жизни не слышала ничего дебильней, — я схватилась за живот.

— Ты ещё не знаешь, как я в парикмахерскую ходил. Та еще история.

— И не хочу знать, — не успокаивалась я.

Я даже не могла предположить, что у меня получится на время расслабиться. Этот парень был тем лучиком солнца, которым я так давно бредила. Мы валялись, болтали, и я пожалела, что не получила вчера перелом, чтобы оставаться в лазарете на неделю, а то и больше. Seriously, это стоило того. За время нашего разговора, я совсем забыла про таблетки. Но только на время.

— Ты умеешь вскрывать замки? — поинтересовалась я. — Или делать какие-нибудь отмычки?

— Я что, похож на вора? — обиделся он.

— Ты и есть вор, — напомнила я. — Seriously, умеешь?

Савва на немного задумался.

— Можно попробовать. Где сам объект?

Я показала ему железный контейнер, в котором лежали транквилизаторы, но не объяснила, зачем мне это.

— Пустяки, — сказал он, посмотрев на дно контейнера. — У тебя есть зубная щётка? Или что-нибудь из пластика?

Его вопрос озадачил меня.

— Что?

Савва нервно вздохнул.

— Просто принеси мне это и все.

Я послушалась. Зубная щетка была в стаканчике над умывальником, а когда она оказалась в руках Саввы, я просто опешила. Парень, расплавил конец щетки на огне от свечи, и расплавленной стороной впечатал в болтики на дне коробке. Выждав, когда пластмасса застынет, тот соорудил отличную отвертку. Ведь, пластмасса приняла форму рубцов болта. Открутив четыре болтика, дно контейнера было профессионально взломано.

— Ты или гений, или псих, — восхитилась я, глядя на открытую коробку.

— А ларчик проще открывался, — хвастался Савва, тряся коробочкой в воздухе. — А что там?

Я неуверенно прочистила горло.

— Мои витамины. Мне надо принимать их, но свою упаковку я потеряла. Другие мне не выдадут, а они мне так нужны.

Савва недоверчиво сузил глаза.

— Ты наркоманка? — спросил он, отстранившись от меня.

— И так меня тоже называют, — я поджала губы в натянутой улыбке. — Весь сектор В., зовут меня наркоманкой. Я сильно не расстроюсь, если ты тоже будешь из их числа.

Парень отдал мне контейнер. Я взяла одну упаковку таблеток и засунула их в карман рубы. Савва закрутил болты обратно. Дело было сделано. Идеально.

Неожиданно, за дверь послышался голос Лили.

— Вот, черт! — сказала я, выбегая из ее кабинета и потянув за собой Савву. Мы быстро уволились на кровати, сделав непринужденные лица, а упаковка с таблетками выпала из кармана и слегка закатилась под кровать. Я не успела сориентироваться и побоялась лезть за ними.

В помещение зашла взбудораженная Лиля.

— У вас все хорошо? — взглянула она на нас, раскладывая чемодан с лекарствами на стол.

— Да, Лидок, все в норме, — Савва убрал руки за голову.

Но Лиле уже были неинтересны его подколки.

— Твоей подруге стало лучше, — сказала она, обращаясь ко мне.

— Это здорово, — выдохнула я, поглядывая на пол. Я боялась, что она увидит незаконно взятую упаковку лекарств.

Лиля прошла в свой кабинет. Мы с Саввой переглянулись. Мне было стыдно, что я своровала лекарства, я не хотела подставлять Лилию. Но, а в то же время, оправдывала себя в душе, ведь вчера я понесла наказание за воровство, которое не совершала. Теперь, все по-честному. Есть наказание, есть преступление.

— Где упаковка транквилизаторов? — крикнула врач, и я вздрогнула.

Вот черт! Черт! Черт!

Разъярённая Лиля вбежала к нам.

— Если вы взяли их, то лучше верните сейчас и никто об этом не узнает, — она старательно держала себя в руках.

— Мы не брали, — тихо сказала я.

— Уверяю, мне придётся вас обыскать и тогда...

— Стой, не гони лошадей, — встрял Савва. — Мы ничего не брали. Пока тебя не было, мы наблюдали за жутким отравлением. Парня ужасно выворачивало нам под окно. Мерзкое

зрелище.

Я не знала, как у него это получалось, но его способность пудрить людям мозги была уникальной.

— Это правда? — спросила Лиля меня. — Соня, он говорит правду?

Первый раз в жизни, мое желание солгать было таким сильным.

— Да, — оживилась я. — Парню из сектора В. явно стало нехорошо. Он чего-то наелся. Или в столовой отравился.

— Может быть таблеток? — коварно предположил Савва.

— Кто он? — у Лили ритмично раздувались ноздри. Она была на грани. Она забеспокоилась.

Я изобразила задумчивое лицо.

— По-моему, его Тихон зовут, — пропела я. — Нет, точно Тихон. Только вряд ли он признается. Трусишка, до смерти бриться иголок, — месья была особо сладкой на вкус.

Лиля взъерошила руками волосы.

— И зачем, я на это подписалась, — пробурчала она и выбежала из лазарета.

Наступила пауза тишины и, убедившись, что она не вернется, я резко полезла пол кровать, а потом начала прятать таблетки. Теперь, я сделала это надежнее.

— Спасибо, — сказала я Савве, залезая обратно на койку. — Это было круто.

— Обращайся, — его уголки рта приподнялись. — Можно будет повторить.

— Почему ты решил обмануть её? Ты ведь никогда не врешь.

Савва посмотрел на меня и слегка наклонил голову.

— Особенный случай, — его глаза хитро сверкнули.

В тот день, абсолютно неожиданно для меня, я обрела веселого друга. Того, который еще целых два месяца, будет крепким плечом для меня. Но, это всего лишь два месяца. Мне оставалось торчать здесь на много дольше.

Глава#11. Холодное блюдо

Когда я проснулась, то заметила, что нахожусь в лазарете совсем одна. Кабинет Лилии был заперт на замок, по понятным теперь причинам, а койка Саввы была аккуратно заправлена, как будто мое знакомство с ним было насыщенным, реалистичным сном.

Умываясь прохладной водой, я раздумывала над дальнейшими своими действиями. Можно ли мне вернуться в расположение или правильнее дождаться Лилю? Последние дни, отчетливо показали мне, что в каждом своем действии нужно быть предельно осторожной. Любое неверное движение, и тебя закидают камнями.

Стоя возле окна лазарета, я принимала на себя лучи утреннего солнца. Погода приятно наладилась, только в душе от этого теплее не становилось. Если в обычной жизни, такое явление считалось положительным фактором, то в этой дыре, меня не радовало буквально ничего. Ни солнце, ни небо, ни воздух.

Хотя, сейчас, я бы не отказалась от сытного завтрака, на который, меня почему-то никто не звал. Я сильно похудела за последнее время и выглядела мягко сказать удручающе. Не здоровый цвет кожи и серые мешки под глазами, сделали из меня пленницу немецких концлагерей. Но, если хорошенько вдуматься, различий между этими местами не так уж мало. Человек способен привыкнуть ко всему, но Адское место, всегда останется Адским.

Нащупав в кармане смятую упаковку таблеток, я взяла её в руки и удовлетворено выдохнула. Ещё немного и у меня будет достаточная доза. Еще немного, и у меня появится шанс на свободу. Когда за дверью послышались громкие шаги, я быстро сориентировалась, записав транквилизаторы глубже в закрома.

В комнату с криками, вбежал Савва, как будто где-то случился пожар.

— Тут есть шампунь? Масло? — спросил запыхавшийся парень, пробегаясь руками по полкам и скидывая с них различные предметы.

— Что? — его вопрос ввёл меня в ступор. Савва очень странный и трудно догадаться, что у этого парня на уме.

— Нашёл! — он схватил флакон с шампунем и, сняв с себя майку, начиная с головы, стал поливать себя мыльной жидкостью.

— Ты что творишь? — изумилась я. — Тебе проблем мало? Решил устроить пенную вечеринку? Прекрати!

Савва вылил на себя все содержимое флакона и стал размазывать шампунь по всему телу. Я никак не могла вникнуть в его чудные действия.

— Это вышло случайно, — бормотал он себе под нос, а потом, достав из кармана железную вилку, встал в оборонительную позу. — Они меня так просто не получают.

Я совершенно не понимала, что происходит с этим чудиком, но когда в лазарет влетела целая делегация в составе Гоши, Рины и Лилии, мне стало ясно одно — дело дрянь.

Испуганная врач закрыла меня собой, как будто мы находились в одной комнате с обезумевшим психопатом. А вожатые замерли на пороге, словно оскалившиеся волки готовые напасть на жертву.

— Ты крупно влип, клоун, — зарычала Рина. — Лучше сдайся по-хорошему, пока твоя ситуация в корни не усугубилась.

Плечи парня выпрямились.

— Пока моя ситуация не усугубилась? Ты шутишь, да? — усмехнулся Савва, сдувая с

носа капли шампуня. — И это из-за бутерброда с колбасой? Ты говоришь так, будто я прикончил твоего дедушку!

— Ты взял наш завтрак! — возмутилась разъярённая Рина. — И вытер свои грязные руки о мои вещи, безмозглая ты свинья!

Савва нахмурил лоб.

— Я думал это тряпка! Легко спутать!

— Ах ты, сопляк! — Рина метнулась к нему, но её рукой притормозил Гоша.

Я стояла как вкопанная, совершенно не понимая, о чем идёт речь. Со стороны все напоминало собой базарную неразбериху. И по трясущимся рукам Лилии, можно было предположить, Савва все больше и больше переходит грань допустимого.

— Я не знал, что вы такие жадины, — продолжал Савва, держа вилку так, словно это самое опасное оружие в мире. — Я проснулся рано. Я был голоден. Кто знал, что самообслуживание нынче считается воровством?

Казалось, что глаза Рины сейчас лопнут от злости. Она была в ярости, но что-то останавливало её разорвать Савву на куски.

— Твой богатенький папочка не поможет тебе! Только не здесь! Это будут самые ненавистные два месяца в твоей жизни! Я тебе это обещаю!

Тут в напряжённую беседу влезла Лиля.

— Савва, прошу тебя, успокойся, — говорила врач, хотя сама была взволнована больше его самого. — Давай попробуем разрешить конфликт цивилизованным способом.

— Лидия, ты слышишь себя? — взъелся Савва. — Я съел, чертов бутерброд! Бутерброд, твою мать! Колбаса и хлеб!

Даже мне её слова показались нереальными. Где — где, а в этом месте, все проблемы решаются совсем иначе и без особой на то причины. Может, врач была не в курсе, в чем я сильно сомневаюсь, но нас могут наказать, даже если мы подышим не тем воздухом, не в том месте.

— Да что вы сюсюкаете с ним! — Гоша отпихнул Рину и кинулся на Савву. — Тебе конец, ублюдок!

Гоша замахнулся на парня, но его кулак соскользнул из-за мыльной кожи и не удержав равновесие, вожатый повалился на пол. Савва резко оседлал бедолагу, схватил рукой за волосы и представил вилку к его горлу.

— Ну, и кто теперь ублюдок? — победоносно язвил Савва, унизительно придавливая вожатого в пол. — И кто теперь, сосунок? А?

Это утро обещало быть жарким. Очень жарким. Если бы не мои переживания о судьбе Саввы, клянусь, уселась за просмотром этого шоу поудобней. Впервые, я увидела в глазах Гоши страх, и это объяснимо. Меня бы тоже затрясло, окажись я в руках Савелия. Кто знает, на что он способен? Он — безумец. Но, я была на его стороне. Я была за Савву.

— Спокойно, — Лиля медленно подняла две руки, стараясь сбавить пыл дельфинёнка. — Ты не хочешь этого...

Савва сильнее вжал вилку в кадык вожатого и тот жалобно заскулил.

— Значит, слушайте меня внимательно, — приказал он, переведя дыхание. — Мне нужны сигареты, пиво, большой и комфортный автобус, и телку с подносом бутербродов! И никакой горчицы! У вас есть полчаса или я вспорю ему глотку!

Ступор, смятение, недоумение, наши лица отображали весь этот спектр эмоций. Никто не понимал: серьёзно он это или нет.

— Я просто съел бутерброд, — серьезно сказал Савва, дыхание которого ещё не восстановилось. — Так что, если вы не хотите, чтобы я насадил этот шашлычок на вилочку, одумайтесь. Я ничего плохого не сделал, так ведь?

Я поймала себя на мысли, что у этого парня все случается не просто так. Его безобидные проступки постоянно перевоплощаются чумовые разборки. Украл носки — вспороли живот. Съел бутерброд — попал на порку. И даже после этого, я не могу назвать его лузером. Он просто уникальный.

— Все правильно, — закивала Лиля. — Отпусти его, и мы тебя не тронем. Пожалуйста отпусти.

Все молчали и ждали его решения. Только иногда, было слышно, как хрипит Гоша, ему было страшно. Надеюсь, что очень страшно.

Теперь, наши с Саввой глаза встретились и парень просветлел. Он подмигнул мне, не скрывая задорной улыбки. Я ответила ему тем же. Меня распирала гордость за единственного человека, который смог дать отпор этим нелюдям, и я жалела, что сама такого, сделать никогда не смогу.

Новоиспеченный и дерзкий дельфин отпустил вожатого, выронив своё сомнительное оружие из руки.

Лилия облегченно выдохнула. Рина сглотнула огромный комок ненависти.

А я, с трудом скрывала восторженную и довольную улыбку. Так им и надо.

Но, справедливости не суждено было свершиться, Гоша резко достал из кармана электрошокер и воткнул его Савве в живот. В то место, где у парня была глубокая рана. Подлый трус, может играть только по своим мерзким правилам.

— Гнида, — тяжело проговорил Савва и повалился на пол в бессознательном состоянии.

Гоша встал и невозмутимо отряхнулся, как будто минуту назад, не визжал как трусливая девчонка.

— Вот так, — холодно кинула Рина, подходя к неподвижному телу, а потом бесчеловечно пнула Савву по рёбрам. — Бери его и на выход!

Я закрыла глаза и сжала кулаки. Как же я их ненавижу!

— Куда вы его уносите? — встряла Лиля. — У него глубокая рана, ему нужен постельный режим!

— Вот и пусть, теперь лежит на бетоне в карцере, — с отвращением сказал Гоша, закинув на плечо моего друга. — Мне плевать, сдохнет он там или нет.

— Но ему нельзя в карцер! — возразила я, появившись из-за спины врачихи.

Рина будто только сейчас заметила мое присутствие и медленно повернулась ко мне. Её глаза превратились в две ядовитые щелки.

— А ты, — она направила на меня худой, указательный палец, — лучше заткнись. Ты меня и так уже порядком достала. И если не хочешь таких же проблем, как у твоего дружка, советую тебе помалкивать.

Я почувствовала, как сзади за робу меня отдернула Лиля.

Конечно, на моих губах застыл дерзкий ответ для этой язвы, но мне действительно не нужны были проблемы. Их и так было слишком много.

Все покинули помещение, а меня, врач отпустила в столовую на завтрак. На тот долгожданный завтрак, который уже не имел для меня никакого значения, и мне пришлось его пропустить. За это время, пока моя комната пустовала, мне удалось хорошенько

припрятать таблетки. Теперь, ни одна вожатая-собака их не найдёт. Я была довольна собой. Упрятать таблетки под кусок линолеума, столь профессионально, мог разве только что Савва. У этого человека определенно есть чему поучиться.

— Какие люди! — мне на шею кинулась маленькая Аля. После завтрака они с Волковой вернулись в своё расположение. Девочки выглядели довольно бодро, по крайней мере, на моем фоне и даже Аля, не была похожа на тяжелобольную пневмонией девочку.

— Я тоже по тебе скучала, — сказала я, сжатыми от её объятий щеками.

Аля отпустила меня и за руку посадила на кровать.

— Мне рассказали, что случилось, — завелась девочка. — Это просто ужасно. Даже не знаю, кому повезло меньше. Но уверена в одном, сидеть на том стульчике и получать кулаками по лицу, я точно бы не захотела. Говорят, тебе голову пробили? Мозги были видны.

Я округлила глаза.

— Не было никаких мозгов! Глупая клевета!

— И то, что Марат тебя сильно ударил, тоже враньё?

По моему телу пробежали мурашки. Я уже и забыла, как колко звучит это имя. За время госпитализации в лазарете, я практически забыла о существовании этого дельфина. Я была в безопасности, но теперь, придётся вернуться в суровую реальность и с новыми силами подготовиться к обороне.

— Это правда, — мрачно ответила я. — Он, и его дебильный братец, даже не попытались быть мужчинами. Как только прозвучала команда, они вдоволь отыгрались на мне.

Аля закусила тонкую губу.

— Это жуть, Соня, — поражалась она. — Как ты это выдержала? Я не знаю, что с тобой было бы, если...

— Господи, вы умолкните или нет? — встряла Волкова, накрывая голову подушкой. — Вот зачем тебя вернули? Все было так тихо и спокойно без тебя.

— Я тоже по тебе скучала, Майя, — кинула я через плечо, вечно недовольной соседке.

А потом повернулась к Але.

— Я не хочу вспоминать тот вечер. Давай закроем эту тему, пожалуйста. Расскажи мне, что такое карцер? Как там?

Девочка заметно напряглась.

— Я мало что помню, — вяло начала она. — Там холодно, сыро, темно и страшно. Если бы не Лиля, я сошла с ума. Она хорошая тетка. Помогла мне вернуться в комнату.

— Согласна. Она заметно отличается от наших овчарок. Сегодня, Лиля пыталась защитить новенького.

— Новенького? — переспросила Аля.

— Да, Саввой звать, — я огорчённо вздохнула. — Мы лежали с ним в лазарете, но сегодня он попал в карцер. И я переживаю за него.

Алька потрясла головой.

— Подожди! Что он успел натворить?

— Бутер съел. У вожатой. А потом чуть вилкой не убил.

— А я, то думала, — теперь приподнялась Волкова, — за кем пол утра Гоша гонялся...

— Савва быстро бегает, — посмеялась я. — Но Гоша был быстрее.

— Как все было? — спросила Аля. — Расскажи! Причём тут вилка?

— Это такой цирк был, — я потёрла рукой лоб, чтобы начать увлекательный рассказ, но остановилась — прозвучала громкая сирена на построение. Противный звук, продолжал карябать уши. Пора идти работать. Опаздывать категорически запрещено. Наше не особо дружное трио, лениво покинуло свою комнату.

Третий час на поле, без воды и перерывов давался особо тяжело. Все два сектора, в полусогнутом положении рвали сухие сорняки на бесконечно длинном поле. Что-то мне подсказывало, что наше занятие было более чем бесполезным — на этой земле, никто и ничего не сажал.

По моему лбу стекали капли пота, роба прилипала к телу, и меня сильно раздражала столь переменчивая погода. Словно она тоже была против нас. Здесь все было против нас.

Я очень пожалела, что пропустила завтрак, потому что обедать нас никто не звал. Мой живот буквально прилип к позвоночнику и на мгновение, я начала размышлять: каково сено на вкус?

Ещё, у меня с трудом получалось игнорировать пронзающие взгляды, которые последние два часа настойчиво прожигают во мне дыры. Братья Котовы смотрели на меня так, как будто я отравляла все их пространство. Но если к такому Марату, я уже успела привыкнуть, то с Тихоном было явно что-то не так. Его рот был искривлен, а брови сомкнулись на переносице — он был очень мрачным.

И тут меня ударило неприятным током. Я все вспомнила. Прошлым вечером, я сказала Лилии, что Тихон отравился и украл таблетки. Я и Савва солгали, чтобы отвести от себя подозрения. Вот черт. Теперь ясно, почему на мне нарисовалась цель для дротиков. О чем я только думала? Ни о чем. Тогда, мной управляло чувство мести. Я знаю, что все мои проблемы из-за того, что во время своей вспыльчивости, я напрочь забываю про здравый смысл. Но, что сделано, то сделано. Теперь остаётся только надеяться, что я не сильно задела чувства Тихона и мне ничего не угрожает. Меня огорчал тот факт, что мой подельник Савва сейчас отлёживаешься в карцере, он мог бы мне сейчас очень помочь, а мне остается стоять в нескольких метрах от ненормальных родственников, которые только и ждут, когда я споткнусь. Ждут, чтобы затоптать.

— Оставляем ведра у ворот и все идём на ужин! — крикнул Гоша, настроение которого было испорчено с самого утра. Наверное, именно поэтому, мы остались без обеда. Зато Савва поел за два сектора. — Пошевеливайтесь! Быстрее!

Я не спешила покидать место труда и продолжала вырывать сухую траву, украдкой поглядывая в сторону Котовых. Они тоже были подозрительно медлительными. Уже большая часть ребят покинуло поле и тогда, я решила действовать по-другому. Оторвавшись от земли, и прильнув к незнакомому мне дельфиненку, я аккуратно пробиралась к выходу.

Оглянувшись, я заметила, надвигающихся на меня Марата и Тихона. Вариант был только один — я побежала. Протолкнувшись мимо ребят, я услышала характерный топот у себя за спиной и разъяренные вопли — Котовы ринулись за мной.

На не самой большой территории, было трудно подыскать для себя приличное убежище, поэтому я заскочила в сарай, в надежде, что в сумерках они не заметят меня. Спрятавшись за картофельной горой, я едва могла успокоить свое дыхание. Моя интуиция подсказывала мне, что я сглупила и сама привела себя в ловушку.

Дверь сарая распахнулась, и мое сердце перестало биться.

Впервые в жизни, я пожалела, что не ношу с собой шампунь.

— Ну и где эта дура? — бурливая речь Марата заставила меня вздрогнуть. — Ты точно

видел, что она побежала сюда?

— Конечно, видел! — рявкнул Тихон. — Идиотка опять прячется в картошке.

Я была с ним полностью согласна. Я и вправду идиотка, если решила, что смогу укрыться здесь от них. Дело труба. Но я, как глупое создание продолжала сидеть в углу и сжимать крестики на пальцах, в ожидании своего провального разоблачения.

От каждого приближающего шага, мои глаз начинал дергаться. И вот, чья-то рука, за шиворот выдернула меня из окопа и потащила в центр сарая. Тихон даже не старался быть со мной вежливым, словно провинившегося котенка, он держал меня за холку. И казалось, что мои ноги не чувствуют земли.

— Вот мне смешно и грустно, — сказал Тихон, отпустив меня. — Ты или дура, или полная дура. Тебя жизнь, совершенно ни чему не учит.

Я проглотила собственный язык, когда два недруга стояли напротив меня, вальяжно скрестив руки на груди. О да, они были хозяевами ситуации и прекрасно это понимали.

— Смотрю, личико слишком быстро зажило, — Марат слегка склонил голову, проедавая мою душу. — Ты ведь понимаешь, почему все так происходит? Было не вежливо говорить, что мой брат- вор.

— Очень не вежливо, — прошипел Тихон сквозь зубы.

Приглушенный свет слегка попадал на их лица, и их глаза казались черными, дикими. Да, я была не в самом удачном положении, но сдаваться было нельзя. Только не им.

Собрав свою микро волю в кулак, я сделала шаг.

— Крутые парни, да? — я прищурилась. — Загнали меня и думаете, что напугали? Как бы ни так! Я не боюсь вас! И все, что я сделала, вы это заслужили! Так что, если хоть пальцем до меня дотронетесь, я за себя не отвечаю!

Братья иронично обернулись друг на друга, а потом, заглушили пространство неприятным смехом. Да уж, мой прозрачный вид, совсем не внушал серьезности.

— Это было очень смешно, Филатова, — сказал Тихон, убирая смешливые слезы с глаз. — Что ты можешь нам сделать?

Марат слегка толкнул брата кулаком в плечо.

— Слышь, она толкнет тебя, и ты умрешь, — язвил он. — Как того бомжа, уработает и все.

Можно было долго наблюдать, как мои слова веселят братьев, но с этим надо было кончать. Они больше не посмеют унижить меня.

— У меня нет времени на это, — я поторопилась на выход, но меня остановил Тихон, развернув за локоть обратно к себе.

— И куда это мы собрались? — сказал он. — Мы еще не закончили. Так что без глупостей, пока я тебе руку не сломал.

На лице Марата играл звериный задор, ему явно нравилось то, что сейчас происходит. Это была его игра, его правила. Силы были неравны, и шанс свалить отсюда приблизился к нулю.

— Что вы хотите от меня? — я устало развела руками. — Извинений? Тогда, я извиняюсь! Все? Все довольны?

— Не думаю, что мы хотели именно этого, — произнес Марат хриплым голосом.

— Тем более, — добавил Тихон, — это было неубедительно. Я тебя не прощаю.

Я на несколько секунд закрыла глаза, старательно подавляя в себе эмоции.

— Что вы хотите? — повторила я практически шепотом. — Сожжете меня вместе с

этим сараем? Это ведь ваша фишка?

Марат задумчиво потер подбородок.

— А это идея, — просиял он. — Тихий, поддержи ее.

Тихон схватил меня сзади, обвив сильными руками. И тогда, мне стало по-настоящему страшно и я снова, сильно пожалела о своих словах. Мне стоило бы научиться держать язык за зубами. Пора бы зашить свой рот, от которого одни проблемы.

Я решила отомстить Тихону, теперь он мстит мне и это никогда не закончиться. Это замкнутый круг, который подводит нас к страшным поступкам. Мечь — это грязное блюдо, холодной закуской которого, сейчас являюсь я.

Марат, ни на секунду не раздумывая, скручивал бумагу в самодельный факел. Он ни капли не сомневался в своих действиях и это пугало. Несмотря на страх, я даже не пыталась сопротивляться. Дергаться было бесполезно, да и сил не хватало. Наверное, в глубине души, я не верила, что они способны на такое. Поэтому, молча наблюдала, что произойдет дальше.

Одним чирком зажигалки, бумажное сооружение вспыхнуло ярким пламенем.

— Ну что? — Марат повернулся к нам лицом. — Загорится наша елочка или нет? Как думаешь?

— Мы не узнаем, пока не попробуем, — противно хихикнул Тихон, мне на ухо. — Гори, гори ясно, чтобы не погасло...

Марат уверенно пошагал ко мне, и тогда я пожалела, что не ношу с собой вилку. Вся моя жизнь, одно сплошное сожаление.

Марат игриво водил пламенем перед моим лицом и кожу начало больно обжигать. Долбаный псих, все же перешел границу. Рыжеволосый парень, напоминал собой огненного демона, и тогда я поняла, что он испытывает неподдельную слабость к данной стихии. Спички — детям не игрушки. Для Марата же, это была любимая забава.

Мои глаза защипало, то ли от жара, то ли от собирающихся слез. У него снова это получилось. Он снова сломал меня.

— Фокс, не желаешь жаренного цыпленка? — насмеялся Тихон, дыша мне в шею.

Я снова попала в их ловушку и даже боялась предположить, чем теперь закончиться этот фильм ужасов. Оставалось только надеяться, что это будет лазарет.

— Эй, — услышала я, когда факел вылетел из рук Котова и искры заблестели в воздухе. — Ты кто такой?

— Зови меня, конец, — сказал Савва, появившейся из неоткуда. — Большой и толстый конец, который я на вас наложу, если вы не отпустите девчонку.

Моему счастью не было предела. Если бы Тихон не сжимал мне руки, я бы себя ущипнула.

— Ты как здесь? — крикнула я, не веря своим глазам. — Ты должен быть в карцере.

Савва втянул живот и философски выставил нижнюю губу.

— Я пел, — непринужденно ответил он. — Очень громко и сказочно пел. У придурков совершенно отсутствует слух, и они не смогли по достоинству оценить мой талант. Я хотел остаться, но они решили выпереть меня оттуда. Поэтому, я здесь. И видимо, очень кстати, учитывая обстановку.

Тихон отпустил меня и встал напротив Саввы.

— Слушай парень, по-хорошему, вали отсюда, — настаивал он. — Поверь, она того не стоит. Проваливай.

Савва опустил голову и посмеялся себе поднос.

— И кто это решил? Ты?

Теперь, брата оттолкнул Марат и воткнулся лбом в лицо Саввы. Их глаза сверкали, они были похожи на двух быков, готовых накинуться друг на друга в любую секунду. Мне говорили, что это здорово, когда два парня дерутся за тебя, но я испытывала совершенно противоположные эмоции. Мне это совсем не нравилось, да и драка, скорее была не из-за меня, а из-за дележки территории.

— Ты плохо понял? — прорычал Марат. — Я даю тебе минуту, чтобы убраться отсюда.

— Я слишком медлителен, — спокойно говорил друг, и я видела, как сжимаются его кулаки. — Как насчет того, чтобы забрать свою шестерку и избавить нас от своего присутствия?

Я закрыла глаза, в предвкушении нечестной драки. У Саввы практически не было шансов справиться с ними двоими, и даже если бы я попробовала помочь, мои жалкие усилия никто бы не заметил.

— Что тут происходит? — меня разбудил басистый голос Германа. Это первый раз, когда я была рада его видеть. Директор стоял на входе в сарай и держа маленькую ручку своей дочки. — Кто-нибудь объяснит мне, что тут твориться?

— Привет, Соня! — вскрикнула Ева. Меня крайне удивляла непоколебимая способность этого ребенка, необъективно оценивать ситуацию. Она жила в своей собственной сказке и никто не в силах достать ее оттуда.

Глаза Германа остановились на мне.

— Филатова, — тихо указал он, медленно качая головой. — Снова вы, София, в самом центре событий. Скажите, вами рулят обстоятельства или внутренние демоны?

— Скорее, два блохастых пса из самой преисподнии, — вырвалось у меня, и Савва усмехнулся. Мои щеки горели, то ли от ожога, то ли от переполняющих меня эмоций.

Все ждали комментария Германа, а я ликовала в душе, потому что планы Котовых были безжалостно разрушены. Теперь, они ничего не смогут мне сделать. А в идеале, получают по заслугам. И вот опять, я жаждала мести.

— Всем разойтись, — приказал Герман, — а завтра я решу, что с вами делать. Сейчас, я хочу провести время с дочерью, так что поспешите на ужин.

На моем лице заиграла улыбка. Наконец-то достанется не только мне. Пусть даже меня ждет карцер, но это того стоит, если Котовым тоже перепадет.

Уходя, Герман обернулся.

— Я считаю, что вы неисправимы, София, — серьезно сказал он. — Я думаю, вам стоит отправиться домой.

Он удалился, а мои колени подкосились. Что он только сказал? Домой? Вот так просто? Или я ослышалась? Нет-нет, мне не показалось! Он решил оправить меня домой! Домой!

Моя шкала Ада, треснула по основанию, и лопнул градусник.

Неужели, завтра я вернусь домой?

Глава#12. Там, где меня не ждут

Когда мы видим их на воле,
То в нашем сердце нету боли.
Не надо их лишать свободы,
Дельфины — сыновья природы.
Они должны свободно жить.
Нам не обязаны служить.
Я рада видеть их на воле,
Увы, не каждому такая доля.
И прежде вольные в неволе,
Их трюкам учат против воли.
Не надо, отпусти, не мучай -
Им на свободе будет лучше.
А в их глазах обмана нет,
Мы принесли им столько бед.
Они к нам доброту несли,
А мы понять их не смогли...
Я думаю, пора начать сначала,
Ведь времени осталось мало.
Их надо только полюбить,
Чтобы потом не истребить.

— Обожаю гороховое пюре, — наслаждалась Аля, заталкивая себе в рот сегодняшний обед. — Почему дома, оно не казалось таким вкусным?

После нескольких часов трудотерапии, все два сектора привели в столовую, дав время немного передохнуть. Мы шкурили здание медпункта, приготавливая стены к покраске и учитывая прошлые, это было не самым сложным заданием.

Устало вздохнув, я отряхнула руки от известки, в которой была вся роба.

— Я тоже люблю его, — сказала я, искоса поглядывая на Котовых, — но не тогда, когда это оказывается у меня на голове.

— Ты думаешь, они будут мстить? — спросила Аля, не поднимая на меня глаз. Видимо в действительности, сейчас ее интересовал только обед. — Время продуктовых масок закончилось.

Я заправила выбившиеся пряди за уши, одновременно ощутив, как пострадали мои волосы. Кусок хозяйственного мыла, палящее солнце и куски штукатурки — это лишь минимальные причины их непотребного вида.

— Возможно, — вернулась я к теме, — но когда Котовы где-то поблизости, мне трудно расслабиться.

И это действительно было так. Но это был не страх. Это был тошнотворный дискомфорт, который обволакивал, когда эти двое находились неподалеку.

— Забей, — махнула рукой Аля. — Не обращай на них внимания, и они отстанут от тебя.

Я поджала губы и неуверенно кивнула.

Легко говорить, когда тебя не поджигают заживо или не обкидывают едой.

Вчера планы Котовых были нарушены, но что, если они не успокоятся? Что если придумают отместку хуже той? Мне нужно всегда быть начеку.

Я хотела избавиться себя от этих гнетущих мыслей, так как сегодня, должно произойти событие, которое перекроет все эти беспредельные обстоятельства. Вчера в сарае, наш благочестивый Герман обмолвился, что отправит меня домой. Что именно это означало, я пока не понимала. Мне никак не удавалось сопоставить эти факты. Мой мозг отказывался до конца верить в то, что наш кровожадный директор сошел на такую милость, поэтому, я старалась не распространять эту новость. Пока я сама не буду в этом до конца уверена, правильным решением будет помалкивать.

— Глеб вообще перестал к нам подсаживаться, — с грустью заметила Аля, поглядывая на соседний столик. — Не понимаю, что с ним происходит?

— Это все из-за меня, — сказала я. — Его вынудили ударить меня, и скорее всего, он чувствует свою вину. Глеб никогда бы не поступил со мной так, если бы не Герман.

— Значит, ты злишься на него?

— Нет, есть десяток человек, на которых мне стоило злиться, но только не на него, — я придвинула к себе компот. — Поговори с ним. Объясни, что всё нормально. Я уверена, мы сможем общаться, как и раньше.

— Заметано, — засияла Аля. — Перехвачу его на часах молитвы и поговорю.

Аля была слишком открытой книгой. Её эмоции и чувства, можно было считать по щелчку пальца. И, мне не составило большого труда догадаться, что она равнодушна к Глебу.

Может где-то в глубине души я злилась на Глеба, но ради подруги, решила проглотить эту обиду. Все мы совершаем ошибки и Глеб тому не исключение.

— Салют, Соньё! — рядом со мной упал Савва, по-хозяйски ставя свой обед к нам на стол.

Я поперхнулась компотом.

— Что ещё за Соньё? — опешила я, а Алька начала хихикать в руку.

Савва пожал плечами.

— А мне нравится, — он лениво откусил от корки хлеба. — Как насчёт, Сонтьяго? Звучит круто.

— Я что просила придумать себе прозвище? — взмолилась я, глядя на непринуждённо-жующее лицо. — Господи, какими опилками набита твоя голова?

— Тебе не угодись, — обиделся Савва. — Мне казалось это прикольным. Придумывать секретные позывные, здороваться крутыми приветствиями...

— Ничего прикольного в этом нет, — буркнула я. — Это детские замашки.

— Соня, ты — зануда, — влезла Аля. — Ты вообще не умеешь веселиться.

— Это неправда!

— Это факт!

— Мы находимся не в самом радужном месте, но хоть иногда надо научиться отпускать ситуацию, — умничала Аля.

Я со звуком опустила руки на стол так, что тарелки с картофелем немного подпрыгнули.

— Отпустить ситуацию? — возмутилась я. — Я с самого начала заключения попадаю под раздачу! Из всех возможных наказаний, я испытала на себе каждое! В этом никто не виноват! Но, меня травят не только вожатые! Я не помню дня, когда меня не попытались

унизить! Ни одного, мать его, дня! И ты мне говоришь, отпустить ситуацию? Перестать быть занудой? Я вообще поражаюсь себе, как ещё не рехнулась!

Мои соседи по столу замерли словно статуи, а у меня едва получалось восстановить дыхание. Я дала волю эмоциям и уже пожалела об этом. Аля явно не ожидала получить от меня такую реакцию. Но, уже давным-давно мои нервишки начали шалить, и сейчас этот выплеск был мне нужен. Мне действительно стало легче.

— Соня Блэйд, — Савва нарушил тишину, похлопав меня куском хлеба по плечу.

— Что? — теперь, мы обе повернулись к нему.

— Я буду называть тебя Соня Блейд. Грозная и сильная женщина, из игры Мортал Комбат. Научим тебя бить апперкот и делать комбо, станешь опасной штучкой.

Я взялась рукой за голову.

— Савва, что ты куришь? — слабо сказала я. — Судья явно ошиблась с местом, отправив тебя сюда. По тебе плачет абсолютно другое заведение. Клиника, например.

— Чепуха! Я здесь всего несколько дней и мне уже пошло это на пользу.

Я скептически приподняла бровь.

— Да ну? И какие именно изменения с тобой произошли?

Савва гордо выпрямился в плечах.

— Я подрос.

— Ты серьезно? — я закатила глаза. — И как тебя домашние выносят?

— Кстати, о них, — воодушевился он. — Вчера, угрюмый мужик, сказал, что отправит тебя домой. Это правда?

— Его зовут Герман, — поправила Аля. — Стоп! Тебя что отпускают? — теперь она уставилась на меня.

Я виновато опустила голову, проклиная про себя Савву.

— Поверить не могу! — изумилась подруга. — И ты молчала?

— Я не уверена, что он сказал это всерьез, — тихо оправдывалась я. — Поэтому решила промолчать.

Савелий быстро осознал, что создал неудобную ситуацию, поэтому, решил действовать привычным для него способом.

— Я думаю, что Вале нужно быть снисходительнее к своей подруге, — сказал он.

Аля похлопала глазами.

— Кто такая Валя?

— Ты, — заявил Савва, смотря на нее, словно на слабоумную.

— Ее зовут Аля, — устало поправила я. — А-ля.

— Ой, ошибочка вышла.

Аля снова залилась смехом, а я ускорила в уничтожении завтрака, пока новичок не взорвал мои мозги, своей непоколебимой способностью не запоминать чужие имена. Конечно, можно было расслабиться и получать удовольствие от общения с друзьями, но меня ждало более важное мероприятие. Возможно, сегодня я окажусь дома.

После обеда, я ходила по комнате из угла в угол, в ожидании своего высвобождения. Чувство тревоги, плотно засело в груди, и каждая минута превращалась в невыносимую вечность. Я допускала мысль, что стоит самой обратиться к Герману, но трусила. Я боялась сделать неверный шаг и все испортить.

Рина строила нас, чтобы отправить на молитвенные часы, ранее которые, мне удавалось пропускать. Я понятия не имела, как все это проходит. К моему счастью, сегодня, мне это

уже не грозит. Рина в привычной для себя манере обратилась ко мне, и сказала, что меня ждут в другом месте. Меня ждал Герман.

Когда я подходила к домику директора, то думала что потеряю сознание. Мое сердце билось о грудную клетку, как испуганная пташка, а ноги занемели в приятной эйфории.

— Здравствуйте, София, — Герман встретил меня у входа в колонию. — Мне показалось правильным решением сопроводить тебя. Так что, в это путешествие, я отправлюсь с тобой.

Новость была не самой приятной, но я была готова стерпеть все, лишь бы оказаться дома. Даже его присутствие.

Мы подходили к металлическому фургону, на дверях которого, вырисовалось одно небольшое окошко. Эта машина, явно не предназначалась для перевозки законопослушных граждан. Герман забрался в фургон и любезно подал мне руку. Мы сели по разным лавочкам, напротив друг друга, и я боязливо прятала глаза. зуб на зуб не попадал, но не от холода, а от страха, что это все обман. Или ещё хуже, что меня везут в глухой лес, для того чтобы избавиться.

Машина тронулась, я крепче вцепилась в лавку. Водитель был изолирован от нас, но через небольшое отверстие и зеркало заднего вида, были видны его хмурые брови. Мужчина словно зомбированный, сосредоточенно смотрел на дорогу и больше ни на кого.

— Не стоит так переживать, — сказал Герман, заметив мое волнение. — Ты едешь домой. Адрес, который указан в твоём деле твой нынешний?

— Да, — ответила я, не прорезавшимся голосом.

— Чудно, — улыбнулся он, но как-то не по-доброму. В принципе, все его эмоции, жесты и действия никогда не имели ничего общего с добротой. Именно поэтому, меня так колит его присутствие и душит чувство беспокойства.

— Моя мама знает, что я возвращаюсь? — аккуратно поинтересовалась я, в надежде услышать однозначный ответ.

— Нет, — спокойно ответил директор, — об этом знаем только ты и я.

Могу поклясться, что он целенаправленно уваливал от ответов. Он понимал, что именно я хочу знать и отчётливо видел мои сомнения, но старался быть немногословным.

— Понимаешь, Соня, — продолжил он, — эта поездка, не должна быть для тебя радостью. Это должно быть твоим наказанием. Только кнутом, мы сможем добиться полного очищения души и мыслей.

Мое тело напряглось до предела.

— Наказание? — переспросила я, чувствуя, как немеют пальцы.

— Ты совершила проступок и, следовательно, должна за него ответить, — спокойно говорил он. — Не переживай, твоих друзей тоже это ждет. Не думай, что ты одно отвечаешь за всех, хоть и явно любишь выделяться из толпы. Только строгая дисциплина, позволит сделать нам из вас достойных людей.

— Значит, — пропищала я, сдерживая собравшиеся в глазах слезы, — я не вернусь домой?

Герман лукаво улыбнулся.

— Конечно, вернешься, дорогая, — он положил свою руку мне на колено, и оно моментально отдернулось. — Моя цель привезти тебя в твой дом, но не оставить там. И чтобы ты не мучила себя догадками, давай оставим нам с тобой разговор. По приезду ты сама все увидишь и поймешь.

Оставшаяся дорога в город, показалось мне мучительным испытанием. Я буквально слышала, как трещит по швам моя душа. Я проклинала себя за то, что позволила себе быть настолько наивной. Было абсурдно глупо предположить, что меня выпустят раньше указанного срока. Но, что тогда меня ждет? Зачем вообще нужна эта поездка? Какую цель преследует Герман?

Все было как во сне, и я не сразу поняла, что мы остановились. Вид из окна, был не совсем мне знаком, хотя я понимала, что нахожусь в своем городе. Но это был не мой дом.

— Подойди ближе, дорогая, — поманил меня директор, приглашая к окошку. — Что ты видишь?

Я смотрела на большой торговый центр, украшенный красивыми огоньками и вывесками. Множество беззаботных лиц, мамочки с детьми, возвращающихся домой после приятных покупок, угрюмые водители такси и гуляющие подростки — это все, что мелькало перед глазами.

— Я вижу жизнь, — сказала я, совершенно не понимая, чего от меня хотят.

— Правильно, — согласился Герман, — но эта жизнь проходит без тебя. И все это из-за демонов, которые сидят внутри тебя. Ты видишь, что изменилось в этом мире без тебя?

Безумец снова завел свою шарманку, и у меня с трудом получалось вникать в разговор. Я не могла найти ответ на его вопрос. Правильный ответ. Что он хочет услышать? Я скажу что угодно, лишь бы это побыстрее закончилось.

— Простите, но я не понимаю вас.

— А ты присмотришься, — его глаза заблестели безумием. — Посмотри внимательно и ты поймешь, чем чреваты твои проступки.

Я напрягла глаза, всматриваясь в каждого человека, но все казалось мне довольно обычными.

— Я ничего не вижу, — уперлась я, не желая играть в его игры.

Герман слегка повернул мое лицо.

— А это пара? Она знакома тебе?

Теперь мне на глаза попались два подростка. Она стояли ко мне спиной, разговаривали и обнимались. Я не узнавала их, они были слишком далеко, и единственное что я почувствовала, это горький прилив зависти. Но когда девушка достала телефон, делая совместную фотографию со своим приятелем, меня что-то кольнуло в позвоночнике. А когда, они повернулись в мою сторону, мне захотелось упасть на пол.

Катя Пермакова, записывая новую историю в Инстаграмм, по-хозяйски нацеловывала моего Кирилла. Моего парня. Мелкая дрянь, решила полностью растоптать мою жизнь. Но и Кирилл ей не уступал, он был счастлив или просто делал вид.

— Разве это могло случиться, если бы ты присутствовала в их жизни? — с удовольствием подливал масла в огонь Герман.

Я наблюдала отвратительную картину и не могла держать себя в руках.

— Мне нужно выйти, — я ринулась к выходу, но меня остановили. Меня переполняли эмоции. Мне хотелось крушить.

— Это не выход, — говорил директор. — Сделай вывод о содеянном. Выйдя к ним, ты наделаешь только больше глупостей. Кому от этого станет легче? Пусть это останется наглядным примером.

Или Герман считал меня полной дурой, или в действительности верил в то, что говорил. Было понятно, что уроком тут и не пахнет. Это было циничным издевательством над моими

чувствами. Это лишь прикрытие. Вряд ли этот момент научил меня чему-то или заставил переосмыслить свою жизнь. Я сделала это сама задолго до этой поездки. Герман изощрылся, ломая мою личность.

Мы покинули место, где Катя и Кирилл мило проводили время без меня, и я была рада этому. Была рада, что в моей жизни больше не будет, таких подлых и мерзких людей. Но путешествие еще не закончилось, водитель подъезжал к моему дому. И тогда я думала, что ничего не огорчит меня сильнее сцены у супермаркета. Как же я ошибалась.

Машина остановилась возле моего дома, и мне отчетливо был виден родной подъезд. Лавочки, небольшой сад, в котором теперь виднелась только сухая трава и детская площадка, на которой я провела все свое детство.

Окно запотевало от моего разгоряченного дыхания. Я хотела увидеть маму, ведь это единственная причина, по которой Герман мог привезти меня сюда. Шли минуты, но никто не появлялся и это понятно, не мог же он точно знать, когда мамы выйдет из дома.

Герман сделал звонок и просто помолчал в трубку. Наверное, на той стороне аппарата его поняли и так. Через несколько минут к подъезду подошел мужчина, он ждал какого-то. Я думала, что разгрызу губы до крови, пока смотрела в это проклятое окно. Герман молчал, водитель тоже, а мне оставалось только ждать чуда и не терять сознание.

И вот, подъездная дверь открылась и вышла мама. Хоте нет, не вышла, я бы сказала: выкарабкалась. С ней явно было что-то не так. Жанна Филатова медленно дохромала до незнакомого мужчины, и взяла у него деньги. Да что тут происходит?

— Мама, — прошептала я, прилипнув к окну. Она выглядело очень плохо. Неважно, хотя это совершенно было на нее не похоже. Казалось, что за эти несколько месяцев она постарела на десяток лет.

— После инсульта, вся ее левая часть отказалась функционировать, — бесчеловечно заявил Герман. — Она сильно переживала за тебя, Соня. Ты причинила ей много боли.

Я посмотрела на Германа и из моих глаз потекли горячие слезы.

— С ней все будет хорошо? — прохрипела я.

— Да, она в порядке. Но теперь, твоя мать лишилась заработка. Ей приходится продавать вещи, чтобы существовать. Сегодня, это была микроволновая печь. Неделю назад, она продала телевизор.

— Я не хотела этого. Это был несчастный случай.

— Это спорный вопрос. Только Бог знает об истинных твоих намерениях, и ты видишь последствия. Если это происходит, значит, ты заслуживаешь все это. Господь не простил тебя. Только твоя мать в этом совсем не виновата.

На моей шее образовалась тугая удавка. Этого не может быть. Я даже не могла предположить, что у мама такие серьезные проблемы. Сейчас, ей как никогда нужна моя помощь, но я не рядом. Теперь, я действительно чувствовала свою вину перед ней.

Сквозь слезы, я смотрела на мать, которая не могла подняться на подъездную ступеньку и ждала помощи от прохожих. Миллион ножей воткнулось в мое сердце. Мне хотелось ей помочь.

— Делай выводы, Соня, — повторился Герман, довольный своей работой. Он стер меня, как некрасивый рисунок, огромным и жестким ластиком.

Мои нервы сдали.

— Мама! Мама! — кричала я, стуча руками по фургону. — Я здесь!

— Она не услышит тебя. Она не должна тебя услышать.

— Позвольте помочь ей, — мой голос поломался. — Ей нужна моя помощь. Пожалуйста.

— Она справится, Соня, — настаивал Герман. — Не стоит ее травмировать.

Я почувствовала непреодолимую боль в сердце, и мой плач перешел на вой.

— Выпустите меня! — я начала биться в истерике, уже перестав себя контролировать. — Откройте эту чертову дверь!

Герман силой усадил меня на пол и пронзил взглядом.

— Это твое наказание, — грубо сказал он. — Сейчас, тебя нет в их жизни, и у тебя нет права вмешиваться. И это только твоя вина.

Я застыла. Это было самым жестоким наказанием, какое только мог он придумать. Я была готова пятьдесят раз усесться на тот стул позора и получать кулаками по лицу, но не это. Это было подобно каторге.

Проглотив комок боли, и я взяла себя в руки и больше не желала смотреть на маму. Это было выше моих сил. Даже если я разобьюсь об это окно, меня никто не отпустит. Все бесполезно.

— Тогда, отвезите меня обратно, — слабо сказала я. — Я все поняла. Я больше этого не выдержу.

Герман слегка улыбнулся, и жестом приказал водителя тронуться. Я судорожно нащупала лавочку рукой и села обратно. Дрожь пронзила меня до самых костей, и дорогу домой, я практически не помню. Не помню, когда мы вернулись в колонию. Не помню, кто тогда был в комнате. Не помню, как легла спать.

Я лежала на кровати, свернувшись в клубок, позволяя слезам падать на подушку. В голову лезли воспоминания увиденного. Я старалась не думать, но это было практически невозможно. Удар оказался слишком мощным.

Глава#13. В моем животе кладбище мотыльков

— И давно она так лежит?

— Уже полдня.

— Может, она под наркотой?

— Ты дурак? Где бы она ее взяла?

— Вариантов масса. Обкурились с Германом травки, а теперь отдыхают. Тебе не показалось странным, почему он закрыл глаза на ее дневной сон?

— Даже боюсь представить, почему он так добр.

Сквозь сон, я слышала голоса своих друзей, но категорически отказывалась открывать глаза. Я уснула только под утро, и больше всего на свете не хотела просыпаться.

— Бедняжка, выглядит ужасно, — не совсем по-дружески заметила Аля. — Надеюсь, он к ней не приставал.

— Ах ты, маленькая блудница, — изумился Савва. — О чем ты только думаешь?

— Я думаю о том, что моей подруге нехорошо и с этим надо что-то делать! Вдруг, она присмерти?

— Сейчас проверим, — я почувствовала возле своего уха горячее дыхание. — Доктор Савва, вылечит любое земное создание. Даже пусть на данный момент, не самое симпатичное.

Чудесно! Мои друзья просто ангелы! Пока я спала, они бульдозером прошлись по моей внешности.

— Вставай, Герман собрался делать тебе предложение руки и сердца! — заорал мне в ухо Савва и мои глаза распахнулись. — Вот видишь. С ней все в порядке, — гордо констатировал он.

Я лениво приподнялась и оперлась на локти.

— Напомните мне, почему я должна общаться с вами? — спросила я, смотря на два, довольных собой лица.

— Ты проснулась! — Аля по-дурацки попрыгала на месте.

— Да ты просто сама очевидность, — натянула я улыбку и похлопала глазами.

— Не злись, Сонтьяго, — Савва сел на краешек кровати. — Мы волновались за тебя. Я же не знал, что ты решила поиграть в спящую красавицу.

Мои распухшие от слез глаза сузились.

— Учитывая ваши комментарии, до красавицы мне далеко, — съязвила я, глядя то на одного, то на другого.

Щеки Али покраснели, и она виновато потупила взгляд.

— Да ты самая красивая в нашем блоке, — оправдался Савва, а потом повернулся к моей подруге. — Прости Валя, но это правда. Ты просто не в моем вкусе, — он наигранно положил руку на сердце.

— Тоже мне Бред Питт нашелся, — фыркнула Аля, дернув плечом. — Напыщенный дохляк и обманщик.

Савва обиженно посмотрел на свою робу.

— Да у меня грудь больше, чем у тебя!

— Так все, хватит! — встряла я, справляясь с головной болью и пульсацией в висках. — Если вы не прекратите, то я точно сохну. Еще одна ссора, или история про ворованные

носки, и я — не жилец.

— Носки? Так ты говорил правду? — удивилась Аля, посмотрев на Савву.

Он скривился в лице.

— Я часто так делаю. А тебя это удивляет?

Я чувствовала слабость во всем теле. Вчерашний день, был сплошным комком стресса для меня, и мне совершенно не хотелось переживать о взаимоотношениях этих дельфинов.

— Судя по тому, что я с тобой говорю, обещание вернуть тебя домой было подлой ложью? — спросил Савва. — А я уже присвоил себе твое полотенце.

— Я была в городе, — неохотно ответила я. — Видела маму и друзей. Но, лучше бы меня закрыли в карцере, чем повторили эту демонстрацию еще раз.

— Все настолько плохо?

— Ужасно. И если позволите, я не буду вдаваться в подробности и послушно просуществую оставшиеся мне тут семь месяцев.

Аля поерзала на месте.

— А если вы мне позволите, то я удалюсь, — она смущенно почесала голову. — Меня ждет Глеб, я обещала ему помочь постирать робу.

Я улыбнулась и кивнула ей в знак согласия. Девочка пулей выбежала за дверь.

— Твоя подруга коварная шалунья, — усмехнулся Савва. — Она так и жаждет посмотреть на оголенный торс. Все ее мысли завязаны на эротике.

— Хоть кто-то еще может чувствовать, — разочарованно добавила я. — Мне кажется, что мое сердце, больше неспособно полюбить. Я так долго старалась не переходить эту грань, а когда перешла, сильно обожглась, — говорила я, подразумевая Кирилла.

На меня смотрели два изумруда. Савва понимающе кивал головой, или просто делал вид, что ему это интересно.

А я продолжала:

— С меня хватит. В этом мире нет ничего святого. Любви просто не существует. Не в наше время.

Сава нахмурил свои черные брови.

— Это фразы из Сумерек?

— Ты прав, — вдохнула я, поправляя подушку под головой. — Это слишком сопливо. Я не мастер выражаться красиво.

Савва озарился лукавой улыбкой, а потом полез в карман штанов.

— Зато я мастер, делать кое-что другое, — многозначительно сказал он, но достал из кармана овсяное печенье. — Немного поломалось, но еще тепленькое.

— Да ты просто Бог воровства, — шутливо восхитилась я и потянулась за презентом, но он отвел руку.

— Эй, не так сразу! Сначала, волшебное слово, — издевался он. — Вообще, я придерживаюсь одного правила: кто долго спит, тот ест во сне.

Я приподнялась, села на край кровати и изобразила задумчивое лицо.

— Волшебное слово, говоришь, — пропела я, искоса поглядывая на печенье. — Бери и беги! — крикнула я и отбежала к окну.

— Эй, так не честно! Это было на двоих!

Я полностью затолкала печенье в рот.

— Теперь, оно только мое, — довольно пробубнила через набитые щеки.

— Оно дважды упало на пол и лежало в кармане с носками, — дразнил меня Савва.

Я округлила глаза, проглатывая сухое лакомство.

— Ты врешь! Признавайся, это особый случай? — с надеждой поинтересовалась я.

— Ладно, я солгал. Но тебе стоит быть более справедливой и честной.

Я тяжело вздохнула и повернулась к окну.

— Мне кажется, что в этом месте невозможно оставаться справедливым и честным, — мой голос был пропитан грустью. — Все не должно быть так.

Неожиданно, я почувствовала, как меня взяли в охапку сильные руки.

— Я вот так по-честному, — прошептал Савва мне на ухо.

Я заметно растерялась. Я понятия не имела, как расценивать этот его жест. Был ли это просто дружеский или означал что-то большее, это понимал только Савва. Ситуация была более, чем неловкая, и Волкова, даже не представляет, как выручила меня тогда.

— Фу, только не возле моей кровати, — фыркнула она, зайдя в нашу комнату. — Валите в кладовку, если хотите побыть одни.

Савва отпустил меня, и мне стало легче дышать.

— Видимо братья Котовы, слишком примитивны, раз зажимают тебя по кладовкам, — парировал Савва. — Что даже в сарай тебя не пригласили? Соня уже там побывала.

Губы Майи скривились в усмешке.

— А я так понимаю, это тот самый герой, который подписал себе приговор, — сказала она, протирая лицо полотенцем. — Даже не буду с тобой спорить. Тебе и так хорошенько достанется.

Савва схватился рукой за живот и задрал голову к потолку, а потом громко посмеялся.

— Да? — иронично спросил он. — А кто по твоему рассказал мне, что ты любительница темных кладовок? Наверное, это сделал Марат, между ударами по моим ребрам. Ой, смотрите, а мои ребра целы!

Глаза Майи вспыхнули ненавистью и обидой. Это был удар поддых. Но не только для нее, я тоже опешила.

— Ты что общаешься с ними? — возмутилась я, поворачивая его к себе.

Савва сделал недоумевающее лицо.

— А что тут такого? Что нам делить?

Я просто одурела от такой фразы.

— Ах, нечего значит? — я сильно ткнула его в грудь пальцем. — Они хотели меня поджечь! Это что, мелочи?

По реакции Волковой, я поняла, что даже она не в курсе всех подробностей той истории.

— Соня, ты чего? — испуганно сказал Савва. — Все не так плохо, как тебе показалось. Поверь, тебе многое предстоит узнать.

В этот момент, мне захотелось вырвать свой же клочок волос. О чем он говорит? Мне показалось, что Марат хотел поджечь меня, а на самом деле он показывал мне фэеир-шоу? Так? Тогда зачем, он его остановил? Ведь, все не так плохо. Какую вату Котовы, затолкали в уши моему другу? Или кто он там мне теперь.

— Мне жаль, что ты связался с ними, — сказала я и выбежала из комнаты, снеся плечом Майю.

Вторая часть дня прошла, как в тумане. Это такое неприятное чувство, когда кто-то не понимает тебя, когда казалось все очевидно. Когда ты осознаешь, что ты одинок в своем мире, в своих мыслях, это колющее осознание медленно убивает тебя. Кажется, я не смогу

сдержат слово. Я не смогу находиться здесь, уверено воюя с братьями и послушно терпеть все эти унижения. Наказания. А они будут. Потому что изменить себе я не смогу, а значит, меня вечно будет ждать неизбежная кара. Постоянный издевки.

Сейчас я сижу в кладовке. Я не хочу, чтобы кто-то меня видел. Мне страшно. Но, здесь я чувствую себя безопаснее. По моему лицу текут слезы, но не от предательства, которое ударило по мне обухом, а от ненависти к самой себе. Вся та боль, которую я испытала вчера, останется только со мной и я прошу, чтобы Всевышний простил мою душу. Можно подумать, что я схожу с ума, но от такого покаяния, мне становилось легче.

Ты никогда не знаешь, когда ты заплачешь. Ты радуешься жизни и не задумываешься о следующем дне. А бывает, ты не радуешься жизни и не плачешь. Это такое пустое состояние, не имеющее светлого выхода. Ты не хочешь существовать, но ты и не хочешь делать то, от чего всем станет легче. В первую очередь самой себе. Мне тяжело размышлять или вообще оценивать обстановку, и если до этого я старалась держаться, то теперь, мое тело отчаянно обмякло. Я не хочу бороться, плакать, переживать и даже дышать. Я попала под винты, которые не оставили на мне живого места. Никто не застрахован, мне это ясно, но почему именно мне довелось принять все эти тяготы. Говорят, если ты переживаешь какие-то сложности, значит, Бог знает, что ты справишься. Едва ли мне верить, что у меня получится пережить это.

Мне хотелось действовать кардинально. Придумать план побега или же наглотаться таблеток — все это было рискованным шагом, но я была готова пойти на это. Я была готова пойти на все, лишь бы убраться с этого места.

Когда наступили сумерки, я все же выбралась из своего пристанища. Я вышла на улицу и попыталась насладиться свежим воздухом. Нарезая круги, внутри замкнутого пространства, мне хотелось мысленно сломать эти заборы и насладиться небом. Звезды, словно скромные букашки, ждущие приглашения, не спешили заполнять небо. Я вдыхала прохладный воздух, как что-то лечебное. Мне казалось, что каждый глоток, вернет меня в привычное состояние и прибавит сил. Душераздирающее, свободное небо, отвечало мне пониманием. Оно темнело, и вместе с ним темнело мое будущее.

Я схожу с ума. Нет. Я определенно схожу с ума.

Мою идиллию нарушила чужая рука, которая силой затащила меня в сектор неприятелей. И это неудивительно, слишком долгое время, меня никто не трогал. Никто не оскорблял и не пытался растоптать. И было довольно странно, что у меня был целый день для передышки.

Меня, словно безвольную куклу, тащили за шиворот робы по темному барaku. Мой похититель, определенно не старался быть аккуратным, наоборот, своими движениями, он показывал мне, как яро раздражён. Но мне было настолько плевать, что его нервные движения частично вызывали смех.

Мое ни на что не реагирующее тело, поставили посреди чужой комнаты. Мужской комнаты. Это было понятно по запаху пота вперемешку с шампунем. А когда включился свет, все встало на свои места — я в логове недругов.

Лихорадочно тряся головой, передо мной стоял Тихон. Парень был в гневе, и не в первой, он считал, что только я всему виной, и неважно в чем заключалась суть проблемы. Его руки тряслись, и было понятно, что он едва себя сдерживает.

— Теперь смотри, что они со мной сделали, — он провел рукой по наголо стриженной макушке. — И это все из-за тебя. Я думаю, так поступать было несправедливо. Из-за тебя

только одни проблемы. Это ты во всем виновата. Но, почему-то, досталось только мне.

Я усмехнулась. Много он знает о проблемах, а о справедливости, ему вообще следовало помолчать. Я испытывала сильнейший упадок сил, поэтому доказывать ему свое правоту вовсе не желала.

— Прости, детка, но все должно быть закономерно — говорил он, и в его глазах я узнала Германа. Они блестили безумством и злостью. Директор превосходно справился со своей задачей. Он возродил подобных себе — жестоких и бесчеловечных людей.

— У нас мало времени, — в комнату зашел Марат. — Скоро придет Гоша, так что поторапливайся.

Я медленно повернулась в его сторону. Меня поражала, отрешенность этого человека от окружающего его беспредела. Для него я была прозрачна, и только бирка с надписью «изгой», привлекала его изощренное внимание. Но сегодня, они проиграют, потому что мне все равно, что произойдет со мной. Я не могу бороться и просто не хочу этого. Их руки абсолютно развязаны.

— Ты принес ножницы? — с надеждой поинтересовался Тихон. — Я хочу, чтобы она была похожа на меня.

— Принес, — Марат положил оружие в руки своего брата, а потом повернулся ко мне. — Ты странно выглядишь, Соня. Тебе нехорошо?

Его забота, была лишь лживой игрой, которую он обожал. Я стояла посреди комнаты, без намека на жизнь. Я не шевелилась, а лишь только ждала, когда они приступят к своим действиям.

— Не переживай, — отмахнулся Марат, — Тихий очень хорош в парикмахерском искусстве. Будешь выглядеть как конфетка.

Я сверкнула на него глазами. Он действительно думал, что это смешно? Но расстроен он не был точно. Его хитрая внешность, постоянно приводила в состояние напряжения, но не сейчас. Я смотрела на него, как на неуверенного парня, который самоутверждаться за счёт слабых. И если он думал, что пугает меня, то сильно ошибался. Только не сейчас.

— С чего бы начать? — задумался Тихон, смотря на мои волосы. — Может сделать асимметрию? Или короткую, под мальчика? Как ей будет лучше?

Марат вальяжно подошёл ко мне и, положив свою тяжелую руку на плечо, слегка придушил.

— Делай, что хочешь, — сказал он. — Подлецу все к лицу!

Марат даже не догадывался, что из всех трёх человек, находившихся сейчас в комнате, только двое являются настоящими подлецами. И это точно не я.

— Но я хочу, чтобы она была красотка! — по девчачье топнув ногой Тихон. По этому парню плачет сцена театра. Или он действительно был не в себе, или просто переигрывал.

— А Сонька у нас и так красавица, — сказал Марат, и вжался губами в уголок моего рта.

Его поступок просто обескуражил меня, и я сразу же вытерла рот рукавом. А ещё, моя рука зачесалась, чтобы вклеить ему пощечину, но я сдержалась.

— Жаль, что она отказалась от огненной процедуры, — сказал Тихон, как будто меня не было в этом помещении, — тогда бы срезы получились плавными.

— Будь креативным, брат. Это искусство и следовать правилам необязательно.

Ах, вот как! Теперь мне все ясно. Все гнусные замашки Марата, все его подлые действия, противоречащие правилу о личной неприкосновенности человека, не что иное, как

искусство. Да этот парень просто светиться лучами творчества!

— Никаких правил, говоришь, — медленно пропел Тихон. — Значит, я выберу стиль уличной болонки.

— Точнее сказать: дворняги. Не думаю, что эта сучка породистая.

Они дружно засмеялись. Им было мало, просто изуродовать меня, они целенаправленно тянули время и накаляли обстановку.

Я больше была не в силах терпеть весь этот цирк и решила действовать по-своему. Я выхватила ножницы из рук Тихона и, взяв приличное количество волос, прошлась по ним лезвиями. Мои белокурые пряди, словно перышки падали в воздухе и плавно ложились на носки ботинок. Теперь, длина моих волос, которую я так бережно хранила, кончалась на уровне плеч. Но, мне было все равно. За сегодняшний день, мои волосы, уже несколько раз стали объектом нездорового внимания, и я была рада избавиться от них.

— Вы довольны? — мой голос стал похож на жалостливый щebet. — И как я вам? Так красиво? Теперь, вы успокойтесь?

Парни, стояли, не двигаясь, они словно не желали такого исхода. Вполне возможно, что состригать большое количество волос Тихон не собирался. Даже если они хотели меня просто напугать, я снова разрушила все их планы.

— Ну что языки проглотили? Думали, что меня это напугает? — я сконцентрировалась на Марате. — Этого ты хотел? Теперь, от меня ничего не осталось. Кто я? Мальчишка или дворняга? Надеюсь, ты доволен.

— Святые парикмахеры! — Тихон иронично накрыл рукой свой рот. — Нахрена, ты себя так обскубала?

— А мне нравится, — добавил Марат, пробегаясь по мне глазами. — Нет, ты точно не дворняга. Полноценная болонка.

Я сжала челюсть так, что почувствовала ноющую боль. Эти выродки не пробиваемы. Откинув ножницы в сторону, я вылетела из этого сектора.

Моя шкала Ада застряла на отметки 8.

Короткая стрижка щекотала шею, а прохладный ветер непривычно касался ее. Обычно моя копна, служила мне своеобразным шарфом, но теперь ее не стало.

По территории лагеря, загорелись фонари, и краем глаза, я увидела Гошу, который заходил в расположения сектора В. Наверно сейчас, подопечные порадуют его своим самоуправством. Не думаю, что Гошу возмутит их поступок. Скорее, он одобрительно погладит их по головкам, и пожалеет только о том, что сам до такого не додумался.

На входе в барак, в меня врезался Савва. От парня пахло табаком и это означало, что этот дебошир, умудрился пронести сюда сигареты. На тот момент, я бы с радостью отравила себя табачным дымом, но просить сигарету не стала. Я уже и забыла, что злилась на него. Или просто не могла долго это делать. Должна признаться, Савва обладал необъяснимым обаянием. И это факт.

Поставив меня под слабый свет фонаря, он схватился руками в мою робу.

— Признавайся, куда ты дела нашу Соню? — громко спросил он, тряся меня за плечи. — Что ты с ней сделала?

— Перестань, — устало попросила я. — Ты сам видел, что моя прическа нуждалась в обновлении.

— В следующий раз, буду аккуратней в своих выражениях. Кто знал, что ты воспримешь все так буквально?

— Ты тут не причём. Я сама захотела перемен, — солгала я, накручивая на палец короткую прядь.

Савва подозрительно приподнял бровь.

— Не знал, что в колонии открылся парикмахерский салон, — сказал он. — Круто! Давно хотел сделать педикюр!

Я натянуто улыбнулась. Я поражалась Савве, даже в самые отчаянные времена, этот человек заставлял меня улыбаться. Но именно по этой причине, я ничем с ним не делилась, боясь, что все переведется в шутку. Он не знал о моих проблемах дома и пока, я ни с кем не хотела говорить об этом. Никто не видит моих слез через улыбку и Савва не исключение.

— Теперь, ты настоящая Соня Блейд, — сказал парень, проведя рукой по моей голове. — У неё была такая же причёска, — его пальцы остановились на моей щеке и задержались.

Его глаза блеснули, а уголки рта приподнялись.

Мое же сердце заколотилось. Уже второй раз за день, Савва ставит меня в крайне неловкое положение.

Я понятия не имела, как правильно повести себя в этот момент и поэтому, выбрала самый тупой вариант.

— Прости, — убрала я его руку и, проскочив мимо него, забежала в барак.

Захлопнув дверь комнаты, я немного отдышалась. Господи, как можно быть такой идиоткой? Я чувствовала себя полной дурой, когда от банального прикосновения, округлила свои глаза до пугающих размеров.

Мои зашкварные чувства, заглушила Волкова, которая облокотившись о раковину, что-то делала со своей рукой. Сквозь темноту, я заметила, что девочка обматывает её куском простыни. Аля уже спала, и поэтому, Майя занималась собой самостоятельно. Но что с ней произошло?

— Тебе нужна помощь? — спросила я, подходя к ней.

— Обойдусь, — фыркнула Майя, повернувшись ко мне спиной.

Даже в кромешной тьме, по вжатым плечам и опущенной голове, я распознала, что девочка подавлена. Проигнорировав её отказ, я уверено подошла к ней и взяла за руку.

— Что они сделали с тобой? — ужаснулась я, увидев воспалённую кожу и огромные волдыри. — Господи, тебя сильно больно?

— Нет, блин, щекотно, — съязвила Майя, и было видно, что она борется с болевыми ощущениями. — Они видимо решили, что я обожаю вариться заживо.

Я грустно ухмыльнулась.

— Поверь, меня они любят зажаривать. Даже не знаю, кому из нас повезло больше.

— Видимо, Коротышке, — Майя кивнула в сторону, откуда доносился Алин храп.

Я посмеялась, а потом заметила, что кусок простыни сухой.

— Его нужно намочить холодной водой, — я открыла кран. — Тебе так будет легче, только компрессы надо менять всю ночь, — лечебная тряпка была мокрой и готовой к использованию.

Волкова позволила мне аккуратно наложить повязку на её травму.

— За что они тебя наказали? — поинтересовалась я, накручивая самодельный компресс на ожог. — Даже не представляю, что такого можно натворить, чтобы получить такое наказание.

Волкова поджала губы, и злостно выдохнула через нос.

— Перевернула суп на чёртову бабку, — процедила она сквозь зубы. — Столько крика было, хотя суп был слегка тёплый. Я думала, что от ярости, Герман подвесит меня на заборе, но он решил действовать по старинке.

Я покрутила головой, переваривая информацию.

— Подожди, ты сказала: бабка? Откуда ей тут взяться?

— Герман привёз, это его мать. Она парализована и практически не говорит. Только мычит, как корова. Мне сказали последить за ней, только они забыли, что я работала танцовщицей, а не сиделкой.

— Жуть, — поморщилась я. — Уверена, это Герман довёл её до такого состояния. Он из любого сделает инвалида.

— Не исключено, — согласилась Майя, а потом присмотрелась ко мне. — А с тобой что? Захотелось перемен? — она заметила мою причёску.

— Это все Котовы, — вздохнула я, — сначала собирались поджечь, потом подстричь... В итоге, я решила им помочь и сделала это сама.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Я завязала на её руке узел.

— Это очень странно, — сказала Волкова. — Ты говоришь, как будто не о них. Когда ты утром сказала, что они хотели тебя спалить, я не поверила своим ушам. Я знаю, Марата и Тихона совсем с другой стороны.

— Это потому, что ты им нравишься. Тихону, уж точно. Поверь, это только минимум неприятностей, которые они мне доставляли.

— Я видела, что они придираются к тебе, но не думала, что все настолько плохо. Может, на то есть какая-то причина?

— Наверное, лицом не вышла, — буркнула я себе под нос. — Ты сама видела, как они поправляли мою физиономию, тогда в сарае.

За дверью слышались шаги и возгласы Рины. Она объявляла отбой.

Майя потянула меня за собой, усаживая на свою кровать. На ту кровать, к которой категорически было запрещено подходить. И даже дышать рядом.

— Ты же знаешь, что они не могли этого не сделать, — говорила она шепотом. — Герман бы не отстал от них. Он просто столкнул вас лбами, чтобы воспитать ненависть друг к другу.

Я нахмурила лоб.

— А уничтожать письмо от мамы? Или обкидывать объедками? Это тоже их Герман заставлял? Что-то я такого не припомню. Это было их личное желание.

Майя расстроено пожала плечами.

— Наверное, я просто многого не знаю, — тихо сказала она, опустив ресницы. — Так поступить с твоим письмом от мамы, было более чем подло.

— Учитывая, что она сильно болеет, и нуждаешься в помощи, — добавила я. — Вдруг, она хотела сказать мне что-то важное? Вдруг, хотела пожаловаться? Теперь, я этого не узнаю.

— Мне жаль, — сочувственно прошептала она. — Почему ты не рассказывала об этом никому? Ну, по крайней мере, я это слышу впервые.

— Не знаю, — печально ответила я. — Мне кажется, что меня не поймут. И, это слишком личное. Большая часть людей, решат, что я жалуюсь.

Майя игриво поиграла бровями.

— А как же твой новый дружок?

— С Саввой мы просто дружим, — покраснела я, вспомнив его взгляд, прикосновения. — И этот болван, все переводит в шутку. Даже сейчас, он решил, что я пришла из парикмахерской.

Волкова приглушенно посмеялась.

— Да уж, редкий кадр, — сказала она. — Я слышала, как жаловался Гоша, на его невыносимое пение из карцера.

— Да уж, он любитель вынести мозги. В этом он мастер.

Удивительно, но я впервые увидела на её лице улыбку.

— Надо идти спать, пока Рина не спалила нас, — я поднялась ноги. — Если нужна будет помощь с компрессом, толкни меня.

— Замётано, — подмигнула мне соседка.

Накрыв себя с головой, тонким покрывалом, я продолжала прибывать в недоумении. Герман притащил сюда всю свою семейку, и каждый, кто связываться с его родственниками, неизбежно получает тумачков. Мягко сказать, тумачков. Любое взаимодействие с его семьей, выходит дельфинам боком. Справедливо ли предположить, что он делает это нарочно? Без сомнений. Своими пытками, он смог надломить саму Волкову. Она явно утратила свой боевой дух.

Кто бы мог подумать, что из всех окружающих меня людей, поделиться своими проблемами смогу только с Майкой? С той, которая на дух меня не переваривает. Или просто делает вид?

Кстати, о притворствах. Почему она считает братьев Котовых хорошими ребятами? Ведь очевидно, что они заядлые хулиганы. Они — сплошная мини версия Германа. Неужели, мне стоит сомневаться в их действиях? Уже не впервой, они пудрят мозги, якобы скрывая истинные причины своего поведения. Марат имел совесть сказать, что ударив меня, помог мне. Чушь! Пусть они дурят Волкову, Савву, хоть всю колонию, но не меня. Я не поверю в эти нелепые сказки. Ни за что.

Может, я и вправду слишком недоверчиво отношусь к людям? Мир не может подстраиваться под одного человека, но человек может изменить мир внутри себя. Может, мне стоит присмотреться к людям вокруг? Ведь, до этого дня, даже Волкова казалась мне бесчувственной натурой.

Я была рада, что этот странный день закончился, и искренне хотела, чтобы этот надоедливый круговорот тревожных мыслей оставил меня в покое.

Но почему, я все никак не перестану думать о том поцелуе...

Глава#14. Выхода нет

Если вы поставите большой и указательный пальцы так, чтобы между ними примерно оставалось 2–3 сантиметра, то вы наглядно увидите приблизительное количество сил, которых у меня осталось.

Это было начало ноября, и вроде бы стоило радоваться, что твой резиновый срок медленно продвигается к финишу, но из-за резкого похолодания, которое в разы усложняет выполнение задач трудотерапии, радоваться, совсем не получается. Ещё эти массивные, тяжелые куртки, которые нам выдали на период морозов, усложняли мне не только работу, но и самопередвижение. Моим костлявым плечам, казалось, что я постоянно тащу на себе мешок с пятью жирными котами. Даже не знаю, почему я сравнила эту тяжесть именно так, но суть не в этом — я чувствовала себя подавленной и морально, и физически.

А может все потому, что Савва скоро покинет колонию, а я совершенно не хотела его терять. Он будет первый из всего нашего преступного коллектива, кто выберется из этого Ада, честно пробыв весь назначенный судом срок. Меня разрывало на части: с одной стороны, мне будет жутко не хватать Савву, а с другой, оказавшись на свободе, он мог бы пустить в массы информацию о том, что здесь твориться. Я и Савва общаемся, как и раньше, без каких-либо неудобных моментов. Он в свою очередь, закрыл глаза на мою нелепую выходку и больше не поднимал эту тему. Но, не смотря на нашу идиллию, я не могла игнорировать то, что он общается с Маратом и Тихоном. Я, нервно кусала локти, когда видела их вместе, за разговорами в столовой, за общением во время вечерних прогулок и не могла с этим смириться. Но, все равно молчала. Я не вправе указывать, с кем ему дружить, даже если эта дружба не поддавалась никакой логике.

Аля и Глеб, проводят очень много времени вместе, хотя мне трудно представить хоть одно совместное занятие, которое было бы в их общих интересах, но ребята не отлипают друг от друга. Глеб увлекается миром фэнтези и различными видеоиграми, а Аля думает что Хоббит, это название средства для прочистки труб. Но, если все это построено на искренности, кто я такая, чтобы скептически относиться к ним? Та, которая коллекционирует таблетки под линолеумом, безрассудно отстригает волосы и прячется за картофельными кучками. Мне следует помалкивать. Определенно.

Каждое новое правило в колонии «Дельфин», тащило за собой шлейф негатива. Например, те дельфинята, которые не могли по каким-то причинам уснуть после отбоя, считались бессовестными лодырями. Герман считал, что эти подростки не добросовестно выполняют задания, раз соприкасаясь с подушкой, не впадают в беспробудную спячку и поэтому, заставлял их работать по ночам. Это было не справедливо. По себе знаю, что во время сильных переживаний, сон как рукой снимает, а порой коварное чувство голода не даёт, сомкнуть глаз. Но у Германа свои мысли по этому поводу. Теперь, дельфинята в идеале играют роль спящего человека, а тем беднягам, которым, по проказам злой судьбы неожиданно приспичивало, приходилось терпеть до утра.

Ещё одно из таких правил, гласило о том, что любое продолжительное взаимодействие подростков противоположного пола друг с другом, расценивалось, как наличие неверных мыслей и нежелание стремиться, к прозрачной чистоте души. Этот порок, вымывали ледяной водой, в минусовую температуру и на глазах у всей колонии. Так сказать, остужали грешный пыл. Бред. Почему, тогда он не создал колонию одного полового признака? Может

быть тогда, все было в разы лучше? Например, в женской колонии, меня бы никогда не увидели Котовы, а я, соответственно их. Очень трудно не взаимодействовать со своим нелюбимым сектором, когда приличная его часть — мальчишки. И это только маленькая часть испытаний, через которые мы проходили. Ни для кого не секрет, что методы излечения, которые придумывал Сико, больше походили на средневековые пытки.

Но сегодня, меня сильно насторожила новость об увеличении дозировки принимаемых таблеток. Вроде бы, этот факт не особо должен меня касаться — я их не употребляю, но я переживала за ребят. Было очевидно, Герман хочет подавить дельфинов и превратить безвольных марионеток подобных зомби. Все его действия, приказы, нововведения — это тщательно спланированная система, преследующая крайне недобрую цель.

Сегодня, я вышла во двор, потому что у Лили была какая-то просьба, и она попросила подождать ее у входа в барак. И вроде бы ничего обычного, только я все никак не могла найти свою куртку. Веселый мальчишка из моего сектора, вежливо намекнул мне, что она лежит под ступеньками у входа. Присмотревшись, я не сразу узнала свою телогрейку, она была похожа на огромный, грязный коврик, который обычно стелют на пороге в квартиру. Прибывая в шоковом состоянии, я попыталась поднять вещь, но у меня это не получилось. Куртка была мокрой и невероятно тяжелой, а рукава уже начали примерзать к холодной земле. Было логично предположить, что это не мистика, а виной тому кто-то до боли подлый.

Подняв разгневанные глаза, я сразу же узрела знакомую компанию, воодушевленную веселым разговором. На соседней территории кривлялись Тихон и Марат, а у их ног стояли металлические ведра. Не трудно было догадаться, кто был виной этой грязной выходки. А я, наивно верила, что после моей стрижки, Котовы дадут мне несколько недель форы. Но больше бесило не это, Савва тоже был в этой компании и, наверное, даже не догадывался, что натворили эти подлецы. Они довольно мило беседовали, и совершенно не обращали внимания на мои яростные искры из глаз.

Как он это делает? Как, чертов Марат, умудряется настолько профессионально, рушить все вокруг меня? Он что, все жизнь готовился к этому? Тренировался быть моим врагом?

Я остановила на нем свой прожигающий взгляд и замерла.

Этот рыжеволосый парень, является невероятно больной личностью, любящий агрессию и издевательства. К тому же сильный, он обожает подавлять слабых. Котов Марат — это оружие, заправляющие всеми, а в первую очередь своим братцем Тихоном. Он всегда выглядит непоколебимым, сдержанным и спокойным, но я знаю, что он настоящий социопат и его стоит опасаться. Это самый опасный вид недругов. Он безжалостен и хладнокровен. Человек, ставящий себя выше других, выходящий за рамки системы. Хитрый и дерзкий, способный просчитывать все на несколько шагов вперед. Он проверят меня. Играется. И я его ненавижу.

Я отчетливо представляла, как мои руки сжимаются на его шее и медленно ломают кости. Перед глазами мелькало его синее лицо и испуганные глаза. Страшно подумать, но меня грели эти мысли. Но, мои криминальные фантазии нарушила Лилия, появившаяся из-за угла.

— Соня, мне нужно, чтобы ты мне помогла убрать территорию возле медпункта, — сказала она, пройдясь по мне недовольными глазами. — Почему ты еще не одета?

— Мне не холодно, — процедила я сквозь зубы, не отводя глаз от ненавистников.

Врач возмущенно открыла рот.

— Ты с ума сошла? У меня полный лазарет больных! Если ты захотела получить воспаление легких, то извини, все места уже заняты!

— Мы пойдем убираться или нет? — спросила я, игнорируя ее крики.

— Где твоя куртка? — повторила она, заправляя свои карамельные пряди за ухо.

Я сделала глубокий вдох и повернулась к ней.

— Ты на ней стоишь.

— Что? — она отступила и посмотрела себе под ноги. — Кто это сделал?

Я скрестила руки на груди, не проронив ни слова. Мое выражение лица ясно дало понять, что я не собираюсь жаловаться. В этом просто не было смысла. Даже указав пальцем на Марата, доказать его вину будет практически невозможно. Когда даже у меня, оставался маленький процент того, что это сделал не он. Да, я отношусь к нему предвзято, но не беспочвенно. Теперь каждое неприятное событие, будет ассоциироваться только с ним.

— Ладно, — Лилия медленно потеряла переносицу, — тогда иди к Герману, проследишь за бабушкой Рут.

Я в панике округлила глаза.

— Нет, пожалуйста, — взмолилась я. — Я не умею следить за стариками. Я даже накормить ее не смогу. Когда я последний раз приготовила яичницу, у мамы откололось пол зуба, потому что это было похоже на куриный сухарик. Не отправляй меня туда, пожалуйста, — тороторила я, рассчитывая на ее понимание.

— У меня нет выхода, Соня, — жалобно ответила она. — Или улица, или бабушка. Но взять тебя с собой на уборку не смогу. Прости, лучше ты сходишь туда, чем сильно заболеешь.

— Хорошо, — я зажмурилась. — Я присмотрю за ней. Но если Герман сварит меня вместо пельменей на обед, это будет на твоей совести.

— Ты справишься, — улыбнулась врач и поспешила найти нового помощника.

Проходя мимо Марата, Тихона и Саввы, я едва сдерживалась, чтобы не накинуться на них. Сжав кулаки, я сохраняла самоконтроль. Надо идти вперед и не обращать внимания. Просто идти.

— Сонтъяго! — меня заметил Савва и попрыгал в мою сторону. — Стой, мне нужно тебе кое-что сказать.

Я остановилась.

— Я собрал для тебя витаминов, — заговорчески сказал он и показушно подмигнул.

Мои глаза закатились.

— С тобой нельзя идти в разведку. Ты треплешься, когда вокруг полно людей. Если бы про это услышала Лилия, я бы тебя убила.

— Но тут никого нет. Лидии тоже. Так что, занесу тебе их вечером.

— Хорошо, — тихо сказала я. — Спасибо.

Интересно, он понимал, что он делает? Он в действительности думал, что это витамины? Что-то я сильно сомневаюсь.

— А ты — горячая штучка, я смотрю, — поиграл он бровями, смотря на мою робу. — Где твоя одежда.

— Спроси у своих новых друзей, — буркнула я, заметив, что он растерялся. — Я уверена, они точно располагают информацией.

Я не стала дожидаться ответа Саввы и пошагала в домик Германа. По пути, я думала лишь о том, что как не хочу сидеть со старухой, которая породила на свет безжалостное

чудовище. О том, что насколько нужно быть аккуратной, чтобы не влететь на новое наказание, как случилось с Волковой. И даже не догадывалась, что история, которая там произойдет, зацепит меня за самое живое. Эта бабушка запомнится мне навсегда.

В домике Германа, мы были совершенно одни. Мать Германа сидела в инвалидном кресле и, слегка склонив голову на плечо, тихонечко сопела. Она дремала. Бабушка была очень худой, от чего на руках виднелись глубокие морщины. Седые, полупрозрачные волосы спадали на плечи, а веки печально закрыты. Она не вызывала ощущение отвращения, как было с Германом и не казалось злой ведьмой. Типичный Божий одуванчик, сломленный возрастным недугом.

Пока бабушка спала, а Герман с другими вожатыми ошивались на поле, я решила не терять время даром. Отчаянно, я полезла капаться в столе директора. В шкафчиках лежало много документов, сигары, фотографии маленькой Евы и других детей в младенческом возрасте, но меня это не интересовало. Я хотела найти хоть какое-нибудь доказательство того, что он психопат. Полки шкафа, были наполнены ненужным барахлом и странными книгами:

Организованы, чтобы исполнять волю.

Священное писание.

Верный и благоразумный раб.

Осуждены за веру.

Пленники идеи. И прочая чушь. Но привлекла мое внимание, маленький ежедневник с подписью: Сико.

Открыв его, я поняла, что это личный дневник Германа. Это было понятно, по недавним датам и страшным записям. Каждый день, он придумывал и описывал формы пыток. Мои ладони вспотели, когда я читала, что творилось с остальными ребятами. Как глупо было предполагать, что достается только мне. Безумец писал красиво и красочно, описывая каждую деталь. Мне хотелось выронить эту безобразную вещь, но я хотела найти себя. Мне были интересны его мысли касательно меня.

Перелистывая каждую страницу, я старательно искала глазами свое имя. Но задержалась совсем на другом. Это было отелльное письмо. Доклад, адресованный государственной власти. Это была некая идея, относительно колонии «Дельфин», там он представлял свои размышления о религии и воспитании. Он уверял, что нашел метод решения проблемы, с которой сам столкнулся в своем уголовном прошлом, чтобы помочь детям избежать его ошибок.

Что за уголовное прошлое, о котором он пишет? Господи, какой идиот, смог одобрить ему этот проект? Они вообще знают, что тут твориться? Или хорошо присмотреться, им мешают купюры Сико? Очевидно же, что он псих! Он возомнил себя мессией, несущим особое знание свыше. Только он не предполагает, что создал настоящий ад, на маленьком клочке земли.

Меня отвлек кашель пожилой женщины, и я, вырвав несколько страниц с пытками, незаметно засунула их в карман.

Я медленно подошла к проснувшемуся телу и села на табурет около нее. Она открыла глаза и одарила меня теплой улыбкой. Я ответила ей тем же.

— Здравствуйте, — тихо и робко поздоровалась, но та лишь покивала в ответ. Майка говорила, что бабушка не разговаривает, а только временами мычит.

Я растерялась, так как совершенно не имела опыта в общении с больными людьми. И

мне так было страшно сделать что-то не так и получить от Германа, что в голову не приходило ни одной здоровой мысли.

— Меня зовут Соня, — представилась я. — Я буду за вами присматривать. Я знаю, что вас зовут Рут. Значит, будем теперь знакомы.

Потускневшие глаза сверкнули теплом и добротой. Мне даже показалось, что слегка заслезились.

— Чем я могу вам помочь? Может, вы хотите кушать? Или может, почитать вам?

Рут в отказе покачала головой. Она сжала одну руку на своей тонкой ночнушке и ткань смялась. Сначала, я расценила это как раздражение на свою чрезмерную навязчивость, но это было не совсем так.

В комнате, у самого порога, я увидела ведро. Я решила, что оно предназначено для Рут, потому что в общий туалет ее никогда не вывозили. Я бы заметила. А потом, я вспомнила, что именно такие же ведра, стояли возле Марата. Только я сильно сомневалась, что он выносил именно их. Наш господин, никогда бы не снизошел до такого поручения. Да и моя куртка, было точно облита водой.

Еще одна мысль, словно маленький мотылек, пролетела в голове. Порог этой комнаты — это отчетная точка всех событий, которые здесь происходили. Именно здесь, я получила первое, унижительное свое наказания. Это был ремень. Даже смешно, ведь это была самая гуманная демонстрация из всех.

Мое внимание, снова перешло на Рут.

— У вас парализована левая часть? — бестактно поинтересовалась я. — Это был инсульт?

Старушка поджала бледные губы и кивнула.

— У моей мама тоже был инсульт, — с грустью сказала я. — И теперь, ей тоже понадобится инвалидное кресло. Ведь это не лечится?

Рут помотала головой, и накрыла своей теплой ладонью мою руку. Она намекнула мне, что все поправимо.

В голову закралась не самая нравная мысль. Еве необычайно повезло с бабушкой. Ведь Рут никогда не сможет, доканывать внучку своими старческими разговорами, от которых нормальный человек старательно уходит. Интересно, а какая мать у Евы? Знает ли она, куда отпустила ребенка, и какой ее муж на самом деле тиран?

Неожиданно Рут начала показывать в окно пальцем и издавать непонятные звуки.

— Вы кого-то там увидели? — не понимала я. — Может, хотите погулять?

Но стоны Рут стали еще громче, она чего-то боялась. Взглянув на окно, я ничего не увидела. Подоконник был пуст, а шторы занавешены.

— Вас кто-то напугал? Там никого нет. Не бойтесь.

Старушка не успокаивалась. Тогда мне пришлось подойти к окну и сделать движение руками, будто разгоняю птиц.

— Кыш, кыш, — проговорила я и повернулась к ней. — Все чисто. Оно ушло.

По ее выражению лица и по глазам, я поняла, что она успокоилась. Да, задание оказалось не из легких.

— Наверное, это тяжело, быть прикованной к одному месту? — я села обратно на табурет. — В этом мы похожи. Мы с вами, заложники злой судьбы.

Рут потянулась за листком бумаги и ручкой, а потом, написав несколько слов, передала его мне.

Мне жаль, дочка. Жаль, что вы попали в эти руки.

Я подняла на нее взгляд.

— Получается, вы знаете, что творит ваш сын?

Рут кивнула мне, ее губы затряслись и из глаз покатались горючие слезы.

— Не плачьте, пожалуйста, — я погладила ее по плечу, но она попросила листок обратно, но на этот раз писала дольше.

Бабушка плакала, и я очень пожалела, что завела этот разговор. Листок, который она дала мне, уже стал влажным.

Он обижает меня. Наказывает. Не дает лекарства. А от таблеток, которыми он меня пичкает, мне становиться только хуже. Мои ночные хрипы, он заглушает подушкой, хотя знает, что мне нужен свежий воздух. Он устал от меня и хочет побыстрее избавиться.

Я прибывала в шоковом состоянии. Когда я читала эти короткие предложения, в моем горле образовался тяжелый ком. Я приложила кулак ко рта, чтобы подавить свои эмоции. Вот, кто на самом деле был беспомощен. И самое обидное, что я совершенно не знала, чем ей помочь. Я в принципе, не смогла бы этого сделать.

Бабушка прибывала в отчаянии, но льдом за шиворот оказался Герман, который неожиданно зашел в комнату. Может, именно об этом, меня хотела предупредить Рут.

— Что тут происходит? — спросил он, вытаращив на нас глаза. — Мама, тебе плохо?

Я быстро смяла записку в кулаке и спрятала в карман, который уже переполнился бумагой.

Рут замерла, стараясь сделать свое лицо обычным.

— Ты что, обидела ее? — прорычал Герман, обращаясь ко мне и осматривая старушку.

— Нет, ей приснился плохой сон, — лгала я. — Она начала рыдать еще во сне.

— А ну, пошла вон, — приказал он.

— Но я ничего не сделала!

— Я сказал, пошла вон! — он показал мне пальцем на дверь.

Я сидела на ступеньках, у входа в барак, глотая прохладный вечерний воздух. Как это тяжело, когда ты видишь аморальную ситуацию, но никак не можешь на нее повоздействовать. Мне было настолько тяжело дышать, будто в мою душу накидали тяжелых булыжников. Казалось, я могу смириться с издевками над дельфинами, потому что больше ничего не оставалось делать, но когда трогают стариков, это ужасно и неприемлемо.

— Витамины: А, В, и С, как и заказывала, — ко мне присел Савва и протянул упаковку транквилизаторов. — И как настоящий друг, я не буду спрашивать, зачем они тебе, потому что полностью тебе доверяю. Ведь так, должны поступать друзья? А то ты последнее время сомневаешься в моих чувствах. Ой, в намерениях. То есть, в моей дружественной искренности.

— Я не сомневаюсь в тебе Савва, — сказала я, пропихнув в карман еще и таблетки. — Просто ты общаешься с плохими людьми. Они тебе не друзья. Мне уж точно.

— А с кем мне еще общаться? — негодовал он. — С зомби Глебом? Или его извращенной подружкой? Может, ты хочешь, чтобы Волкова засадила мне в глаз каблук? Я определенно ей не нравлюсь.

Я слегка улыбнулась.

— Не хочу тебя огорчать, но такого мнения не только Волкова. Таких очень много.

— Во поэтому, — выпрямился он, — я общаюсь только с избранными. Ты должна гордиться, что ты из их числа.

Я потеряла ладошки и подышала, чтобы немного согреть их.

— Вот это мне и не нравится, — подметила я. — Я никак не могу быть в одной куче с Котовыми. Пусть даже эта куча называется «Избранные». Мне проще закопаться в помоях и надеть на голову пакет.

Савва улыбнулся и, заметив мою дрожь, обнял одной рукой.

— Я не хочу, чтобы ты копалась по помойкам, — он сделал небольшую паузу. — Но учитывая твою новую прическу, от пакета, отказываться — не стоит.

Я сильно ткнула его в бок локтем, а тот засмеялся.

— Я буду по тебе скучать, — сказала я полупшепотом, вытирая нос об колено. — Даже не знаю, кто будет веселить меня, когда тебя отпустят.

— Попрошу Марата, щекотать тебе пяточки перед сном.

— Господи, у тебя на все найдется дурацкий ответ.

— Я такой, какой есть, — довольно сказал он.

— Вот именно это меня и поражает. Тебя как будто не касается вся эта ситуация. Я бы никогда не подумала, что у тебя есть какие-либо проблемы.

Савва глубоко вдохнул свежего воздуха.

— Я везунчик, мне незачем огорчаться.

— Это точно. Учитывая, что скоро выйдешь отсюда, — с наигранной завистью сказала я.

— И сделаю это очень эффектно, — отшутился он. — Уйду чертовски красиво и феерично.

Я закатила глаза.

— Кто бы сомневался.

Мы замолчали на какое-то время. Не смотря на морально тяжелый день, сейчас мне было легко и хорошо. Его объятья больше меня не смущали. Савва профессионально вытаскивает людей из стрессового состояния, и это все без особых усилий. Это какой-то Божий дар. Ему надо работать психологом в тюрьмах и пансионатах.

Я почувствовала знакомый запах табака.

— Угости меня сигаретой, — попросила я, похлопав невинными глазами.

Савва изогнул бровь.

— Во-первых, ты не куришь. Второе, с чего ты взяла, что у меня есть сигареты?

Мои губы недовольно надулись.

— Не притворяйся. Я знаю, что они у тебя есть.

Парень покачал головой.

— Маленький шпион, — пробурчал он, засунув руку в карман.

Несколько чирков спичкой, и едкий дым заполнил мои легкие. Прокашлявшись, я впервые насладились табачным дымом.

— В доме у Германа, тяжелобольная женщина, — проговорила я. — Это его мать. Он издевается над ней тоже. Это ужасно. На этого уродца, совершенно нет управы.

— Наслышан, — спокойно сказал Савва. — Редкий ублюдок, — он плюнул себя под ноги.

Уголек, как сверчок продолжал то вспыхивать, то потухать во тьме.

— Мне нужно с этим что-то сделать, — уверенно сказала я. — Если хорошо все обдумать, то я смогу.

— Можешь, — ответил он. — Но не станешь. Оставь это мне. Когда я выйду, я решу, что

с этим делать. Поверь, мой отец не последний человек. Он прислушается ко мне.

Я верила каждому его слову. Я доверяла Савве. Он действительно мог поднять общество, против Германа. Мне хотелось сидеть так до утра, пока не взойдет теплое солнце. Я хотела болтать ни о чем, вспоминать дом и смеяться над его шутками, но в горле комом застряла одна лишь фраза.

— Мне нужно выбраться отсюда, Савва. Другого выхода нет. Мне нужен план побега.

Глава#15. Мучительная весточка

Салют, Сантьяго!

Не подумай, что я какое-то сыкло, и не смог попрощаться с тобой на прямую. Это не так. Не будь я таким проникательным и умным, ты бы никогда не смогла прочесть это послание. Я предполагал, что меня выпустят в самый неожиданный момент, поэтому заранее написал тебе письмо и передал зомби-Глебу. Надеюсь, он его не сожрал, потому что вид у него был не самый свежий. Так что держись от него подальше, ты у нас лакомый кусочек. Я переживаю.

Знай, я помню наш разговор. Конечно, ты могла быть «под витаминами», но я выполню обещанное. Надеюсь, когда люди узнают об этом месте, Герману наступит полный кирдык. Так и будет, я уверен. А ты должна держаться. Просто обязана. И ты справишься. Я сразу понял, что ты особенная. Соня, ты очень сильная и сможешь многое. Забудь про страхи, вытащи это из себя, стань собой.

Когда я увидел тебя впервые, мне показалось, что нашёл родную душу. Такую, как и я. Я ошибался. Ты, конечно, мне родная, но координально отличаешься от меня. Ты добрая и бесстрашная. Мы ещё увидимся. Обещаю. А пока остаётся только скучать. Уверен, у меня будет ломка без тебя.

Ты — мой личный сорт героина.

А вот это точно фраза из Сумерек.

Вот черт, я стал как моя бабуля.

Счастливо. Савва.

Колония «Дельфин» — это как жуткий, глубокий сон, который затягивает тебя и постепенно уничтожает шанс на пробуждение. Представляя собой место, где злоба и беззаконие порождают что-то особенно страшное, оно душит тебя и со временем, ты прибываешь в состоянии кислородного опьянения. Только ты не умираешь. Тебе дают немного отдышаться, а потом все по новой.

Я держала в руках мятый клочок бумаги и не могла поверить, что больше не увижу Савву. В моем и так наполовину пустом сердце, появилось ещё одно свободное место. И если в этом мире, помимо мамы и нескольких моих друзей, остались люди, которым не безразлична моя судьба, то присаживайтесь. Всем хватит мест. Я не стала с головой впадать в депрессию, так как благодаря Савве, у нас появился крошечный шанс. Шанс, чтобы выбраться из этого Адского плена.

Год назад, месяц декабрь, означал преддверие чего-то волшебного, сказочного и чудесного. Перед новогодними праздниками, мы с мамой, нарочно озадачивали себя приятными хлопотами, чтобы не оставалось времени на скуку. Пока мама ставила искусственную елку, я распутывала фонарики и обязательно где-нибудь рвала проводки. Когда из соседних окон, елки переливались разноцветными огоньками, наша красавица, добродушно была завалена одной мишурой. Мама готовила различные салаты и учила меня делать цветы из овощей. Помню, как пускала слюни, на маленькую баночку красной икры, которая зачем-то покупалась за месяц до праздника. И ещё множество вкусных продуктов, на которые мама клеила этикетку с надписью: «На Новый год». Это было чудесное время, и мысль о том, что на этот Новый год я не увижу маму, не посмотрю телевизор, не поем консервированных ананасов, очень угнетала.

Колония «Дельфин», готовилась к этому немного иначе. Снег не переставал ложиться хлопьями на землю, и мы бесконечно чистили от него территорию, натирая ладони об черенки от лопат. Даже через перчатки. В меню столовой, не появилось салата «оливье», а о мешках с конфетами, мы могли только мечтать. Одним словом, не поменялось ничего. Ни май, ни август, ни декабрь, не спешил нас чем-нибудь порадовать.

И вот сейчас, с самым бездушным выражением лица, я втыкаю лопату в снег и надеюсь, что причиняю боль белоснежному предателю. Мои руки колит от холода, а спина потеет от тяжелых и трудных движений. Я проклинаю всех и вся. Тело греют только воспоминания о матери. И о Савве. Тот человек, который вызывал у меня положительные эмоции, сейчас скорее всего... Хотя трудно представить, чем сейчас занимается Савва. Я не удивлюсь, если он читает пособие для новичков «Схемы плетения макраме». Вот серьёзно, не удивлюсь.

— Приветствую вас, Соня, — серьёзный голос за моей спиной, заставил отвлечься от снега. — Чудесная погода, не так ли?

Повернувшись, я увидела Германа, в толстой дубленке с воротником из чернобурки. Он явно не постеснялся своего образа, учитывая в какой одежде, были сейчас мы.

— Здравствуйте, — неохотно поздоровалась я, нутром чувствуя неладное. Любое внимание с его стороны, это жирный намёк на опасность. Любой диалог с Германом, не мог закончиться любезностью и объятьями. Просто не мог.

— Я заметил, что последнее время, вы прибываете не в самом лучшем расположении духа, — сказал он, проедавая меня глазами. — Может быть, это апатия?

Я решила общаться с ним, не отвлекаясь от работы. Так было проще, чем смотреть на него.

— Вы ошибаетесь, — ответила я. — Я всегда в таком настроении. Радоваться особо нечему.

— Неправда, — воспротивился Герман. — Сейчас, вы особенно печальны. Могу я предположить, что это связано с уездом вашего друга Савелия?

Я заметила, как дельфинята стали коситься в нашу сторону. Им было интересно, что я такого натворила и что меня ждёт.

— Да, я расстроилась, — я ногой вогнала лопату в сугроб. — Изначально. Но сейчас я рада за него. Надеюсь, у него все сложится.

Герман задумчиво потёр подбородок.

— Значит, дело не в этом, — медленно проговорил он. — А может, вас терзает другое? Может, вы нагрели и не в состоянии простить саму себя?

Я замерла. О чем, он говорит?

— Исключено, — сказала я, ощущая, как немею пальцы. — Я не чувствую себя виноватой.

Герман помахал своим морщинистым пальцем в воздухе.

— Но вы не отрицаете того, что могли совершить проступок, — давил он. — Одно дело — согрешить, другое дело — не чувствовать своей вины.

— Я ничего не сделала, — стояла я на своём, даже боясь предположить, что он имеет в виду. Неужели, спустя такое количество времени, он догадался, что я копалась в его вещах?

— Я очень надеюсь, что хотя бы перед Богом, вы соизволите покаяться, — сказал он, и в промежутках между его слов просвечивалась неподдельная угроза. — Всего доброго.

Я смотрела ему в след, находясь в лёгком недоумении. Это все? Он поверил мне на слово? Или это затишье перед бурей? Что именно он имел в виду? О каком грехе говорил?

Провожая директора глазами, я поняла, как сильно оцепенели мои пальцы. Работы ещё валом, а значит, мне нужно было немного погреться, чтобы продолжить уборку снега.

Забежав в лазарет, я аккуратно сняла мокрые перчатки. В медпункте не находилось ни одного больного, потому что Лилия хорошо над эти потрудилась. Она отлично приоровилась вычисляться симулянтов, поэтому, одного кашля для госпитализации стало недостаточно.

Дыша на свои ладони, я вспомнила про свои улики. Эти клочки бумаги из дневника Германа, я припрятала слишком хорошо. И пусть мне достанется за это, но они их никогда не найдут, а я никогда не признаюсь в краже. Хотя, кто знает? Герман промолчал, он сомневается, а значит, это может сойти мне с рук. До боли замерших рук.

Дверь лазарета захлопнулась — в помещение зашёл Марат. Вальяжно, по-царски, не отряхивая обувь, он прошагал между кроватей.

— Замёрзла? — спросил он, не скрывая надменной улыбки. — Или опять зашла сюда, чтобы сделать очередную пакость?

— Иди куда шёл, — огрызнулась я, пройдя к умывальнику. С ним я точно не хотела вести диалог.

Марат догнал меня и перекрыл выход, повиснув на пороге санкомнаты.

— А я сюда и шёл, — уточнил он, раскачиваясь на дверных косяках. — Пришёл проследить, чтобы все оставалось лежать на своих местах.

О, как мне надоели его издевки. Меня уже выворачивало, от этих двусмысленных фраз.

— Значит, уйду я, — сказала я, попытавшись проскочить мимо него, но он выпрямил каменную грудь, откинув меня обратно.

— Не так быстро!

— Что опять, Марат? — процедила я сквозь зубы. — Что на этот раз тебе надо?

Марат хлопнул пальцем по своей нижней губе.

— И вправду, что ты натворила на этот раз? — его губы сложились в узких полоску, а картавая речь резала мне ухо. — Говорят, ты не чиста на руку. Мне сказали, что ты обворовала Германа. Тебя жизнь вообще ничему не учит?

Теперь, мне все стало ясно — Герман снова натравил на меня своих шавок.

И вот, одна уже начала скалиться.

— Это неправда! — рыкнула я. — Но и перед тобой, я не собираюсь оправдываться. Кто ты такой, чтобы я перед тобой отчитывалась?

Его огненные брови сошлись на переносице.

— Откуда столько смелости? Если бы я не пообещал твоему другу, что не трону тебя, тебе бы не поздоровилось. Хотя, — его лисьи глаза сверкнули азартом, — твоего друга сейчас здесь нет, верно?

— Играйся со своими шестерками, Марат. Мне это не интересно.

— Как не вежливо, — покачал он головой. — Надо бы научить тебя манерам.

Я скрестила руки на груди и усмехнулась.

— Это ты меня манерам учить собрался? Ты, закомплексованный мудака, который самоутверждается за счёт слабых? Нет, прости, ты далёк от моего кумира.

Марат громко посмеялся.

— Это ты, меня закомплексованным называешь? Посмотри на себя, ты — наркоманка, которая ворует таблетки и лазает по чужим шкапам. Как думаешь, мамочка бы тобой гордилась?

Я сильно сжала челюсти. Он не имел права, говорить о моей матери. Пусть лепечет что угодно, но её он не смеет трогать. Это единственный человек, который должен оставаться неприкосновенным и за него я буду рвать. Разрывать.

Если Марат решил бить по больному, я отвечу тем же.

— А твоя мамочка, гордиться тобой? — мои глаза сузились до щелок. — Она гордиться своим сынишкой, который поджарил ни в чем не повинных людей? Уверена, она волнуется, накормили тебя или нет. Переживает, хорошо ли обращаться с её маленьким убийцей.

Марат поменялся в лице. Я посыпала песка на рану. Это было очень заметно, но я даже не предполагала, что у меня получится задеть его этим.

— Хочешь узнать это? — с угрозой спросил он, наступая на меня. — Хочешь почувствовать как это, когда поджаривается твоя шкурка?

— Не походи ко мне! — я толкнула его в бетонную грудь, но он не шелохнулся. — Только тронь меня, говнюк! Тебе сильно достанется!

Он медленно наклонился к моему уху и прошептал:

— Не пугай меня, а то я обделаюсь от страха.

Марат схватил меня за руку и приложил её ладонью к раскаленному радиатору. Я закричала, но не от жара, а от болевого удара, который пронзил руку до локтя. Замороженные пальцы, об горячую батарею, пронизывало жутким ощущением и казалось, что моя конечность начинала чернеть.

— Ну как? Нравится? — измывался он. — Чувствуешь, как плавиться твоя кожа?

Я попыталась вырвать руку, но он придавил её ещё сильнее. Истошный крик застрял у меня в горле.

— Отпусти меня, ублюдок! Ты ответишь за это!

— Да неужели? — глумился он, продолжая удерживать.

Я не знаю, сколько прошло времени, может минута, может две, но этого хватило, чтобы кожа начала кипеть. На самом деле, боль была настолько сильной, что уже была готова сдаться. Хотела разреветься и просить о пощаде, но меня опередила Лилия, вошедшая в лазарет.

В этот момент, в моих глазах, врач осветилась божественным светом. Моя спасительница, была моим ангелом-хранителем, посланным мне с небес. О, как благодарна я была.

Марат незамедлительно отпустил мою руку.

— Что тут происходит? — строго спросила Лиля, смотря на нас, подростков толпящихся в маленьком помещении. — Чем это вы занимаетесь?

Я закусила губу, получив долгожданное облегчение. Пока, я не могла произнести ни слова. Хотя, мне хотелось жаловаться, ябедничать как маленькой и указывать на истязателя пальцем.

— Ничего такого, Лиля, — Марат стряхнул рукой свою рыжею шевелюру. — Соня, заморозила руки. Я помог ей согреться.

— Серьезно?

Лиля скептически отнеслась к его словам и подошла ко мне. Обсмотрев меня, она взяла мою обожженную руку.

— Господи, что случилось? — опешила она, глядя на фиолетово-красную ладонь. — Тебе больно?

Я промолчала, лишь с ненавистью посмотрела на Марата, и врач уловила этот взгляд.

— Ты в своём уме, Марат? — разозлилась она. — Что ты сделал с её рукой? От тебя вечно одни проблемы!

— Ничего я не сделал, — лгал он, не скрывая улыбки. — Она обморозила её и всё. Я просто хотел помочь.

Лилия засомневалась. Она знала, кто перед ней стоит. И верить этому Лису никак нельзя.

— Это правда? — поинтересовалась она у меня, заглядывая в лицо. — Он не трогал тебя? Соня, он говорит правду?

Марат посмотрел на меня холодными, бесчувственными глазами, как будто был уверен, что это сойдёт ему с рук. Так и было. Уверена, это Герман попросил его наказать меня и моя жалоба, все равно останется не услышанной.

Мои мышцы шеи словно заржавели, но я сделала неохотный кивок. Марата удовлетворил мой ответ, потому что озарился улыбкой. Если я сделаю ураган в стакане, то это может выйти мне боком, а мне этого совсем не надо. Герман так просто это не оставит, так что я сделаю вид, что получила сполна.

Лилия недовольно выдохнула и потёрла лицо руками.

— Иди, работай, Марат, — приказала она. — Я поговорю с тобой позже.

Он послушно направился к выходу, насвистывая что-то себе под нос. Циничная сволочь.

— А ты садись на кровать и жди меня, — не менее строго, приказала она мне. — Мне нужно это обработать.

Сев на койку, я посмотрела на свою ладонь. Теперь, я не понимала, от чего колит пальцы: от обморожения или от ожога? Мне было неприятно, но я легко отделалась. Рука не была повреждена, а волдыри не вздувались, как было у Волковой. Просто ноющая, отвратительная боль, которая постепенно угасала.

— Зачем, он это сделал? — спросила Лиля, присаживаясь рядом со мной. — Я не дура, Соня. Я знаю, что это сделал Марат. Так что, говори, как было. Зачем, он это сделал?

— Понятия не имею, — безразлично ответила я. — Он всегда что-то делает. Ему кажется это забавным.

Врач выдавила приличное количество пахнувшей мази и размазала по ладони. Это было очень приятное чувство.

— Он особенно к тебе относиться, — заявила она, закатывая рукав моей рубы.

— Да, он ненавидит меня. А я его.

— Я не об этом. Это что-то большее. Мне кажется, ты ему нравишься.

— Ты серьезно? — возмутилась я. — Я одна что-то не догоняю? Или теперь вместо любовных писем, принято поджаривать руки?

— Марат своенравный парень, — продолжала она, — но так как тебя, он не достает других девочек. Ты явно у него в фаворитах. Это как в школе. Задирается — значит нравишься.

Я не в первый раз слышу подобные предположения, от которых хочется застрелиться. Все как будто не видят очевидного, а я устала что-либо доказывать.

— Давай закроем тему, — предложила я, в ожидании, когда впитается мазь. Ну а ещё, мне хотелось потянуть время. Продолжать работать на улице мне совершенно не хотелось, да я и не смогла бы этого сделать. Так что буду скулить, пока уборка территории не закончится без моей помощи.

— Ты пришла очень вовремя, — сказала я. — Даже не представляю, как далеко он мог

зайти.

Врач слегка улыбнулась.

— Скажи спасибо, Рут. Ей понадобилась таблетка от головной боли. Старушке стала чувствовать себя хуже.

Мысль о бабушке, отозвалась сокрушительной жалостью.

— Кстати о ней, — сказала я, — ты понимаешь, что она в опасности? Герман издевается над ней. Она сама это рассказала.

— Я догадывалась, Соня, — грустно призналась врач. — Это плохо.

Я выпрямила плечи.

— И это все, что ты скажешь? — возмутилась, глядя, как та замешкалась.

— Мы ничего не сможем с этим сделать, — отрезала она. — И тебе тоже стоит с этим смириться.

— Но я не могу игнорировать это. Я не верю, что и ты сможешь это сделать. Ты сможешь, спать по ночам, зная, что за стенкой плачет старушка? Сможешь, Лиля? — я развела руками. — Я вот нет. Я не могу закрыть на это глаза.

Лилия накрыла своей тёплой ладонью мою коленку.

— Я знаю, это все ужасно, — сказала она с горечью в голосе и болью в глазах. — Я давно хотела все это бросить и устроиться на нормальную работу. Но, когда я представила, что оставлю вас в руках этих нелюдей, то передумала. Вот тогда, я точно не могу спать, потому что так, я хотя бы могу присматривать за вами. Я не могу бросить Рут. Только не сейчас. Я ненавижу это место так же, как и ты, Соня. Но этот кошмар закончиться. Рано или поздно, мы окажемся дома.

— Ты думаешь, Рут хочет этого? — спросила я сквозь слезы. — Хочет ли она домой? Я так не думаю. Ей нужна помощь. Уверена, она будет счастлива, окажись в доме престарелых.

Лилия оглянулась по сторонам, убедившись, что нас никто не подслушивает.

— Мы разберёмся с этим, — пообещала она. — Я разберусь. Тебе не стоит переживать. И я очень прошу тебя, не наделай глупостей, Соня. Они так и ждут, когда ты оступишься.

«Не наделай глупостей» — эхом в голове отдавалась фраза Лилии.

Я лежала на кровати уже около часу, якобы восстанавливаясь после ожоговой процедуры. Лилия оставила меня, объяснив, что Рут нуждается в большей помощи. Это было правильно. Такому человеку как она, требуется постоянный присмотр и пока Лилия находится рядом, ей по крайней мере, ничего не грозит. И Ева будет всегда на виду.

Как можно, не наделать глупостей, когда все, что тебя окружает выходит за рамки морали? Мне хочется обмотаться гранатами и взорвать это место к чертям! Расстрелять Германа и повесить его бездыханное вместе с Котовыми на воротах! Закопать по горло Гошу и Рину, я медленно поливать их головы кислотой! Ух, тогда бы я повеселилась на славу. И при всём при этом, я бы не испытывала ни капли сострадания.

Посмотрев на соседнюю кровать. Я вспомнила наше знакомство с Саввой. Господи, как мне его не хватает. Теперь, я даже надеяться не могу, что меня кто-то спасёт или выручит. Мой герой, отправился спасать мир за изгородью. Или же наоборот, вернулся, чтобы навредить. Он не опасен. Он добрый, я знаю. Как и большинство ребят здесь. Коварные обстоятельства, заставили нас всех встретиться и познакомиться. Сомневаюсь, что Аля будет душить пушистых кошек, когда выйдет отсюда, а Глеб хоть когда-нибудь решиться на аферу. Но, как не близка была наша свобода, фактом остаётся то, что это место меняет нас. Делает злее. Разве я до этого, могла позволить себе мысли, о расстреле людей? Конечно, нет. Я

становлюсь настоящей убийцей, по крайней мере, думаю об этом.

Меня сильно расстраивает то обстоятельство, что в итоге, все люди, с которыми я дружу, покинут колонию, а я останусь до конца. Мне придётся пережить этот срок, оставшись только с Котовыми. Уверена, они устроят мне хорошее шоу перед финалом. Но я буду начеку. Я буду готова дать отпор, но пока совершенно не хочу об этом думать.

Я сильная. Я справлюсь. Даже Савва так считает, и я его не подведу.

На лице заиграла улыбка, когда я представила, что Котовы превращаются в жалких букашек, а я становлюсь огромным тапком и размазываю их по кафельной плитке. Но какими сладостными не были эти мысли, горький комок, засевший в груди, был намного больше.

Может, в чём-то Герман был прав. Я расстроена и переживаю, но это не связано с вырванными листами из его дневника. Абсолютно не так. Это что-то другое. Даже не печаль по другу, не жалость к себе, из-за того, что Марат меня обидел, не переживание за бабушку Рут... Но что же это? Такое волнительное и схожее с панической атакой чувство. Вроде бы, все самое ужасное на сегодняшний день уже произошло, но на сердце, свернувшись в калачик, ядовитой змеей грелось предчувствие чего-то плохого.

Я объяснила это, своими переживаниями касательно побега. Я серьезно планировала его, если же у Саввы не получится убедить общественность. Ведь, если колония «Дельфин» находится под крылом больших людей, не каждый отдел внутренних органов, будет верить на слово бывшему постояльцу. Тем более Савве. Но как любое лицо, призванное защищать людей, оно обязано произвести проверку. И я подожду её. Пока, я не натворю глупостей. Тем более, из всего моего идеально-продуманного плана, я определилась только с датой. Я хочу сделать это на свой День Рождения — это будет отличным подарком, который я только могла вообразить. О свободе, можно было мечтать вечно, но все портит угнетающее чувство, которое никак меня не отпускает.

Чтобы немного отвлечься, я подошла к зеркалу, висевшему на стене, перед входом в кабинет Лили.

Герман определенно был прав. Мое лицо оставляет желать лучшего. И это не из-за нездорового вида кожи, не из-за волос, которые похожи на воронье гнездо, не из-за мешков под глазами, цвету которым позавидовал бы самый искушённый художник, все дело в глазах, они пусты. Они просто потухли. Я больше не вижу в них жизни. Хотя раньше, они блестели азартом, светились от счастья и мечтали о лучезарном будущем. Сейчас все не так. Я выгляжу, мягко сказать: хреново. И как у Али с Волковой, получается выглядеть нормально, независимо от условий?

Ах да, у них же нет столь привередливых «стилистов», которыми обзавелась я. Котовы любят извращаться только над моей внешностью, и экспериментируют только на мне.

Я вздрогнула, потому что дверь лазарета с силой распахнулась. Комнату наполнил холодный поток воздуха и в вечерних сумерках, я не сразу поняла, кто передо мной стоит. Только когда темный силуэт приблизился на пару метров, мне удалось распознать в нем Германа. Что ему от меня нужно?

— Давай присядем, София, — он жестом указал на кровать, но сам оставался стоять на месте. — Нам нужно серьезно поговорить.

Ну что опять, а?

Я послушно села на край кровати, в страхе поджав трясущиеся коленки. Я никогда не ждала, что лицо Германа озарится улыбкой и когда-то начнёт располагать к себе, но сейчас

оно было особенно зловещим. Холодным и спокойным, от чего по затылку пробежала волна колючих мурашек.

— У меня для тебя, плохая весть, — сказал он ноткой удовольствия в голосе, достав из кармана странный документ, напоминающий сертификат. — Прощу тебя, отнестись к этому по-взрослому и не впадать в депрессию.

Взяв листок в руки, я скоростижно, слишком рано, пришла к леденящему душу выводу — это как-то связано с Саввой. Они не отвезли его домой, и случилось страшное.

Мои губы затряслись, пока я всматривалась в знакомые буквы, через плотную пелену надвигающихся слез. Моя интуиция меня не подводила. Вот, что чувствовало мое нутро.

Это было свидетельство о смерти.

Узнав, кому оно принадлежит, я задохнулась. Нет, этого не может быть. Нет, нет, нет.

— Похороны уже прошли, — равнодушно уточнил Герман. — Это случилось несколько недель назад.

Я судорожно вытерла глаза рукой, чтобы убедиться в правильности прочитанного, но буквы плясали в Адском хороводе, словно насмехаясь надо мной.

— Говорят, погребение было достойным. Собрались все самые близкие.

Его каждое слово, словно огромная кувалда, с неистовой силой ударяла мне по голове. Я начала судорожно глотать воздух, справляясь с нахлынувшим чувством потери. Мои волосы встали дыбом, уши заглушило, а мир вокруг поплыл. Больше всего на свете, я хотела, чтобы это был страшный кошмар, в итоге которого, мне остаётся только проснуться. Но это не кошмар, не сон. И все мое подсознание, говорит мне, что я не захочу больше просыпаться.

— Прости, я должен был оповестить тебя раньше, продолжал монотонно Герман. — Я должен был сказать тебе и отпустить на похороны. Мне очень жаль, дорогая. Это всегда тяжело, терять близких.

Его слова, сыпались на меня тяжелыми булыжниками. Из моей груди вырвались первые стоны, словно забирая у меня последний шанс, чтобы задохнуться от горя.

— Я должен был тебя предупредить, — говорил он, наигранном положив руку на сердце. — Но я замотался и забыл. Ведь, я был занят поиском воришки, который копался у меня в дневнике. Ты должна понять. Надеюсь, ты не злишься на меня, Соня.

Я медленно подняла на него свои глаза, всей душой показывая, как я его ненавижу. Смотря на это ухмыляющиеся порождение Дьявола, я выписывала ему смертельный приговор.

— Если позволишь, я тебя оставлю. У меня остались кое-какие дела, — по скрипучему полу, он удалился, испарившись за дверью.

Я сползла вниз по кровати и рухнула на пол. Сначала из меня вырвался истошный крик, а потом охватило потоком невыносимой боли, которая окутала с головы до пяток. У меня болело все: сердце, душа и каждый волосок на теле. Это не передать. Не передать.

Свернувшись от болевых пульсаций в голове, я снова позволила себе закричать. А дальше только, слезы, слезы, слезы... Море слез, о котором обычно мечтает любой дельфин, находящийся в неволе.

— Этого не могло случиться, — хрипела я в пустоту. — Ты не можешь, оставить меня....

Мои руки вцепились в свои же плечи, и словно ненавидя собственное тело, впились в них мертвой хваткой. Мне хотелось думать, что это всего лишь злая шутка, но сердце говорила обратное. Эта боль не сравнится ни с чем.

— Нет, — хрипы превратились в жалобный писк, — не бросай меня. Пожалуйста, вернись ко мне. Не уходи.

Глаза обжигало скорбью, а тысяча лезвий резало меня изнутри.

— Пожалуйста, мама... не покидай меня...

Конец первой части.

Глава#16. Минута молчания

Зови меня белой вороной с черным крылом.

Я ощущаю себя дома, хоть мир мне не дом.

Зови меня кем угодно, мне все ни по чем.

Мой взгляд — это холод, но холод с огнем.

Зови меня ненормальной, зови не стыдись.

Зови меня аморальной, зови не стыдись.

Но в голове своей скромной, запомни одно.

Что мир твой весь скомкан, а ты лишь итог.

Дана Соколова — Разведи небо.

Траурная церемония «Минута молчания», протекает довольно спокойно. Почтить память усопшей Филатовой Сонечки, пришло не много человек. Точнее, никто не пришел. Не слышно трогательных речей и скорбящих всхлипов. Никто не перечисляет список ее положительных качеств и не вспоминает о добрых делах, которые она совершила, будучи еще живой. В помещении царит тишина, нарушаемая только звуком метронома. Она ушла. Ее больше нет с нами.

На улице стоит глубокая ночь. Колючий морозец, словно войдя в положение, не касается открытых участков кожи, а звезды любезно освещают территорию.

На засыпанном снегом поле, возле могилки, которую я вырыла собственными руками несколькими месяцами назад, стоит неприятный скрежет. Я провожу собственные похороны и, прикусив язык, на деревянном кресте, медленно выщарапываю красивую эпитафию о скорби.

Одной звездой богаче стали небеса.

Вышло отлично. Мне нравится, как это звучит.

На лице играет юродивая ухмылка. Подумать только, полоумный Герман был прав. Это действительно работает. Мне становится легче.

Я прочищаю горло, чтобы произнести напутственные слова.

— Дорогая... Нет, что еще за дорогая? Сопли какие-то!

Делаю глубокий вдох и строю серьезное лицо.

— Филатова София Валерьевна, вы покинули этот мир, будучи душевнобольной истеричкой. Всех до чертиков задолбало выше невыносимое нытье. Каждый Божий день, вы отравляли мою жизнь, своим навязчивым присутствием. Постоянные жалобы и бесконечные проблемы, от которых меня выворачивало наизнанку, были верными вашими спутниками. Вы — ужасная зануда. И больная наркоманка. Я очень благодарна, что вы избавили меня от себя. Надеюсь, больше наши пути не пересекутся. Покойтесь с миром, — на последнем слове, меня пробило смехом.

Я сделала низкий поклон, а дельфины похлопали плавниками. Откуда они тут? Мелкие проказники, появляются в самый неожиданный момент.

Да, Герман просто золотце! Мне действительно стало легче дышать. Мне захотелось мороженого. Клубничного. С шоколадной крошкой. И с парашютом захотелось спрыгнуть. Падать и кричать, пока ветер будет надувать твои щеки, как у жирного хомяка. Хомяк. Хочу его. Хотя, нет. Лучше завести пчелку. Маленькую такую, но с огромным жалом. И жалить, жалить, жалить! Ох, как много людей, которые еще ходят по этой земле, заслуживают моего

яда. Я скоро их навешу, а пока, церемония прощания подходит к завершению.

Сонечки Филатовой больше нет. Зато, возродилась я — Соня. Просто Соня, которая больше не даст себя в обиду. Или может стать Люсей? Ай, к черту Люсю, останусь Соней! Теперь, я злая, беспощадная, мстительная и вообще дермо-человек. Я накажу всех, кто меня обидел. Всех, кто прошелся по чувствам несчастной Сонечки. Я отвечу за нее. И первый в этом списке, парень, который уничтожил письмо. Письмо от мамы. А ведь там были написаны последние слова, которые предназначились дочке. Теперь, Сонечка никогда не узнает, что хотела сказать ей мама. Сонечка ничего не узнает, потому что она сдохла.

Настала пора Тихона. Он сгинет следом.

Насвистывая под нос веселую мелодию, беру лопату и кладу ее на плечо. Хочется скакать, но с тяжелой лопатой это делать не удобно. Приходится обходиться только задорной песенкой.

— Тихон, — пропела я в темноту, — мы идем за тобой...

И почему мои волосы пахнут орехами?

Мне нравится звук железа, царапающего деревянный пол. Я усердно волоку за собой лопату, словно упёртого ребёнка не желающего идти к стоматологу. Звук довольно громкий, но не достаточно громкий для того, чтобы разбудить сектор В... Эти ребята спят как медведи. С моего лица не сползает душевнобольная улыбка. От непривычной эмоции, щеки начинают побаливать. Об этом, я могла только мечтать. В голове работает странный механизм, который в разы отличается от шкалы Ада. Тот глупый термометр, я закопала вместе с Сонечкой. Вещь порядком бесполезная и за своей ненужностью, пусть этот прибор теперь гниет в сырой земле. Долой весь прошлый хлам. С моей одежды падают куски окаменевшей грязи, а обувь оставляет мокрые следы на скрипучем полу. Сейчас, я чувствую себя необычайно живой.

Захожу в барак и шагаю по темному коридору, ища глазами комнату, в которой Сонечке грозили уродливой стрижкой. Встав возле нужной мне двери, я облизнула сухие губы, в предвкушении кровавой расправы. Вредная лопата, всем своим видом показывает, что не желает помогать мне. Она не хочет участвовать в этом беспределе. Ну и дура, мы могли бы хорошо повеселиться. Но, её участь уже предначертана, она главное мое оружие против Тихона. Мои худые руки не справятся с ним в одиночку. Им нужна значимая помощь.

Делаю губы трубочкой и медленно выдыхаю кислород до той поры, когда сознание начинает пьянеть. Мой пульс ниже среднего — я не волнуюсь. За дверью слышны шорохи, они предупреждают, что жители помещения не спят. Это усложняет мне задачу, но не меняет решения.

И только на секунду... Лишь на секунду, мне показалось, что я поступаю неправильно, но эта мысль так же, как и все хорошее в моей жизни, превратилась в прозрачную пыль. Мое желание поквитаться с врагами, не является импульсивным решением. Не в этот раз. Это четко поставленная и спланированная цель. Единственная причина, почему мои легкие ещё способны принимать кислород. Месть. И пусть враги увидят, что я не так проста, как кажусь на первый взгляд.

Толчком руки, убираю единственное препятствие между мной и Тихоном. Дверь любезно помогает мне, заставляя свои ставни быть максимально бесшумными. Тихон стоит ко мне спиной, кропотливо складывая свою робу в аккуратную стопку. Он не замечает меня. Не слышит. Его плечи и мышцы шеи расслаблены, они просто манят привести их в тонус, отчего желание изуродовать его тело становится более соблазнительным. Пора.

Из моего горла вырывается свирепое рычание, и я бросаюсь на него словно дикое животное. Лопата пролетает мимо цели, но я, не растерявшись, кидаюсь ему на спину. Я царапаю его лицо, шею, руки, глаза и все, что мягче моих ногтей.

Даже смешно, но Тихон дрался слишком отчаянно. Парень отбивался коленом, головой, кулаками, пустив в ход всю свою силу, чтобы оторвать от себя бешеную кошку. Но моя хватка была мертвой. Несколько царапин на его лице, это не тот исход, которого я хотела добиться. Я хочу скакать ногами на его грудной клетки и слышать, как хрустят кости солнечного сплетения, когда его безжизненное тело обмокнет на последнем вздохе. Да, я желаю ему смерти. Он заслуживает это.

Душить человека легко, когда вспоминаешь, что он натворил. Я помню, искривлённое в угаре и азарте лицо, которое смеялось над Сонечкой, а она всего лишь хотела вернуть своё письмо от матери. Но он его уничтожил. Эти воспоминания помогают мне не обращать внимания на хрипы и кашель, которыми захлёбывается Тихон. Он кружится, в попытке скинуть напавшего на него человека со своих плеч, но все тщетно. Это похоже на головокружительный танец, только на этот раз ведёт в нем девушка. Мне кажется, мы близки к финалу — Тихон начинает выдыхаться.

Наше приватное общение нарушают чужие руки, которые бесцеремонно забирают меня от моего кавалера. Я узнаю эту хватку. Так сильно сдавить мое тело мог только Марат, но сейчас, от его прикосновений становится щекотно в ребрах. Естественная реакция не заставляет себя долго ждать, моя грудь начинает трястись от хохота.

Но расстройство не заставило себя долго ждать, повернувшись ко мне Тихон, продемонстрировал едва заметные покраснения на своём лице. Очень и очень жаль.

— Филатова, мать твою! — взорвался обескураженный Тихон, узнав меня в своём карателе. — У тебя что, вообще колпак поехал?

Поехал ещё как! Есть миллион причин, почему моя лампа нуждается в замене и одна из них ты.

— Что за херня, тут происходит? — спросил Марат, не в силах оценить обстановку.

— Она накинута на меня, — ябеда Тихон ткнул пальцем в мою сторону, а мне хотелось вцепиться зубами в его кисть. — Ты посмотри на неё, брат. Она чего-то обожралась.

Да, Тихон, ты прав. Я обожралась вашим выходками, которые встали поперёк моего горла. Я захлебнулась вашей желчью, а теперь вы поперхнетесь своей.

— Наркоманка, что с тобой? — Марат заглянул мне в лицо и аккуратно положил свои руки мне на плечи. — Ты чего? Что с твоими глазами? Они красные.

Они залиты кровью, идиот. Каждый поврежденный орган внутри меня, наполнял мое тело кровавым месивом. Но вы, мои дорогие Котовы, изуродовали мои внутренности, превратив меня в ничего не чувствующее чудовище.

— Да её трясёт, как Найдю! — заметил весьма смышлённый Тихон. — Фокс, зови Гошу. Пусть уведёт эту больную.

Слишком опрометчивые слова вырывались из его рта, ещё одна неверно сказанная фраза и я закончу начатое.

— погоди немного, — Марат слегка потряс мое тело, наивно предположив, что это вернёт меня в чувство. Ничего не выйдет. Я и так в порядке.

Марат неподдельно обеспокоен, он пытается поймать мой взгляд, но все без толку. Его затылок стал прозрачным и сквозь него я вижу только свою цель. Тихон отмечен красным

кругом, призывая метнуть нож прямо ему в лоб.

— Может, ты расскажешь, что случилось? — не теряет надежды Марат. — Расскажи, что с тобой? Почему, ты так выглядишь?

Мои глаза, словно в паутине, с большим натягом переходят к нему. Господи, этот парень и вправду переживает! От того Марата ничего не осталось. Где его надменная ухмылка? Где хитрый взгляд и колкие фразочки? Ты так умело перевоплощаешься, а теперь кажется, что твоя бойкая уверенность, это нечто напускное. Так даже стало как-то не интересно. Слабак.

— Ты хочешь знать, что случилось? — наконец-то ответила я, хриплым до ужаса голосом. — Хорошо, — на лице проснулась ироничная улыбка, — я скажу тебе. Твой брат, имел неаккуратность и уничтожил мое письмо. Мое письмо, понимаешь. Это такой листок с текстом, в котором близкие тебе люди обычно спрашивают: как у тебя дела? Как ты поживаешь? Жив ли ты или сдох?

— Ты ненормальная, Филатова, — Марат покачал головой, решив, что дал мне правильную оценку. — Это было хрен пойми когда! Несколько месяцев назад! А ты решила разобраться с ним только сейчас?

Он разнервничался, а меня накрыло новой волной смеха. Так забавно наблюдать, когда кто-то злиться. Теперь, я понимаю Котовых, почему они охотно веселились, когда Сонечку трясло от страха. Я держалась за живот, помогая себе отдышаться.

— А знаешь, почему только сейчас? — спросила я, скинув его руки со своих плеч. — Ты хочешь это знать, Марат?

— Почему? — настойчиво спросил он, не в силах больше вести со мной диалог.

— Да потому, что тогда, моя мать была ещё жива! — голос поломался, на щеку капнула одна крошечная слезинка, а я продолжала улыбаться. — А из-за этой мрази, я больше никогда не узнаю, что она хотела мне сказать!

Они застыли. Их лица почернели. Думали ли они, что все окажется настолько прискорбно? Вряд ли. Но это не меняет сути.

Я закатила глаза.

— Ой, мальчики, не делайте вид, что вам стало совестно, — хихикнула я. — Уже ничего не изменить. Пуф. Пузырек лопнул.

Я медленно обошла Марта, который не мог пошевелиться. Я и не думала, что это произведет на него столь сильный эффект.

— Ничего не изменить, — тихо проговорила я, подбираясь к Тихону, — но мне может стать легче. Если ты ответишь! — крикнула я и снова попыталась его расцарапать.

А дальше начался полный театр. Тихон практически не сопротивлялся, а лишь старался держать мои руки подальше от своего лица. Марат оттягивал меня за робу, будто мы участвовали в постановке сказки «Репка». Я кричала. Они кричали. Но никто не собирался сдаваться. Мы могли еще долго кататься клубком по комнате, но на наши возгласы прибежали вожатые. Теперь их было больше.

Рина и Гоша забрали меня, при этом закрутив руки в рогалик. От чего получили соответственные высказывания в свой адрес. Мне понравилось оскорблять Рину. Сонечка себе такого не позволяла, а зря.

Кинув меня на койку, они приказала мне заткнуться. Эти идиоты, оставили меня одну. Одну в комнате. Где были их мозги? А как же карцер? Плевать.

Жадно рву линолеум, добираясь до маленького клада. Таблетки. Мои крошечки. Все так

же покорно ждут меня.

— Скучали по мамочке? — спрашиваю я невинным голоском, смотря на белые пилюли.

Они промолчали. А молчание — знак согласия.

Высыпаю все в руку и вижу приличную горсть. Закидываю их в рот и пытаюсь прожевать. Не выходит. Вода из крана, уже не в первый раз выручает меня. Дело сделано.

Плавно падаю на кровать и смотрю в потолок. Он показывает мне темноту и не спешит переключать канал. Не знаю, сколько прошло времени или оно вовсе остановилось, но мне было спокойно. Я думала о том, что сегодня вышел отличный день. Точнее ночь. Не столь важно.

Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Еще через какое-то время, меня пробирает грусть. Становится холодно и страшно. Я знаю, это нормально. Чтобы получить желаемое, надо немного попытеть. Скоро станет хорошо навсегда.

Теперь, в венах страх. Я лежу в полной тишине, и только звуки моих моргающих ресниц, пугают меня больше, чем самый громкий крик.

Тик-так. Тик-так. Тик-так.

Я засыпаю.

Глава#17. Лучшее — враг хорошего

Раннее утро. Я стою на пустыре. Я совсем одна. Туманная дымка едва касается макушек колосьев. Начинает светать, но солнце еще не решается показаться. Слышен щебет птиц, а главное, впереди только километры полей, лесов и никакой изгороди. Нет колючей проволоки, оков и решеток. Полная свобода.

Под ногами чувствую сырую, прохладную почву и траву, усеянную капельками росы. Я Босая. Окрыленная новыми чувствами, я делаю шаг за шагом, испытывая необъяснимое удовольствие, кое до этого мне было чуждо. Я вдыхаю эту жизнь по-новому и тихо каюсь, что не замечала всех прелестей раньше.

Влажный воздух и легкий ветерок играют моими волосами, от удовольствия мне хочется закрыть глаза, но я не решаюсь остановиться. Я все больше ощущаю вкус свободы, смотря на серое, затянутое небо. Идеально.

Прекрасный вид, портит светлое пятно вдалеке. На примятой траве, между колосьями пшеницы замечаю что-то странное, похожие на человека. Мои ноги ведут меня к нему, но я не хочу этого. Головой понимаю, что мне нужно как можно быстрее вернуться домой, но тело отказывается меня слушать и упрямо двигается к незнакомцу.

Приблизившись, я замечаю девушку, лежащую в траве лицом вниз. Мне кажется, что я знаю ее. Что-то подсказывает мне, что мы знакомы. Она не дышит. Неужели ее кто-то убил? Неужели, она мертва? Мурашки не заставили себя долго ждать.

Я подхожу максимально близко, сажусь на колени и вижу страшную картину. Девушка была вся в грязи и в запекшихся сгустках крови. По всему ее телу виднелись следы сильных побоев, а белые кудри, рассыпанные по спине, слиплись от кровавой жижи. Шея, руки, ноги — все было в чудовищных синяках. Определенно точно, она была мертва.

Трясущимися руками, переворачиваю бездыханное тело. Сначала замечаю уродливый шрам на ключице, а только потом, узнаю в ней себя. Это была я. Только та, старая Соня, которая не знала бед и не состригала свои волосы. Воздух перестал попадать в легкие, мне стало невыносимо жутко. Я закрываю лицо руками, пытаюсь привести себя в чувства. Ладони потеют и скользят по щекам. Снова открыв глаза, понимаю, что это не пот. Мои руки были в крови. С каждого пальца ручьями капала чужая кровь. Все стало ясно. Это я ее убила. Но кто я?

Начинается сильнейший дождь. Капли больно бьет по голове, а уши заложило от звука ливня. Земля под ногами, моментально покрывается слоем грязной, дождевой воды, вперемешку с алой кровью. Я вижу свое отражение. Отражение той, настоящей Сони, которая стала убийцей. Которая убила сама себя.

Уровень воды поднимается с огромной скоростью. Мою убийственную находку, накрыло толщей воды. Еще немного, и моя макушка спрячется под слоем мутной воды. Самое время паниковать, ведь я не умею плавать. Из воды выныриваю длинные блестящие носы, причудливых животных. Дельфины. Они окружают меня, при этом издавая раздражающий щебет. Я закрываю глаза и ловлю себя на самой неприятной мысли — я в Аду.

— Проснись, Соня. Ну, проснись же.

Открываю глаза и вижу белый потолок. Это был всего лишь сон. Это был какой-то знак. Надо мной нависли Аля и Волкова. Их лица очень обеспокоены, напуганы. В голову, дерзкими осами, врезаются воспоминания вчерашнего дня. Ох, и шума я наделала. Я была не

в себе.

Стоп. Почему, я еще жива?

— Как ты? — тихо спросила Аля, приложив свою маленькую руку к моей голове. — Ты нас сильно напугала.

— Напугала? — возмутилась Волкова. — Да я думала, сама кони двину! Ты видела ее конвульсии? А пену изо рта? Такое, даже в ужастиках не показывают!

Я попыталась приподняться, но каменная голова снова прилипла к подушке. Яркий свет попадал в глаза, провоцируя пронзительную боль в затылке.

— Ты что, отравить себя пыталась? — с укором спросила Аля, нахмутив свой лоб. — Что ты выпила?

— Да таблеток она наелась, — пояснила Волкова. — Посмотри, весь рот белый.

Точно. Вспомнила. Я выпила таблетки, но почему они не подействовали?

— Мы полночи тебя отпаивали, — тороторила Аля. — Тебя так громко тошнило, и мы боялись, что нас услышат. Соня, что за ерунду ты придумала? Мы ели тебя откачали. У тебя вообще уже крыша поехала? Нам надо идти на построение. Вот как теперь прикажешь, оставлять тебя одну?

Я закрыла глаза, пытаюсь переварить информацию, а потом до меня дошло.

— Что вы сделали? — спросила я, чувствуя, как начинаю закипать.

— Спасли тебе жизнь, дура, — рявкнула Майка, с явным недовольством. Ее синяки под глазами были явным доказательством того, что из-за меня они еще даже не ложились спать.

Я поджала губы, подбирая более мягкие слова.

— Зачем, вы это сделали? — вырвалось у меня. — Я что, просила спасти себя? Почему, вы всегда все портите? Почему, вы всегда думаете только о себе? Я ненавижу вас! Ненавижу всех людей здесь!

Девочки опешили.

— Ты что такое говоришь? — прошептала обескураженная Аля.

— Прекрасно, — Майка взмахнула руками. — Она, видишь ли, этого не просила. Я первый раз в жизни сделала что-то хорошее, а какова благодарность? Так и знала, что все эти разговоры про плюсики в карму, полная чушь.

— Соня, мы очень беспокоились за тебя. Почему, ты так говоришь? Ты очень задела меня.

Я с трудом держала себя в руках.

— Оставьте меня в покое! — взмолилась я, сжимая покрывало в кулаках. — Пошли вон! Я не хочу вас видеть! Слышать! Просто исчезните! Меня уже тошнить от вашей заботы! Уйдите, пока я сама вас не отравила!

Я думала, что их глаза вот-вот вылезут из орбит. Наверное, я была похожа на полоумного, дикого зверя. Я заметила, как от слез, заблестели пуговицы Али. Она была растеряна, но нашей Волковой это все чуждо, поэтому, она силком вывела Алю из комнаты и удалилась сама.

Я осталась одна. Отдышавшись, я вернула себя в прежнее состояние. Не самое лучшее, но у меня хотя бы получалось размышлять. План побега был провален. Таблетки, которые я так долго и усердно собирала, не принесли никакой пользы. Но я не смогу оставаться здесь. Ни за что на свете. Мне был нужен новый план. В одиночку справиться у меня не получилось, но и команды, я здесь не найду. Значит, надо действовать по старинке. Банальный побег, через главный вход колонии. Стоит только дождаться ночи — делать это

днем, слишком рискованно. Я у меня больше нет права на ошибку. Я больше не допущу, такого помутнения рассудка, которым меня накрыло вчера. Сейчас, нужно чтобы голова оставалась трезвой и здравомыслящей. И перестала болеть.

Наверное, любому покажется, что эта затея весьма опрометчиво. В месте, где все находится под жестким контролем, нет ни малейшего шанса на успех, но мне все равно. Я сделаю это. Даже не так, попробую это сделать. Что мне терять? Правильно. Терять совершенно нечего. Ощущая эту пустоту в душе, глубокую черную дыру в сердце, становиться намного проще, совершать что-то отчаянное. Я не больше не чувствую страха, который стал мой лучшим другом. Или лучшим врагом? Неважно. Я не чувствую ничего.

Жалею ли я том, что совершила вчера? Абсолютно нет. Я жалею лишь о том, что когда-то прониклась к девочкам, а они ко мне. И это сильно помешало. Гребаная дружба, встала на пути к моей свободе. Свободе моральной и физической. Нельзя было допускать близкого общения с окружающими. Я позволила себе слишком многое и теперь поплатилась за это. Но кто знал, что все обернется именно так? Кто знал, что мне нужно оставаться одиночкой? Забавно, но это знала только я. Даже будучи на свободе, я старательно избегала общения с кем-либо. А когда сдалась и нашла себе парня, подругу, вы знаете, чем все это закончилось. Я снова и снова, наступаю на одни и те же грабли.

Уже несколько часов со мной никто не разговаривает и не навещает меня. Что я могу сказать? Спасибо. Об этом, я мечтала очень давно. Если вы все сделаете вид, что меня попросту не существует, я буду вам весьма признательна. И не стоит обижаться. Больным людям должно быть это простительно. А я больна. Смертельно. И эта болезнь, даже не пытается церемониться со мной, она стрельнула по мне одним сокрушительным ударом. Все, что было до этого момента, это лишь жалкие симптомы, на которые не следовало обращать никакого внимания. Меня ждал неминуемый конец и единственная таблетка, которая могла мне помочь, оказалась бесполезной аскорбинкой.

Как все-таки, могут кардинально меняться мечты. Раньше, я мечтала о путешествиях, о всепоглощающей любви, о верной дружбе и даже ручном еноте. Но, теперь, я могу мечтать лишь о мире, за этими стенами. Или же о покое. Что сейчас думают обо мне мои родители? Уверена, они не гордятся мной. Даже сейчас, я ощущаю их недовольный взгляд и слышу еле уловимое ворчание. Ох, дорогие мои, оттуда сверху, судить намного проще. Я осталась совсем одна на этой земле, а значит, вы больше не можете поругать меня или поставить в угол. Так что, если вы не ждете меня у себя, я буду поступать так, как мне только вздумается. Я даже могу выковыривать противный лук из супа, и никто не заставит меня, его есть. Могу ходить зимой без шапки и не убираться в шкафах, отковыривать тесьму на обоях, на месте где сплю, и оставлять разводы на запотевших окнах, рисуя множество сердечек. Никто не запретит мне. Больше некому этого делать.

И если вы решили, что эта история завершится чем-то хорошим, то вы сильно ошибаетесь. Если вы думаете, что через лет пять у меня появиться чудная семья, и я не вспомню весь этот кошмар — это тоже будет заблуждением. Не ждите чуда и радугу усыпанную единорогами, вы лишь потратите свое время. У вашей соседке по лестнице, жизнь куда интереснее моей. Конечно, пережив такое, я заслужила поток счастья, подумаете вы. Не совсем так. Нет, меня может появиться шанс на светлое будущее, но не на счастливую жизнь. Я в это просто не верю. Слишком много ртути попало в чистый колодец. Я знаю, некоторым людям вокруг меня не все равно, но пусть смело вычеркивают меня из своей жизни. Исключите, как ненужный пункт в списке покупок. Отбросьте, как

банановую кожуру, мешающуюся под ногами. И не жалеете, я вам точно не нужна.

Но, если вы все еще здесь, то, пожалуйста. Мы продолжаем. Вечер уже наступил, и я готова исполнить задуманное.

Подойдя к умывальнику, я выдавила жирную гусеницу из сбора отвратных трав на зубную щетку. Чистить зубы так увлекательно. Это помогает забыть. Потом, я пойду в душ. Это единственные процедуры, которые стоит выполнить перед уходом. Которые я могу выполнить. А как же ужин? Пустяки. Я не нуждаюсь в еде. После такого тренинга, я могу выжить в самых голодных условиях, пусть даже это затянется на месяц.

Стоя в маленькой коморке, через небольшую шелку, я наблюдала, как дельфинята, один за другим покидают территорию и прячутся в бараках. Вожатых тоже не было, остались лишь фонари, освещающие мне путь к свободе.

Переждав еще какое-то время, я на цыпочках прошла все два сектора, домик Германа и оказалась у цели. Все было проще, как казалось на первый взгляд. Вот эти ворота, который встречали меня, ту Соню, и вывеска, гласящая гнетущую фразу.

«Нераскаянный грех, держит душу в состоянии смерти».

Если бы я знала, что произойдет со мной здесь, сбежала бы еще тогда.

Рассматривая ворота, оцениваю свои возможности. Смогу ли перелезть через эту изгородь? Или это параноя, или кто-то постоянно шебуршит у меня за спиной. Обернувшись, вижу только темноту и успокаиваюсь. И почему все гладко так получается? Ни сирены, ни тревоги, ничего, что могло бы меня остановить. Справедливо ли предположить, что я этого заслужила? Нет, нет, и еще раз нет. Проблема возникла из неоткуда.

— Даже не думай, — сказал голос за спиной. — Отойди от ворот.

Обернувшись, я увидела Марата. Такой красивый и серьезный, он снова указывал мне, что делать. Тусклый свет освещал половину его лица, и днями ранее, этот бы силуэт изрядно напугал меня. Но, не сегодня. И даже зная, какое он гнильцо, я уверена, что он не поднимет панику. Поэтому, оставалась держаться уверенно. И почему этот парень, всегда как заноза в заднице?

— Марат, лапочка, мне не нужны твои советы, — ехидно заявила я, подходя к воротам. — Оставь меня.

— Стой! — он сделал шаг в мою сторону. — Поверь мне, у тебя ничего не выйдет. Ворота под напряжением.

Его слова эхом пронеслись в голове.

— Что? — изумилась я. — Поверить тебе? Ты всегда врешь! Ты говоришь это специально! Ты делаешь все, чтобы навредить мне! Сука, как же я тебя ненавижу!

Марат приложил палец к губам.

— Не ори, — приказал он шепотом. — Нас могут услышать. Не будь дурой, Соня.

Он аккуратно прошел мимо меня, по хрустящему снегу, встав между мной и воротами.

— Ты можешь сама в этом убедиться, — сказал он. — Но я тебе не советую. Я всего лишь прошу тебя остановиться.

— С чего ты взял, что я поверю тебе? — говорила я, выпуская густой пар.

— Соня, послушай. Я знаю, что причинил тебе много боли. Я понимаю, что ты сейчас не в себе. Ты потеряла мать, и это понятно. Я тоже ее потерял. Но, я могу помочь тебе. Если ты решила бежать, мы можем сделать это вместе. Надо все хорошо продумать, но сейчас, ты сделаешь глупость.

Он тоже потерял мать или просто пудрит мне мозги?

Его лживая речь действовала мне на нервы.

— Замолчи, — я толкнула его в грудь. — Не делай вид, будто тебе не все равно на меня. Я тебе не верю. Я не хочу разговаривать с тобой. Не хочу слышать. Я хочу, чтобы ты исчез из моей дрянной жизни раз и навсегда. Я знаю, ты хочешь навредить мне. Я не верю, ни одному твоему слову.

Марат поджал губы. Если он что-то хотел доказать мне, то пока это было не убедительно. Все его действия, никак не укладывались в моей голове.

— Хорошо, я докажу тебе, — он неохотно подошел к воротам и слегка провел пальцем по прутьям. — Черт!

Железо отдало мелкими антеннами тока, а Марат зажал свою руку между колен.

— Вот видишь! — огрызнулся он, справляясь с болью. — Ты хочешь поджариться заживо? Тогда вперед!

Не то чтобы я беспокоилась за него, просто действительно была удивлена. Он не лгал. Он говорил правду. Но, зачем?

— Поверь мне, пожалуйста, — продолжал он, выпрямившись в осанке. — Тебе нужно многое узнать. Давай поговорим. Я знаю, в это трудно поверить, но я на твоей стороне, Соня. Я готов отгрызть свои руки, которые причиняли тебе боль.

Мои губы плотали морозный воздух. Я была не в силах вникнуть в ситуацию. Марат, предостерег меня от неминуемого провала и пошел на жертву, чтобы доказать мне это. И в каждое его слово, трудно было не поверить. Он был искренен.

— Это ты не в себе, — констатировала я, чувствуя, как горячая слеза стекает по замершей щеке. — Вообще-то, ты ненавидишь меня, забыл? Ты — мое личное проклятье. Ты и Тихон. Вы сделали все, чтобы растоптать меня. Вы должны быть довольны, у вас это хорошо получилось.

— Это не так, — отрицал он. — Совсем не так. Дай шанс объясниться. Вокруг тебя крутится нездоровая тема. Всегда крутилась. Мы были лишь оружием, в руках главного недруга. Я никогда не испытывал к тебе ненависти. И я очень жалею, что не рассказал тебе все раньше. Соня, я не враг.

Слезы ручьем стекали по моему лицу, и превращались в сосульки, касаясь серой робы. Если мои внутренности были вывернуты наизнанку, то теперь, Марат аккуратно все складывал обратно, делая еще большее.

— Тогда, я вообще ничего не понимаю! — схватилась я за голову, заметив, что, не смотря на жуткий мороз, волосы стали влажными.

Я не знала, что ответить ему на подобное заявление. Но было очевидно, что парень растерян так же, как и я. На его лице читалась тревога. Но тревожился ли он за меня — это был спорный вопрос.

— И я тоже не понимаю, что вы тут делаете? — голос Германа, был как обухом по голове. В этот момент, я поймала себя на мысли, что, не смотря на все свое безразличие, меня до сиз пор пугает этот голос.

Все опять полетело к чертям.

Мы уставились на два знакомых силуэта, но если один я видела каждый Божий день, то второй довольно редко.

— Полагаю, молодые люди устроили себе вечернюю прогулку? — добавила Варвара Ильинична, возродившиеся, словно Феникс из пепла.

А она тут, откуда? Я уже и забыла, о ее существовании. Мерзкая бабка, как само порождение Дьявола, явилась в самый не подходящий момент.

— Это моя вина, — начал оправдываться Марат. — Я обронил зажигалку, и попросил Соню помочь мне найти ее.

Я проморгалась. В жизни не слышала ничего глупее. Это провал Марат.

Варвара озарила нас самым недовольным взглядом. Из ее носа выделялись острые струю пара. Этот дракон, едва держал себя в руках.

— Разве вас не предупреждали, что курить дельфинам строго запрещено? — ее тон, был подобен выстрелам из картечи.

А тебе не говорили, что издеваться над подростками, в такой изощренной форме, как делаете вы, вообще карается по закону?

— Не удержался, — признался Марат. — Я украл сигареты у водителя.

Идиот, что он делает?

Герман легонько постучал заместителя по плечу.

— Я разберусь, Варвара. Можешь идти, — попросил он ее и та, послушно удалилась.

Сказать, что я находилась в полном недоумении — ничего не сказать. Зачем, они все пришли сюда? Зачем, снова все портят? Мой глаз не просто дергался, он судорожно дрожал. Я и не думала, что являюсь столь безнадежной неудачницей.

— Возвращайтесь в свои комнаты, — приказал Герман, взмахнув своей дубленкой. Но через несколько шагов, все же задержался. — Я надеюсь, что этого больше не повторится, сын.

Мне слабо доходили его слова. Все было будто во сне.

— Я обещаю, папа, — Марат прилежно приклонил голову, и тогда моя реальность разбилась вдребезги.

Дайте пистолет, я выстрелю себе в голову. Что он только что сказал? Папа?

Ну, нет, так мы не договаривались. Или это глупая шутка или мои таблетки до сих пор меня не отпускают. Что тут, мать твою происходит? Папа. Он сказал: папа. Это было самое отвратное слово, звучащее из его уст. Боже, почему моя мать не сделала аборт? Я не хочу это воспринимать. Я просто не могу этого сделать. Пожалуйста, выпустите меня из этой психушки. Прошу.

Мне стоило родиться молью. Таким существом, которое вроде бы появляется из неоткуда. Оно портит вещи, может быть даже чью-то жизнь, и ее абсолютно не волнует этот факт. Даже будучи отравлено дихлофосом, она равнодушно падает на пол. Ей просто все равно. Но мне, какого-то хрена не так. Я всеми силами отстраняюсь от этого мира, но он настойчиво лезет мне в душу, заставляя испытывать эмоции. И сейчас, я в шоке. Да, даже после того что случилось, я полностью обескуражена. Дурдом какой-то.

Он сказал: папа...

Убейте меня, но я не хочу этого признавать.

Глава#18. Исповедь дьявола

Когда мы с Маратом пробирались в небольшое складское помещение, находящееся за сектором В., он не проронил ни слова. Всем своим видом он показывал, что у нас должен состояться особо серьезный разговор. То, что мне пришлось услышать несколькими минутами назад, сподвигло последнюю струну здравого смысла лопнуть и располосовать мои внутренности. Мне стоило бежать, прятаться под одеялом и обдумывать новые варианты побега, но любопытство и дикое желание узнать правду, заставляло меня идти за Маратом. То место, в которое он привёл меня сейчас, я наблюдала впервые. Да и вообще сектор В., за исключением некоторых комнат, был для меня неизведанной территорией.

Марат зажег свечу, чтобы мы могли видеть друг друга и убедился, что дверь в кладовую закрыта. Нас не должны были услышать. Это было бы слишком чревато для нас обоих. Мы уселись на хлам лежащий под ногами и никто не решался заговорить первым. Я дышала на замершие ладони, а Марат изредка сжимал кулак, вспоминая про обожженный палец. Я подозревала, что он испытывает болевые ощущения, хотя и старался не подавал виду, но это было весьма предпологаемо. Мне не было его жаль — я терпела и не такое.

У нас было слишком мало времени, и я все же решилась поднять глаза на парня. Он переживал, нервничал и от этого лисьего взгляда ничего не осталось. А ещё мне показалось, что он был подавленный, видимо это правда была таким же тяжелым бременем для него, как и для меня.

Марат сделал глубокий вдох, а я непроизвольно напряглась в плечах. Настало время слушать. Слушать объяснения, которые подобны каторге.

— Я полагаю главную новость, ты уже услышала, — невесело уточнил он. — Да, Герман Сико — мой отец. А если быть конкретней, то его зовут Валерий Котов. Хотя, я даже рад, что у меня с ним разные фамилии. Если бы не эта грязная кровь, текущая в моих венах, то меня бы с ним ничего не связывало. И я очень прошу, чтобы я никак не ассоциировался у тебя с ним.

Я схватилась руками за голову, как будто впервые это слышала. Где-то в глубине души, я надеялась, что это все мне послышалось. Эта информация была мешком гвоздей, которые я никак не могла переварить.

— Значит, это все правда, — прошептала я, смотря себе под ноги. — Грязная, мерзкая правда...

— И не только это, — добавил он, как будто чувствовал себя виноватым за столь отвратительное родство. — Очень много того, что тебе следует узнать.

Если ты выслушаешь меня, клянусь, я буду откровенен до конца. В первую очередь, потому что я сам этого хочу. Я слишком долго молчал. А во-вторых, потому что от этого зависит твоя судьба.

Его последние слова, заставили меня уставиться на него. О чем это он?

— Да, Соня, ты в большой опасности, — сказал он, заметив мое удивление. — То место, где мы сейчас находимся, это клетка. Лаборатория, где мы являемся подопытными кроликами. Это лишь безнравственный эксперимент, который создал мой отец. Он играет с нами, нашими судьбами и жизнями. Наша колония разделена на две части неспроста. Все сделано по принципу естественного отбора, где сильный должен съесть слабого. Наверное, ты заметила, что нашему сектору многое сходило с рук, а вам изрядно попадало. Все потому,

что в итоге должна была сломаться лишь одна сторона. И это должны быть вы.

Я сглотнула тугой ком собравшийся в горле. Не скажу, чтобы я не догадывалась, но когда это говорят в открытую, становится жутко. И почему из всех идиотских мест на планете, меня угораздило попасть именно сюда,

— Вы и так давно подмяли нас под себя, — сказала я, вспоминая прошлые инциденты. — Что ещё ему надо от нас? Ведь очевидно, что эксперимент удался. Ты и Тихон, просто короли площадки. Или вам нужно всеобщее признание?

Марат понял мой язвительный настрой и взъерошил свои рыжие волосы руками. Мне было приятно наблюдать, чувствует неловкость.

— Все дело в тебе, — угрюмо уточнил он. — Если другие сломались быстро, ты всегда действовала вопреки его желаниям. Ты с самого начала, отказывалась участвовать в психологических тренингах, отчего обрекла себя на ещё большие неприятности. Помнишь, когда мы закапывали свои папки «Дело»? Ты не захотела этого делать и по сути была права. А потом накинулась на Рину, когда никто больше не мог себе этого позволить. Не стала принимать таблетки и многое другое, что совершенно не понравилось Герману. Ты постоянно наступала ему на горло. Ты была проблемой и ты была опасна. Ведь подавив волю других ребят, он мог быть уверен, что они не будут вносить смуту в общество когда освободиться, но ты, могла растрепать лишнего. Он боялся.

— И не зря, — процедила я сквозь зубы. — Если мне удастся сбежать, я все расскажу. Люди должны знать, что тут происходит. Пусть будет уверен, что я это просто так не оставлю.

Марат наградил меня сочувствующим взглядом. Я сказала что-то не так?

— В этом то и дело, Соня, — он откашлялся. — Герман не собирается выпускать тебя. Он не позволит себе это. Ты можешь навредить его репутации и он пойдёт на все, чтобы ты не покинула пределы колонии. К сожалению, для него нет знака «Стоп».

— Ну а что он может мне сделать? — я отнеслась скептически к его заявлению. По-моему, все, что произошло со мной уже трудно переплунуть. Или что, закроет меня в карцере до конца срока? Меня этим не напугать. Чтобы он не сделал, он больше не напугает меня.

— Герман уже это сделал, — ответил Марат, более чем серьезно. — Он довёл твою мать до критичного состояния. Его люди говорили ей неправильную информацию касательно тебя. И я даже предположить не могу, какие ужасные сказки они сочиняли, чтобы довести твою мать до такого. Её сердце не выдержало того ужаса, который приподнимая ей Герман.

Мои руки сжались в кулаки, а глаза защипало от слез. Я была готова взорваться от ненависти. Это звучало неправдоподобно. Даже для Германа, это было слишком.

— С чего мне верить тебе? — огрызнулась я, чувствуя как заканчивается воздух в легких. — Откуда я могу знать, что это правда? Может, ты опять дуришь меня, чтобы я наделала глупостей?

Марат протер лицо рукой.

— Какой в этом смысл? Пойми, все было спланировано. Помнишь, того мальчишку Мишу, которой был сиротой? Помнишь, что с ним случилось? У тебя никого не осталось, Соня, а значит, с тобой хотят обойтись так же.

В моих венах поселился леденящий кровь страх. Все его последние предположения, звучали слишком убедительно. Опять игра? Пока, все сходилось. Но те поступки, который сделал Марат по отношению ко мне, мешали мне верить ему. Головой я понимала, что этот

человек не друг мне, а сердце просило хоть немного прислушаться.

— Значит, папаша оказал вам с Тихоном услугу, когда засунул сюда? — сказала я, пытаюсь уколоть его. — Не каждого простят за такое преступление, которое совершили вы. Вы должны были попасть в настоящую тюрьму.

— Мы ничего не совершали, — серьезно и уверенно сказал Марат. — Вас заставили так думать, чтобы не всплывало лишних вопросов. Из всей нашей семьи, преступником является только один. И это Герман.

Я опешила. Могла ли я предположить, что руки Марата и Тихона не запачканы в крови? Да никогда! Они были похожи на безжалостных убийц, которым плевать на всех окружающих.

— А что было не так со мной? — гаркнула я. — То, что вы делали со мной, это было ужасно! И это говорит только о том, что вы способны на преступление! Я не могу поверить, что вы обычные ребята, которые никогда не имели проблем с законом! Хоть убей, не могу!

Последние мои слова, были слишком не к месту. Такие предложения в данных стенах, могут звучать слишком соблазнительно и могут быть через чур заманчивыми.

Марат подошёл к двери и посмотрел через замочную скважину, тогда, мне пришлось пожалеть, что я перешла на крик.

Вернувшись на место, он продолжил переворачивать мой мир с ног на голову:

— Я знаю, в это трудно поверить, но измываясь над тобой, мы делали тебе одолжение. Мы сами вызывались перед Германом, быть твоим наказанием, но лишь для того, чтобы оно было более лояльным. Но в то же время, все должно было быть убедительным. Отдав тебя в руки Гоши и Рины, я даже боюсь предположить, где бы ты сейчас была. Поверь, лазаретом ты бы не отделалась. Да, все это дико. Я знаю. Но это было не по нашей воли. Ударить тебя, украсть письмо, все эти издевательства были по наводке Германа. Если ты все сопоставишь, то поймёшь, что каждая наша встреча была чем-то подкреплена.

Я закусила губу, вспоминая прошлые события. Он был прав. Когда меня уличали в воровстве, Марат и Тихон, всегда были на подходе, чтобы ударить или прижечь. Я всегда удивлялась, почему сам Герман никогда не разбирался со мной лично, как делал, например, с Волковой. После каждого проступка, меня ждал не карцер, а эти двое. Но что-то все равно не клеилось.

Я скептически сузила глаза.

— А что насчёт моей стрижки? В тот день, я не ничего сделала. По крайней мере, Герман об этом не знал. Почему Тихон, захотел приволок меня в свою комнату?

— Признаюсь, — Марат опустил глаза, — это была его личная затея. Тихон вспыльчивый парень, он злился на тебя, потому что ты его подставила. Его побрили наголо, потому что, ты убедила Лилию, что он своровал таблетки.

— А вот теперь стоп, — я остановила его жестом руки. — Ты же сам сказал, что все наказания обходили вас стороной! Что, папочка позволил обидеть своего сынишку?

— Он не его сын.

Мои щёки запылали. Или у этих ребят, судьба не лучше моей, или я наивно позволяю Марату, вешать лапшу мне на уши.

— Мы братья только по матери, — продолжил он. — Герман, загнал нашу мать в могилу, когда понял, что та изменяла ему. А способ, по которому моей мамы не стало, ты уже знаешь.

Он довёл её до крайне критического состояния, а потом инсценировал самоубийство. Он

вскрыл ей вены, понимаешь? Заставил истекать кровь, когда мы с Тихоном игрались в комнате...

Он запнулся. Это было тяжело. Это было тяжело говорить и слушать. В этот момент, Марат был похож на несчастного мальчишку, слишком рано потерявшего маму. И слишком страшно потеряв. Господи, если все это правда, что ему пришлось пережить, живя рядом с таким монстром-отцом? Немыслимо.

— Но тогда, ему никто не поверил. Рут смогла доказать его вину, не смотря на то, что он её сын. Герман отсидел небольшой срок, а Рут как видишь, теперь расплачивается за свою выходку. Так же как и Тихон, правда, парень вообще не в чем не виноват перед ним. Но Герману все равно, он готов пройти по трупу родной матери, если придется, а на названного сына ему и вовсе наплевать.

Все это звучало, как анонс к злой, театральной постановке. Что твориться в этом мире? Что твориться с Германом? И что такие люди как Герман, делают в этом мире?

— Подожди, если это случилось, когда да вы были ещё мальчишками, то как появилась Ева?

— Она не наша сестра. Это ребёнок Варвары. Единственный ребёнок, которого она вытащила из детского дома, но не потому, что проявила материнскую заботу, а лишь для того, чтобы Герман выглядел приличным семьянином. Они узаконили брак, чтобы Герман смог удочерить Еву. Пойми, Соня, человек с тремя детьми, проповедующий Библейские заповеди и желающий помочь проблемным подросткам, пользуется доверием у людей и государства. Он смог внушить почти всем, что занимаешься благим делом. И только мы знаем, какой он на самом деле ублюдок. Но кто поверит преступникам? В этом вся и проблема.

— Но, Марат, мы можем доказать это, — настаивала я. — Я верю, что найдутся люди, которые выслушают нас.

Марат посмотрел на меня как на ребёнка, доказывающего, что Дед Мороз существует.

— Тут он тоже все продумал, — он грустно усмехнулся. — Тебя проверят на детекторе или на наркотики. Потому что, извини, но эта новость изначально покажется безумной. И тут ты попадёшься. Он все это время пичкал вас таблетками, которые равносильны наркотику. Он потуплял ваше сознание и тем самым, делах из вас ручных зомби.

— Но я не принимала таблетки!

— Я тоже был рад этому, — сказал Марат, взяв меня за руку. — Ты держалась и я всегда знал, что у нас есть шанс. Он был у тебя.

— Почему ты говоришь, что шанс был? Он есть.

Парень заметно помрачнел.

— Ты сдалась, Соня. Ты выпила все таблетки, которые прятала. Майка просила нас о помощи, когда они откачивали тебя. Ты не помнишь этого?

Невидимая рука ударила меня по лбу. Ну конечно. Я все вспомнила. Я тоже употребила таблетки, в надежде, что больше не придется просыпаться в этой реальности. Неужели, все настолько сложно? Неужели, у нас нет ни единого шанса выбраться отсюда? И вообще, остаться в живых? Мой личный шанс, сейчас лопнул как воздушный шарик... Или нет?

— У меня есть доказательства, — воодушевилась я. — Ты же знаешь, я своровала записи из его дневника. Там описание всех пыток и наказаний рукой Германа. Ты же знаешь, что это легко доказать? Проведут анализ почерка и все.

Огненные брови Марата сошлись на переносице.

— Я не знал, что это правда. Я думал, что Герман лгал, когда говорил, что ты рылась у него в шкафах. Разве он не сгущал краски, когда уличался тебя в воровстве?

Мои щёки залились румянцем. Да, гордиться особо нечем, но зато у нас есть улика.

Марат понял, что я все-таки это сделала.

— Не стоит стыдиться, Соня. Это отличная новость. Признаюсь, сам бы я до такого не додумался.

Ох, Марат, мне совершенно не нужны твои похвалы. От кого угодно, но только не от тебя.

— Что теперь мне делать? Как мне выбраться отсюда, пока он меня не кокнул? Если он решил сделать это, значит у меня мало времени.

— Я не позволю этого, — сказал Марат, все ещё крепче сжав мою руку. — Я помогу тебе. У меня есть вариант, как можно обойти ворота. У меня было слишком много времени, чтобы все продумать. Мы сбежим. И очень скоро.

Я не знала, что ответить на его заявление. Меня терзали сомнения, по поводу нашего вновь образовавшегося дуэта. Слишком большая пропасть образовалась между нами и какой бы крепкий мост не строил сейчас Марат, его было недостаточно, чтобы полностью довериться. Как бы мне этого не хотелось... Как бы мне это не было нужно, я не могла отпустить это напряжение, и он это видел.

— Не сомневайся, Соня, — его голос стал хриплым. — Я слишком виноват перед тобой, позволь мне искупить вину. Сам того не заметив, я стал подобием Германа. Но что подумает обо мне мама? Ради чего она умерла? Я знаю, что она верит в нас. Я сам верю. И когда я узнал, что твоей мамы тоже не стало, это было последней точкой. Герман зашёл слишком далеко и я сделаю все, чтобы он сгинул в тюрьме. У нас одна цель. У нас одинаковые потери. Кто как ни мы, должны знать, ради чего все это делаем?

Я молчала. Он был прав. Та ненависть, которую Герман вырастил во мне, переполнила меня до краев. В таком состоянии, я готова пойти на многое. Я знаю, что готова даже убить его, потому что он это заслужил.

— Что будет с Евой и Рут, если у нас все получится? — спросила я, высвобождая свою руку. — Их тоже надо спасти.

— Им ничего не грозит. Герман не навредит им. Они находятся под его опекой, и он не пойдёт на гадкий поступок по отношению к ним. В первую очередь, он подставит только себя.

— Ладно, — я набрала холодного воздуха в лёгкие, осознав, что не чувствую пальцев на ногах. — Какой у тебя план? Мне нужно знать все.

Марат снова посмотрел в замочную скважину. Нам обоим послышалось подозрительное шуршание. Но видимо, это только послышалось, потому что Марат вернулся на место.

— Ты узнаешь обо всем, по сути дела. Сейчас, нам нужно вернуться в расположение. Соня, нам нельзя рисковать. Слишком много ошибок было допущено и сейчас, все должно пройти идеально. Герман всегда на шаг впереди нас, и я обязан хорошо все продумать.

Мое сердце билось о грудную клетку. Даже смешно, но днём ранее, я вообще не была уверена, что оно работает. Я приподнялась, понимая, что нам нужно поторопиться.

— Я все расскажу позже, Соня. Обещаю, скоро ты все узнаешь.

— И как долго ждать? — возмущилась я, повысив тон. — Может прикажешь расслабиться и спокойно пойти спать? Вообще-то, ты сказал, что меня хотят прикончить, забыл? Извини, но мне как-то не по себе. Я готова свалить прямо сейчас, а ждать супер-

плана от своего недруга, звучит как-то не слишком перспективно.

Марат положил свои руки мне на плечи и заглянул в глаза.

— Я тебе не враг, Соня. И докажу тебе это, просто нужно немного потерпеть. Дай мне шанс, все исправить, — он зажал меня в объятьях отчего у меня пропал дар речи.

Это было что-то новенькое, к чему было практически невозможно привыкнуть. Было понятно одно, что с Маратом я познакомилась только несколько минут назад. А тот, с кем мне приходилось воевать все эти месяца, был абсолютно другим человеком. В этом и была вся сложность. Это подозрительное умение столь быстро перевоплощаться, могло сыграть со мной злую шутку.

— Я обещаю, — прошептал он мне на ухо. — Я вытащу тебя отсюда.

Его руки отпустили меня.

Марат открыл дверь кладовой и убедившись, что на территории чисто, попросил меня бежать в расположение своего сектора. Я же вылезла из этой будки, словно после разговора с Святым отцом. Как после исповеди, хотя проповедовалась совсем не я.

Эта информация была чем-то диким для меня. Это была лишь жалкая часть темной жизни Германа, но а на вторую, я пока не бала готова. Только подумать, Герман Сико — Валерий Котов. Абсурд. Мне было сложно представить, что его звали так же, как и моего отца. И он, определенно осквернял это имя.

Что касается Марата, так это вообще отдельная тема. Как мне понять, что я могу довериться ему? Как позволить этому парню помочь мне? Как поверить на слово и подарить свою судьбу? Правильно, никак.

Правда в том, что мне совершенно нечего терять, а самостоятельно выбраться, у меня вряд ли получится. Но даже если Марат говорит правду, смогу ли я простить ему весь тот кошмар, в который он превратил мою жизнь?

Глава#19. И снится мне, трава у дома...

Сквозь меня стрела слов добра летает.

Вижу каждый неверный взгляд.

За добро тут давно, давно, давно не платят.

Но если платят, то не с полна.

Я надену черное с шипами счастье.

Чтобы лживых так отторгать.

Но внутри бьется сердце с лаской.

Научиться бы не пускать.

— С Днём Рождения, Филя! — в один голос кричали девочки, завалившись ко мне на кровать. — Вставай, Соня!

Я и забыла, какой сегодня день, но это не меняло сути. Для меня это больше не повод радоваться столь чудному событию, а лишь ещё одно неприятное напоминание, что жизнь полетела к чертям.

Приоткрыв свой заспанный глаз, я увидела все тридцать два зуба счастливой Али и ни одного Волковой. Хотя было заметно, что Майка тоже была в расположении духа. Интересно, почему их веселить этот день больше, чем меня?

— Даже не думайте, я не собираюсь просыпаться, — предупредила я, сонным голосом. — Ещё несколько часов до подъема. И если вы хотите, сделать мне настоящий подарок, то просто оставьте меня в покое.

— Не выйдет, — Волкова похлопала ладошкой по моему одеялу. — Мы уже приготовили для тебя кое-что другое.

Это звучало слишком забавно. Что они могли подарить мне, находясь в колонии «Дельфин», где каждая корка хлеба на подсчете?

— Извините меня девочки, но карманные котлеты с позавчерашнего ужина, не стоят моего крепкого сна, — буркнула я и отвернулась к стенке. — И продуктовая маска для волос, меня тоже не интересует.

— Это не котлеты, дурилка, — уточнила Аля. — Ты просто прослезишься от счастья, когда узнаешь, что мы для тебя приготовили.

— Это точно, — добавила Майка.

Я скинула одело со своей головы.

— Да ну? — я скептически посмотрела на их руки. — И где же он? Где, мой подарок?

Девочки заговорчески переглянулись.

— Давай? — предложила Волкова и Аля кивнула.

Коварные тигрицы, вцепились своими пальцами в разные участки моего тела и принялись безжалостно меня щекотать. Да, они были правы, это именно то, что заставило меня прослезиться. Я просто жуть, как боюсь щекотки.

— Хватит! — молила я, задыхаясь от смеха. — Ну, пожалуйста, перестаньте!

К моему великому счастью, они прекратили свои садистские действия. Девчонки потрудились на славу, я и не думала, что ещё смогу так хохотать.

— Вы просто сумасшедшие, — сказала я, собирая волосы в хвостик. — Теперь, я вряд ли усну.

— На твоём месте, я бы начинала собирать вещички, — ляпнула Волкова, и Аля ткнула

её локтем в бок. — Ай! Ты чего дерёшься?

В воздухе повисло нехорошее молчание, и это правильно, не мог же этот день пройти идеально. Соня открыла глаза, а значит, пора закатывать рукава и принимать новые удары судьбы.

— Ну не томите, — сказала я, протирая лицо рукой. — Говорите, что я снова сделала не так?

— Родилась, — уточнила Волкова, в свойственной ей манере. О, эта девушка никогда не будет изменять своему репертуару, как бы близки мы не стали.

Я одарила её вопросительным взглядом и тут встряла третья ведьмочка. А точнее — фея.

— Майя хочет сказать, что тебе исполнилось 16, а значит, теперь тебя переведут в сектор В., — Аля сама боялась того, что говорит. — Но расстраиваться не стоит. У тебя все получится. Тем более, Майка сказала девчонкам из соседнего сектора тебя не трогать. Мы будем общаться, как и прежде, просто ночевать придется порознь.

Я совершенно забыла про это возрастное распределение, потому что последнее время, мои мысли были только о побеге. Не скажу, что это новость меня сильно расстроила, потому что если верить Марату, больше мне ничего не угрожает. По крайней мере, он больше не будет причиной моего нервного тика под глазом.

Кстати, о Марате. После нашего последнего разговора прошло уже несколько дней, а никаких новостей от него до сих пор не поступило. Мы вообще не разговаривали с ним после этого. Он нарочно избегал меня на улице и в столовой, но я решила, что просто так нужно. Ведь Герман крайне насторожиться, если увидит нас вместе. А если решит, что мы подружились, так вообще, о моем освобождении можно будет забыть. Марат не сделала ничего, чтобы я относилась к нему с большим доверием, поэтому, из-за терзающих сомнений, мои губы были изрядно искусаны.

Ждать чего-то всегда очень тяжело, а когда ты даже не знаешь, чего ждёшь, это превращается в паранойю. И признаюсь, бутерброд с бредовой информацией, который подал мне Марат, до сих пор стоит поперёк горла. Это просто невыносимо. Теперь, я никому не верю. Порой даже Аля и Волкова, кажутся мне внебрачными дочерьми Германа, или например, Варвары. Я вглядываюсь в каждое лицо колонистов, ища какие-либо сходства с нашими вожатыми. Ну а что? Узнав все тайны Котовых, я уже ничему не удивлюсь. Ведь этот семейный подряд может быть в разы больше.

Сегодня, я поставила для себя две цели: выхватить Марата, чтобы больше не прибывать в полном неведении и зайти к Лили, потому что перед переездом в соседний сектор, мне требовался медицинский осмотр. Хотя в действительности, это мне стоит опасаться этих паразитов, не им моих болячек.

— Все в порядке, — констатировалась Лилия, послушав мое дыхание. — Только мне совсем не нравится твой дохлый вид.

Молодая врач, с шикарными волосами и красивой кожей, явно не до конца прониклась в наши нынешние условия. От такой отвратной пищи, которую дают нам, даже самый привередливый поросенок похудеет, даже если будет поглощать её ведрами.

— Я знаю, — устало вздохнула я, поправляя солому на своей голове, — мои волосы похожи на воронье гнездо, а в мешки под глазами, можно положить килограмм яблок.

— Ты преувеличиваешь, — сказала врач, закрыв мою личную карту.

— Да ты только посмотри на меня! По щекам, как будто наждачной прошлишь, а руки,

выглядят хуже, чем культяпки Варвары! Даже в свой День Рождения, я не смогла расчесать эту копну!

Лилия растерянно проморгала.

— Что ты сказала? — откашлялась она, поправляя очки на переносице.

Я устало закатила глаза, решив, что Лилия не терпит дурных манер.

— Ну ладно, у Варвары не культяпки, — выдохнула я. — Руки. Её старые руки, выглядят лучше моих.

— Я не про это. Ты сказала, что у тебя сегодня День Рождения?

— Ах, это... Как не прискорбно, но да.

Лилия поменялась в лице.

— Ох, Соня, мне даже нечего тебе подарить, — говорила она виноватым тоном.

И она туда же. Спасибо. Мне хватило поздравлений от девушек. Пожалуй, я лучше обойдусь, чем буду мириться с их особой оригинальностью.

— Прекрати, — я махнула на неё рукой, — меня не волнуют подарки и поздравления. Только если у тебя в кармане не завалилась путевка в другой конец света. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Лилия сделала задумчивое лицо, а потом полезла в соседний шкафчик.

— Путевки у меня, конечно, нет, — она достала свою розовую косметичку, — но сделать из тебя красотку у меня точно получится.

Около тридцати минут, Лилия колдовала над моей внешностью. Большой массажной расческой, она превратила мои волосы, во что-то похожее на волосы. Лицо намазала плотным и ароматным кремом, а на губы нанесла светло-розовую помаду. Я была ей благодарна. Я и забыла, как это приятно, когда твоя кожа пахнет косметикой. Конечно, все довольно мило и чудесно, но рабочие часы никто не отменял. Мне нужно было попасть на улицу, чтобы найти Марата.

Не смотря на усилия всех дельфинов, противный снег, будто не собирался кончаться и возводился огромными пирамидами по всему периметру колонии. Иногда мне даже казалось, что я попала в заснеженный Египет, только местные мумии были более активными, чем те, которые нежатся в гробницах.

На улице стояла морозная погода, и лучи солнца, лишь изредка доказывали своё истинное предназначение, касаясь наших красных носов. Повсюду были слышны звуки врезающихся в снег лопат и усталых вздохов. Марат работал в компании с Тихоном, а Аля, Волкова и Глеб сплоченно собрались в небольшой кружок. Я обратила внимание, что весь рабочий инвентарь был разобран, поэтому решила обратиться к Варваре, которая следила за работой ребят, напоминая собой голодного стервятника.

Собрав волю в кулак, я пошагала к вновь появившемуся заместителю. Мне нужно было подобраться к Марату и поговорить.

— Варвара Ильинична, — обратилась я к ней, вспомнив, каким тяжелым в произношении казалось её имя, когда мы только очутились здесь. Эх, знала бы я раньше, что эта сложность не сравнится с той, которая меня ждала в дальнейшем. — Где я могу взять лопату? Или что-нибудь для работы?

Женщина наконец-то обратила на меня внимание, одарив презренным взглядом.

— Какой взор! — фыркнула она, краснея в лице и глазах. — Что с твоим лицом? Ты похожа на мерзкую блудницу!

Приехали! Эта карусель никогда не остановится. Мой День Рождения симметрично

разделился на чёрные и белые полосы. И если знак внимания от Лилии был светлым моментом, то Варвара провела по моему лицу чёрным, перманентным маркером.

— Я просто слегка накрасила сухие губы, чтобы увлажнить, — оправдывалась я. — Неужели, это делает меня блудницей? У вас тоже брови накрашены! И что теперь? — ляпнула я, не успев подумать.

Ноздри Варвары, в ярости раздулись, а старая культяпка схватила меня за шиворот.

— Мои брови не накрашены! — оскорбленная старуха повернула меня лицом к толпе. — А из тебя, мы сделаем нормального человека, — из угрозы между её слов, я поняла, что сильно влипла.

Подумать только, мои неаккуратно сказанные слова, зацепили её так, будто я задрала её юбку перед толпой зевак. Я закрыла глаза, молясь про себя, чтобы эта чёрная полоса поскорее закончилась.

— Вы только посмотрите! — визжала старуха, держа меня за холку, как нагадившего котёнка. — Посмотрите, как ваша напарница, показывает вам, что она лучше всех вас!

Я поперхнулась, но не от упирающего в шею воротника, а от душащего аромата её духов. Что-то между гнилой лавандой и вялой мартышкой. Ну и не только поэтому, меня возмущали её слова. Господи, что она несет?

— Когда вы брались за лопаты, — продолжала Варвара свою публичную речь, — она разукрашивала своё лицо. Она предпочла это занятие чистому труду, а значит, наплевала на Господа!

Напротив нас столпились дельфинята и сочувственно смотрели на мое унижительное положение. Аля и Волкова, вообще понимающе спрятали глаза в пол, потому что каждый из нас знал — дело труба.

— Только руки знающие труд, — Варвара перешла на более спокойный тон, — только руки любящие труд, смогут забрать все пороки, очерняющие душу этой несчастной.

Забрать? В каком это смысле?

— Простите меня, — каялась я, почувствовав неладное. — Я все поняла. Больше такого не повторится.

Но суровая женщина пропускала мои слова мимо ушей.

— Марат, — позвала она, найдя рыжеволосого глазами, — подойди сюда и умой девочку.

Что? Почему, всегда именно он? Почему, всегда я?

Марат послушно приблизился к нам, и Варвара толкнула меня в шею. Я впечаталась головой в куртку в своего друга-недруга, но тот подхватил меня руками. И как бы иронично это не было, выдался довольно удачный случай, чтобы понять, кто он мне на самом деле. Могу ли я верить ему?

— Не стой, как истукан! — рявкнула Варвара. — Не смей млеть перед Демоном!

Демоном? Среди нас всех, Демон только один и он пахнет отвратным парфюмом. Видимо, производство осуществляется из самой преисподние.

Марат старался не смотреть мне в глаза, но заметно переживал. Только не было понятно, из-за чего именно.

Я же сжала челюсти, моля Марата поступить правильно. Не предавай меня. Не предавай. Докажи, что ты мне друг.

— Давай же, — подгоняла его Варвара и тогда он оживился. Он словно по щелчку пальцев поменялся в лице и стал похож на прежнего Марата.

Взяв приличную горсть холодного снега в руку, он демонстративно провёл им по моим губам. И как в этой красивой голове, уживаются столь гадкие мысли?

Холодные, ледяные капли покарябали всю бороду, а розовая помада лишь размазалась по щеке. Этот жест был слишком унизителен, в принципе, как и весь мой внешний вид.

— Этого недостаточно, — указала Варвара. — Ты же видишь, её лицо ещё остаётся быть грязным.

Марат незамедлительно повторил процедуру, но на этот раз мои глаза наполнились слезами. Не понятно, от чего мне было больнее. Или от того, что меня снова выставили на посмешище. Или потому что, я всем сердцем хотела довериться этому человеку.

— Замечательно, — похвалила его заместитель, и он выронил розовый комоч снега из рук. — Вы можете возвращаться к работе.

Спеша в свою комнату с полными веками слез, я все больше поражалась сама себе. Сколько раз я убеждала себя, что больше не произойдёт того случая, который бы заставил меня переживать? Сколько раз, я клялась, что в этом мире не осталось того человека, который бы заставил меня плакать? И сколько раз, я обманывала саму себя и наступала на старые грабли? Миллион раз! Я делаю это постоянно. И даже года не идут мне на пользу.

Проторчав в своей комнате до самого вечера, я вернула свою кожу в прежнее состояние. Слишком много слез было размазано по щекам, и к тому же, после снежной процедуры от Марата, она вдобавок, еще и неприятно щипала.

Снова и снова меня колет это неприятное чувство. Боль. Неужели, на этот неприятный фактор невозможно выработать иммунитет? Неужели, это всегда будет меня преследовать? А на что я надеялась? Что, пройдя через все эти испытания, мне положен заслуженный отдых? Как бы ни так. Я зря надеялась на Марата. Зря верила, что теперь у меня все получится. В этой жизни, мне следует полагаться только на себя саму. А сейчас, я совершенно не понимаю, в чем настоящая правда. Где она? Все, что говорил Марат, теперь можно было перечеркнуть одним жирным крестом.

Стоя возле окна своей комнаты, я наблюдала, как загораются первые звездочки на небе, и тогда, мне пришла в голову глупая идея. Я позволила себя детскую слабость и загадала желание. Наверное, мне так хотелось выбраться отсюда, что я решила воспользоваться всеми вариантами. Пусть даже не самыми эффективными. Может, хотя бы в мой День Рождения, это все же произойдет?

За дверью послышались быстрые шаги, и я приготовилась встретить Алю и Волкову. Я хочу поговорить с ними, пока меня не отправили в сектор В. Но когда дверь открылась, на пороге стояли вовсе не девочки. Это был Марат. Уверенный и непоколебимый.

Я открыла рот, чтобы начать поливать его отборным матом, но тот опередил меня.

— И даже не вздумай начинать, — пригрозил он мне пальцем, приближаясь все ближе. — Я не мог этого не сделать. Тем более, сегодня.

У меня не получалось закрыть рот, потому что слишком много слов и вопросов пытались вылететь наружу. Мои руки чесались, чтобы впиться ему в лицо.

— Ты тепло одета, — уточнил он, пройдясь по мне глазами. — Хорошо. Теперь, ни слова и бегом за мной, — он потянул меня за руку, но я вырвалась.

— Да пошел ты! — крикнула я ему в спину. — Никуда я с тобой не пойду! А если тронешь меня еще раз, я сама лично умою тебя в этом умывальнике! Только кипятком!

Марат медленно повернулся ко мне и изнемогающе задрал голову.

— Господи, Соня, я же попросил, ни слова! Ты хоть когда-нибудь можешь быть

послушной?

Я опешила, а моя челюсть поторопилась отвалиться. Да что он себе позволяет?

— Знаешь, что Котов, — процедила я сквозь зубы, шагнув в его сторону, — больше ты не запудришь мне мозги. Сегодня, ты еще раз доказал, кто ты есть на самом деле. Ты снова и снова позволяешь себе унижать меня. Ты даже не представляешь, как я тебя ненавижу.

После этих слов, на лице Марата появилась задорная ухмылка.

— Мы оба знаем, что ты не ненавидишь меня, — он немного помедлил. — В принципе, я предполагал, что так оно и будет. Ты будешь злиться, а я буду доказывать тебе свою правоту. Но не в этот раз, Соня. У нас совершенно нет времени. И если ты не слушаешь меня, то мне придется закинуть тебя на плечо, но тогда, шанс свалить отсюда, приблизиться к нулю.

Что он только что сказал? Свалить?

Я скрестила руки на груди, стараясь держаться уверенно.

— Думаешь, я должна тебе поверить...

— Ты обязана, — перебил он меня, в довольно грубой форме. — Послушай меня, сейчас, на улице стоит Тихон и ждет команды, чтобы отвлечь вожатых. Бедолага Глеб, стоит возле электрического щитка, рискуя собственным здоровьем, чтобы вовремя отключить ворота. Из самого города выехала машина, чтобы вовремя подхватить нас на той стороне. И только ты, как эгоистичная школьница, стоишь тут и топаешь ножкой. Ты можешь меня ненавидеть, можешь кричать и бить, но я все равно выволоку тебя отсюда любой ценой, потому что обещал. Так что, или мы теряем время, или хватить видеть во всех предателей.

Я сглотнула. Мне было страшно. Мне было ужасно страшно. Его речь была убедительна. Но сейчас, мне хотелось верить его глазам. Глаза, которые впервые смотрели на меня так, как всегда.

Мои ноги не слушались, потому что словно под гипнозом вели меня к нему. Шаг за шагом, я боролась в себе желание, ударить его.

— Давай, Наркоманка, смелее, — слегка улыбнулся Марат, протянув мне свою руку, — у нас все получится. Дай мне свою руку, и я выведу тебя отсюда.

Утопая в глубоких сугробах, держась за руки, мы с Маратом, пробирались к воротом, сторонясь открытых мест и были похожи на парочку детей, убегающих от обстрела снежками. В этот раз, я отпустила все свои кусачие чувства и доверилась этому человеку. Его теплой руке, его глазам и уверенности, с которой он вел меня за собой.

Горло начало неприятно першить, когда отдышка вперемешку с морозным воздухом попала в легкие. Страх покинул меня, осталось только предвкушение чего-то невообразимого. Так и было, мы покидали колонию «Дельфин», минуя все препятствия на своем пути. Краем глаза, я заметила, что неподалеку от поля, скопилось приличное количество дельфинят. А на сцене, где обычно ораторствовал Герман, теперь выступал брат Марата, но мне было не понятно, что он глаголет.

— Что задумал Тихон? — поинтересовалась я, едва поспевая за Маратом. — Как он решил, отвлечь всех вожатых?

— Не вникай, — отрезал Марат, ведя меня за собой. — Он знает, что делает.

Его голос был слишком встревожен, поэтому мне пришлось остановиться.

— Подожди, Марат, — я потянула его за руку. — Что происходит? Я не хочу, чтобы мы вмешивали других.

Парень едва держал себя в руках, и это было понятно. Обстановка была отнюдь не

спокойной, а еще и я, со своими бесящими вопросами. Но ради всего Святого, я хотела знать, на что мы идем. Какой ценой нам дается эта свобода?

Марат подошел ко мне и положил свои руки теплые мне на лицо.

— Соня, он сам этого захотел, — говорил он, с трудом сдерживая отдышку. — И я очень благодарен своему брату, что он всегда готов выручить меня. Тихон не из слабых. Он все выдержит.

И тогда мне стало кое-что понятно...

Повернув голову, я увидела Тихона кривляющегося на сцене.

— Герман, выходи подлый трус! — отдавался голос Тихона у меня в ушах. — Давай, сука, я здесь! Жду тебя! Поднимай свою жирную жопу и тащи сюда, мелкий ты ублюдок! О, как я давно мечтал, надрать твой сыкливый зад!

Ошарашенные дельфины хлопали выскочке, а у меня замерло дыхание. Что он творит? Парень подписывает себе приговор. Быть может смертельный.

— Он только так, мог отвлечь их, Соня, — пояснил Марат, сам едва справляясь с этими криками и внутренней болью. — Это был единственный вариант.

Не надо быть гадалкой, чтобы предсказать дальнейшее действие Германа и судьбу Тихона. Герман ненавидел его, а значит, Тихону изрядно попадет за подобную выходку.

— Где ты, старая трухля? — кричал Тихон. — Мы все замерзли! Так что, пошевеливайся!

Это речь со всей силы била меня по щиколоткам. Мне хотелось упасть на колени, и просить Тихона остановиться.

— Нам нужно идти, — поторопил меня Марат, но я застыла.

Неужели, Тихон делал это ради нас? Ради меня?

Даже через тьму, я увидела, как раскидывая колонистов, к сцене пробирался свирепый Герман. План сработал, но на душе от этого легче не становилось. Какой ценой? В тот момент, я была настолько безгранична благодарна Тихону, что была готова простить ему свои волосы. Да, черт возьми, я простила ему все! Теперь, эти братья, не вызывали у меня ни малейшего сомнения. Они были на моей стороне. Но эта картина, лишь добавила горечи на сердце. И кто мог подумать, что эту горечь вызовет мой истязатель?

Свет на всей территории погас, и это было действующим знаком от Глеба. Он тоже пошел на многое. Поспевая за Маратом, я в быстром порядке задавала себе множество вопросов, но ни на один из них не могла найти достоверного ответа. Знает ли Али, какой Глеб на самом деле смельчак? Оповестили ли Волкову, что все это ради нашего побега? Что будет с Тихоном? Получиться ли у нас сбежать не замеченными? Получиться ли вообще сбежать?

Мы достигли выхода из колонии — те самые ворота, которые были разделительной чертой между Адом и Раем. Оставалось дело за малым. Марат подошел ко мне так близко, что я почувствовала его горячее дыхание у себя на губах.

— А теперь, послушай меня очень внимательно, — сказал он, с полной серьезностью в голосе. — Ты должна перелезть через ворота, а там тебя будут ждать. Ты должна это сделать не смотря ни на что.

Я помотала головой, находясь в шоковом состоянии.

— Стой, а как же ты? Мы должны были уйти вместе, помнишь? — губы нервно задрожали на этих словах.

Глаза Марата неподдельно заслезались.

— Я вернусь, немного позже, — прохрипел он, держа меня за плечи. — Мы увидимся. Поверь, нас ждет очень многое. Я готов научить тебя кататься на коньках, на роликах, на лыжах, и мне плевать, если ты уже умеешь это делать. Я научу по-своему. Ты больше никогда не будешь грустить, потому что, я оправдаю каждую твою слезу, потраченную попросту на меня. Там, за этой стеной, я никогда не брошу тебя, даже если ты попросишь меня об этом. Я всегда буду рядом, — он едва подбирая слова. — А пока, я нужен здесь.

— Но ты нужен мне, сейчас, — эгоистично заявила я, не веря, что сама произношу это. Что говорю это именно ему. — Останься со мной.

Весь мир вокруг меня поплыл, потому что я не могла поверить в его самоотверженность. Последний шов на моей зашитой душе, начал трещать, заглушая все пространство.

— А он и так некуда не денется, — заявила, появившаяся из темноты Рина. — И ты тоже.

Она держала в руке рацию, и тогда весь мой мир рухнул. И не только надежда, этому способствовало безграничное множество факторов. У меня не было сил справиться с внутренними терзаниями, а бороться с Риной и подавно. Все пропало.

— Вот и все, — шипела она, смотря на нас дикими глазами. — Сейчас, я сообщу всем, что вы говнюки, тут устроили, и тогда, вам конкретно не поздоровится. Как же я счастлива, что эта мелкая сучка получит по заслугам. Герман слишком долго терпел тебя, но теперь, ты ответишь за все. Я закопаю тебя на самом дальнем огороде и засыплю помоями. Ты сдохнешь, так же, как и твоя мамаша.

Ее злости не было предела и она предназначалось только мне. Она всей душой не переваривала меня, и этого не заметил бы только слепой. Но я не могла позволить ей говорить о своей матери. Ее поганый рот не имел права так выражаться.

— Заткнись, мразь, — приказал Марат, придерживая меня одной рукой.

Она перевела на него свой хищный взгляд, и даже сквозь тьму, было заметно, что вожатая не в себе от ярости.

— А ты, мелкий засранец, — рычала она, — будешь отвечать перед Германом. Очень сомневаюсь, что он одобрит твой выбор. Ты предал родного отца, ради вонючей пигалицы.

Я была готова упасть в обморок. Все пропало. Но это не самое страшное. Я хотела вырвать язык Рине. Нет, я была готова убить ее. Я не могла так просто проглотить все ее слова. Все пропало, мать твою. У самого выхода, все опять полетело к чертям. Господи, звезды, а как же то сокровенное? Единственная просьба, исходившая от самого сердца, и та превратилась в жалкий уголек.

Рина нажала кнопку записи на рации, а я попрощалась с жизнью.

— Гоша, беги на вход, — говорила она в микрофон. — Я чувствую мы хорошенько повеселимся и...

Но ее тело неожиданно обмякло и она повалилась в сугроб. В ее шее торчал инсулиновый шприц.

— Не в этот раз, — сказала Лилия, извлекающая оружие собственного приготовления, из тела своей коллеги. — Так и знала, что лошадиная доза, идеально подойдет для такой как ты.

Я не верила своим глазам. Моя скромница врач, теперь была похожа дерзкую шпионку. Да что там я? Даже Марат, не мог придти в себя, после подобной выходки.

— Лиля, — проговорила я, справляясь со слезами. — Спасибо.

Девушка одарила меня материнским взглядом.

— Все будет хорошо, девочка моя. Только поторопись, времени очень мало.

Почему минуты замедляются, когда ты спешишь заглянуть в будущее, а когда смакуешь каждую теплую секунду, его всегда слишком мало?

— Она права, Соня, — Марат снова повернул меня к себе, но теперь его картавый голос, был подобен колыбели. — Беги. Прошу тебя, беги.

Я судорожно замотала головой.

— Я не уйду без тебя, — мой голос сорвался. — Пожалуйста, пойдем со мной.

— Мне нужно остаться с Евой и Рут... Мне нужно присмотреть за Тихоном. Ты сама должна нам помочь. И я верю в тебя, Филатова. У тебя все получится.

Горячие слезы обжигали мои щеки, и я все никак не решалась сдвинуться с места.

— Пошла вон, я сказал! — закричал он, но я не шелохнулась.

И тогда Марат впился в мои губы. На долю секунды, мне показалось, что я прибываю в во сне. Горячий и такой знакомый поцелуй окутал мои губы. Именно тот, который не давал мне покоя. Именно тот, о котором я так долго вспоминала. Странные минуты, оказались слишком короткими, потому что Марат оторвался от меня, а Лиля скромно отвела взгляд. Казалось, что девушка вот-вот заплачет.

— С Днем рождения, Соня, — прошептал Марат, с грустью в голосе. — Мы еще увидимся, я обещаю, — его рука затормозилась на моей щеке.

Я потеряла дар речи. Все это было похоже, на до мурашек эмоциональный сон. И не смотря на дикое желание сбежать с этого места как можно скорей, сейчас, мне на секунду захотелось задержаться. Мои щеки запылали, но не от мороза, они залились свежим румянцем. Они были правы, или сейчас, или никогда. Если я останусь, то подвиду многих.

— Как...Как мне добраться в город? — заикаясь говорила я, глотая слезы. — Кто должен приехать за мной?

Марат выдохнул струю пара в пустоту, а потом, за плечи развернул меня от себя на ворота. Глаз бегали по территории, но не могли уловить ни малейшего движения.

Но, потом...

В нескольких метрах, у обочины, была припаркована черная иномарка и сквозь темноту, я с большим трудом могла разглядеть водителя. Тонированное стекло медленно опустилось, и из салона показался черный силуэт. Я ждала пока пелена слез растворится, а глаза привыкнут к темноте. Когда черты водителя начали проясняться, что-то в нем, показалось мне до боли знакомым.

— Лидия, — подмигнув, поздоровался он с врачом.

Я задохнулась, но впервые от счастья. Мои колени подкосились, но не потому что было больно. Сердце бешено колотилось, но страх тут был не причем.

— Савва? — одними губами проговорила я.

Парень расплылся в лукавой, но такой родной улыбке.

— Полагаю, будет не уместно попросить у вас немного шампуня?

Глава#20. Глоток свободы. Часть А

Помимо лучей игривого солнца, попадающих на мое лицо, меня разбудила громко играющая музыка из магнитолы. А еще, не самый опытный вокалист, которому хотелось запихать носков в рот.

— Я свободен, словно птица в небесах! — демонстративно напевал Савва песню Кипелова, похлопывая руками по кожаному рулю. — Я свободен! Я забыл, что значит страх!

Панель машины, была усыпана различными фантиками от конфет, и благодаря шумным басам из колонок, они постоянно сыпались мне на ноги. И только теплые потоки воздуха из кондиционера, приятно раздували волосы.

— Ты нарочно это делаешь? — спросила я, перебив его чудное пение. — Меня сейчас стошнит от твоего воя!

Савва озарился привычной улыбкой.

— Ну а что? Я думал, эта песня будет в тему. Тем более, ты очень долго спала, а мне было скучно.

— Ты эгоист, — устало выдохнула я, убавив громкость на приемнике, — но я очень по тебе соскучилась.

— Я тоже, — признался Савва, шутливо состроив губы трубочкой. — Как ты себя чувствуешь?

Я протерла руками заспанное лицо, вспомнив вчерашний день, и почему сейчас нахожусь здесь. Вся та, слезливая картина, снова всплыла перед глазами.

— Паршиво, — ответила я, чувствуя нарастающее давление в сердце.

Савва вскинул бровями.

— Почему? — возмутился он. — Разве ты не этого хотела? Ты свободна! Посмотри вокруг! Чистый воздух, отличный пейзаж, ты катишься в крутой иномарке, с самым красивым водителем на планете! Что опять не так?

— Ты не прав! — отрицала я. — Я безумно рада этому! Я рада, что свободна! Но какой ценой досталась эта свобода? Мне даже страшно подумать, что сейчас твориться в колонии! Я боюсь за ребят!

Непокорный парень изобразил скучающее лицо.

— Ты не исправима. Ты хоть на секунду, можешь подумать о чем-то хорошем? Подумай о себе. Хватить париться — жизнь прекрасна. Взрослые мальчики сами о себе позаботятся. И поверь, Сонтьяго, твои проблемы всегда тебя дождутся. Хотя бы раз, отпусти ситуацию.

— Ты и вправду эгоист, — буркнула я, скрестив руки на груди.

— А ты — зануда, — парировал Савва, нахмутив лоб. — Я ошибался. Когда ты спала, мне было намного веселее.

Я взмахнула руками и опустила их на колени.

— Ну, извини, что не затравливаю тебя анекдотами и не танцую «Ламбаду»! Вот такой, унылый пассажир тебе попался!

В воздухе повисла пауза. Даже странно, что оказавшись на свободе, первым делом, я решила повздорить с Саввой.

— Не люблю анекдоты, — Савва нарушил неловкое молчание, лукаво ухмыльнувшись, — но с удовольствием посмотрю, как ты двигаешься.

Правильным решением было бы переключиться на шутливое настроение. Я так и

сделала.

— А я бы, еще раз взглянула на мыльное представление, — ответила я, подразумевая его выходку с шампунем. — Это было эффектно.

Савва слегка наклонился ко мне и прошептал:

— Я приготовил для тебя кое-что другое. Как насчет ванны с бархатистой пеной? — он ехидно поиграл бровями. — Только ты и я. И мое, чертовски привлекательное тело.

Я рассмеялась и толкнула его в бок.

— Только твое? То есть, мое тело, для тебя недостаточно привлекательно?

— Я рад, что тебя тронули именно эти слова. То бишь, от горячей ванны ты не отказываешься?

— Не откажусь. Но только не с тобой. Не в этой жизни.

— А вот в этом я не уверен, — многозначительно отшутился парень.

Меня должны были задеть его слова, но этого не произошло. Ведь это Савва, на него невозможно обижаться.

Мы проезжали мимо живописных мест. Вдали виднелись красивые сопки, усыпанные белоснежным снегом и поля, растянувшиеся на несколько километров вдоль дороги. И ни одного намека на человеческую жизнь. Ни домов, ни магазинов, ничего.

— Куда мы едем? — поинтересовалась я, оставляя запотевшие следы на оконном стекле. — Неужели, колония находилась настолько далеко? Мне казалось, что дорога до города, должна быть в разы короче.

— Мы уже были в городе, — уточнил Савва. — Ты спала, когда я передал «Записки сумасшедшего» своему отцу. Он доставит их в отдел. А пока нам стоит залечь на дно.

Я схватилась за карманы своей робы, ища собранные мной улики.

— Да, — устало признался Савва, — мне пришлось залезть тебе в штаны. Я не смог тебя разбудить. Но клянусь, я не позволял себе ничего лишнего.

— Так значит, твой отец сам обратиться в полицию?

— Ага. Идти тебя туда самой, было слишком рискованно. Даже не выслушав, они могли отправить тебя обратно. Вот бы Герман обрадовался! А мой папа не последний человек, его определенно послушают.

Я облегченно выдохнула, положив голову на спинку сиденья.

— Ты прав. Мне пока не нужно светиться. Никому нельзя верить. И аккуратность, точно не помещает.

— Но мне же, ты веришь? — спросил Савва, кинув в меня фотоснимком. — Я везу тебя в наш загородный дом. Там, ни одна собака до нас не доберется.

Я взяла снимок в руки и взглянула на изображение.

Шикарный двухэтажный особняк из красного кирпича и огромными окнами, обрамленными расписными рамами. Гладко выстриженный газон и высоченные кедры во дворе. Такое, я видела только по телевизору в американском кино.

— Он прекрасен! — завизжала я, накинувшись на его шею. — Говнюк, почему ты не показал мне этот дом раньше?

— Когда? — спросил Савва, пытаясь увернуться от меня. — Мне нужно было показать тебе фото, между твоим ворчанием и храпом?

— Идиот, — продолжала радоваться я, — мне все равно, что ты говоришь. У тебя уже не получится испортить мне настроение.

Я вернулась на свое место, восстанавливая дыхание. Сейчас, я получила разряд свежего

воздуха. Да, именно разряд. И это чувство, приятно щекотало душу.

— Все вы бабы одинаковые! Покажи красивую игрушку, и вы уже готовы плясать «Ламбаду», хотя минуту назад, тебя до боли раздражал мой ангельский голос. И бедолага Кипелов. Ты что, пользуешься мной?

— Ты сам знаешь, что это неправда. Я приму тебя любого. И даже без носков.

Глаза Саввы азартно сверкнули.

— Значит, я могу рассчитывать на ванну? — улыбнулся он еще шире.

Я поджала губы и покачала головой.

— Не дождешься.

Мы уже проехали достаточное расстояние, а я понятия не имела где нахожусь. Полный дезориентир. Но, признаюсь, чувствовала я себя расслабленно. Даже не смотря, на постоянные подколки водителя, пусть даже самые пошлые. Я была готова пойти на такую жертву, так как мой охранник меня полностью устраивал. Я доверяла Савве.

Это все было похоже на сон. Да, на нормальный сон и никаких кошмаров. Поверить не могу, что у нас вышло. Конечно, очень рано делать выводы, я как ни как, считаюсь сбежавшей преступницей. Господи, знали бы мои одноклассники, кем станет тихая Сонечка Филатова, никогда бы не подсели ко мне на перемене.

И как бы прекрасно не складывалась наша поездка, я не могла не думать о Марате. О девочках. О Лилии, и даже Тихоне. Оставалось только надеяться, что отец Саввы отдаст улики в полицию и всех ребят распустят. Я верю в наш успех. Потому что если Савва, в столь юном возрасте, так лихо управляет автомобилем, то значит, его отец и впрямь, не последний человек. Значит, у нас всех есть шанс.

— Почему, Марат не прыгнул с тобой в машину? — серьезно спросил Савва, заходя в очередной поворот. — Договор был совсем другим.

— Какой еще договор? — нахмурила я брови.

Савва изнемогающе взревел, как будто я должна была понимать, о чем он говорит.

— Мы с Маратом, планировали это еще когда я был на воле. Ты же не подумала, что случайно оказался там проездом? Это был уговор. Ты еще часто злилась, что мы общаемся. Помнишь? А мы пытались спасти твою симпатичную задницу. Так вот, план был немного другим. Марат тоже собирался уходить.

Я опечаленно опустила глаза.

— Он остался из-за Тихона.

— Сыкло. Он что, даже не попытался?

— Он не сыкло, ясно? — разозлилась я. — Марат помог мне. И я очень благодарна ему. Точно так же, как и тебе. Так что, давай не будем переходить на личности. Единственное сыкло из нас всех — это я.

— М-да, Сонтьяго, как быстро ты переобуваешься. Мне казалось, что ты ненавидишь Фокса. А сейчас кидаешься на меня, как дикая тигрица.

Я закатила глаза.

— Он все мне рассказал, — пояснила я. — Теперь, я знаю, почему он так поступал.

— И видимо не только рассказал...

Моя голова автоматически повернулась на Савву.

— О чем это ты?

— Мне пришлось лицезреть весьма неприятную картину, когда вы обменивались слюнями.

Я непроизвольно поперхнулась и покраснела.

— Не парься, Сонтьяго, — сказал Савва, смотря на дорогу. — Ты уже большая девочка, и можешь делать все, что захочешь, — в свете фонарей, его лицо показалось мне грустным.

— Осторожно, Савва, — предупредила я, — а то я подумаю, что ты меня ревнуешь.

Он задрал голову и рассмеялся.

— Я и так тебя ревную! Ну вот скажи, чем он лучше меня? Неужели, это твой типаж? — Савва сделал виноватое лицо и приложил руку к сердцу. — Прости дорогая, ну я готов пойти ради тебя на многое, даже украсть из колонии, но рыжий мне не пойдет.

— Господи, — взмолилась я, стуча себя по лбу, — ну почему, ты такой болван? У нас с Маратом ничего...

Меня перебил жест инспектора ГАИ, заставивший Савву остановиться. Мое сердце бешено заколотилось, а плечи вжались в сидение. Я закрыла глаза, чтобы успокоить свой пульс.

— Спокойно, — процедил Савва, заметив мое волнение.

Вот черт! Если они увидят мою робу, и начнут задавать вопросы? Что если моя ориентировка, есть уже у каждого сотрудника?

Мне стало страшно. Неужели, все закончиться именно так?

Глава#20. Глоток свободы. Часть В

— Ваши документы, — попросил мужчина, с крайне серьёзным лицом. Отчего мою физиономию, перекрасило от страха.

Как бы я не старалась держаться уверенно, мои попытки были жалки. Учитывая весь резонанс последних событий, меня стали серьёзно пугать в форме.

— Вы не представились, — заметил Савва, без капли страха. — Это было весьма не вежливо.

Что он делает? Пожалуйста, прекрати! Есть ли шанс, отделаться только испугом, если мы не будем с ним вежливы? Конечно, нет!

— Ваши документы, — настаивал сотрудник, осознав, что мы его клиенты.

Савва неохотно открыл автомобильный бардачок и стал лениво капаться в фантиках от конфет. Черт, они были везде. Но смущало меня больше другое — мы оба знали, что никаких документов нет. Так зачем, он тянет время?

— Куда же, я их засунул? — разговаривая с самим собой, Савва разыгрывал неубедительную сцену. — Вечно они где-то прячутся.

Брови сотрудника ГАИ, все больше и больше опускались на веки, я прибывала в полном отчаянии, а фантики продолжали сыпаться под ноги водителю.

— Я так понимаю, документы вы дома забыли? — сказал мужчина, обратив внимание на мою одежду. Точнее, робу, выглядящую, мягко сказать, непотребно.

Нет, нет, нет. Ну почему все рушиться прямо на глазах?

Савва уловил это взгляд.

— Не обращайтесь внимания, — махнул он на меня рукой. — Моя девчонка — жуткая замарашка. Все никак не уговорю её принять ванну.

Я сжала зубы. Прекрасно, Савва! Если ты решил отшучиваться в каждой неудачной ситуации, то сейчас, это вряд ли у тебя не выйдет.

— Я жду, — рявкнул мужчина.

— Ищу, ищу, — наигранно поторопился Савва. — О, нашел целую сосачку! Не хотите? — парень протянул мятую конфету в лицо мужчины.

В тот момент, вместе с терпением сотрудника, взорвалась и моя надежда на свободу. Мужчина резко открыл водительскую дверь и силой вытащил Савву наружу. На его манипуляции поспешил его помощник. Дело дрянь.

— Эй, тебе бы стоило быть более нежным, — не успокаивался Савва, чьи руки уже были зажаты за спиной. — Я не люблю, когда со мной слишком грубы.

Мы встретились с ним взглядом и тот, непринужденно подмигнул, а я мысленно накинула ему удавку на шею. Парень в форме, последовал примеру старшего и тоже грубо, попросил выйти из машины. Начался обыск. Неприятный, унижительный обыск.

— А это еще что? — спросил мужчина, достав из кармана Саввы упаковку новых носок.

Парень, пользуясь, случаем вывернулся из его хватки.

— А вот это не тронь! — пригрозил он пальцем. — Я честно приобрел их на карманные деньги.

Тогда, я решила, что с меня хватит. Да, Савва помогал мне всегда. С этим не поспоришь. Он умен, остро шутит и выглядит неплохо. Но все это меркнет, по сравнению с тем, что он творит сейчас. Я так долго ждала этого момента, была искренне счастлива, что оказалась на

свободе, была готова кланяться ему в ноги за эту возможность, но сейчас, его выходки, было полнейшим проявлением эгоизма.

— Вот вы и приехали, ребятки, — съязвил мой пленитель. — Когда привезем вас в участок, тогда вы поймете, что сильно влипли.

Эх, знал бы ты, что пришлось нам пережить на самом деле, придержал бы свой язык. Я полностью отчаялась. Все пропало. Сейчас нас привезут в участок, где без труда опознают мою личность. И все пойдет по кругу. Суд. Приговор. И не дай Бог, снова колония «Дельфин».

Нас, как нагадивших котят, они потянули в сторону своего авто, но Савва притормозил.

— Я имею право на звонок? — сказал он больше с утверждением.

Гаишники весело рассмеялись.

— Ты думаешь, что тебе это поможет? Ну, если ты так уверен, то валяй. Мы подождем.

Савва достал телефон и набрал номер. Шагая из стороны в сторону, он ждал ответа на том конце трубки, а дождавшись, гордо передал ее мужчине.

Мое сердце едва билось. Все было похоже на кадры из криминального сериала. Но только в кино, у меня мог бы быть шанс на успех, ведь ни для кого не секрет, что я являюсь полной неудачницей. Но сейчас, что-то пошло не так.

Сотрудник попросил прощения, и оставил нас. Да-да, именно это и произошло.

— Зачем было устраивать весь этот цирк? — недовольно спросила я, переступая порог шикарного дома.

Оставшуюся часть дороги, он любезно просветил меня, что это была типичная ситуация, в которую он попадает изрядно часто. Но, положение его отца и хорошие связи, всегда из подобной проблемы, делают ситуацию плевой. То есть, Савве позволено многое.

Савва по-хозяйски скинул свою обувь и прошел в огромную гостиную.

— Мне не хватало перчинки, — ответил он. — Зато ты, получила не забываемые эмоции.

— Ты серьезно? Мне понятно, что тебе вечно перца не хватает, но я-то тут причем? Поверь, незабываемых эмоций, я уже получила сполна.

— Не ругайся, — мягко попросил он, проходя к холодильнику. — Я больше так не буду.

Хотя теперь, я больше эмоционировала от увиденного. Дом был очень красивый и светлый, в нем царил непередаваемая атмосфера. Атмосфера спокойствия, крепости, защищенности, которой так мне давно не хватало. На душе, в коем-то веке стало уютно тепло. Подоконники на кухне утопали в цветах, а кирпичный камин, я вообще видела впервые. Все было дорого. Папа Саввы действительно был очень влиятельны.

Я прошла за Саввой, скользя носками по белому кафелю.

— Если тебе все сходит с рук, то почему ты оказался в колонии? — спросила я. — Неужели, папа бы не отмазал тебя?

— Он устал от меня, и решил отдохнуть на пару месяцев. Глупец решил, что это повлияет на мое поведение. Поможет переосмыслить свою жизнь и прочую ерунду. Этого не случилось.

— Он и в правду глупец, — я села на за стол на кухонный диван. — Тебе бы и пяти лет не хватило, чтобы все переосмыслить.

— Это точно, — Савва показался за холодильной дверцей и вывалил на стол гору полуфабрикатов. — Ты голодна. Что желаешь перекусить?

От увиденного, мой живот радостно заурчал. Никогда не думала, что так сильно буду

рада замороженному окороку.

— Мне нужно в душ и переодеться, — уточнила я, предвкушая сытную трапезу. — Мне нужно полчаса, а ты пока что-нибудь приготовь.

— Заметано, — Сава отдал честь. — На втором этаже душевая, а там и мои вещи. Выбери себе что-нибудь. Хотя, — он запнулся, — можешь ничего не надевать.

Я закатила глаза.

— Прощу, избавь меня от своих подколок, хотя бы на этот день.

Серьезно, я очень устала от этого спектра чувств. Я была рада свободе, но испытывала огромный страх, что лишусь ее. Одновременно с этим, меня пугала наша дорога сюда, еще и он, со своими неуместными шутками. Я хочу расслабиться. Хоть на минуту.

Поднимаясь по деревянной лестнице, мне пришлось остановиться.

— Соня, — окликнул меня Савва, — если в ванне будет слишком одиноко и...

— Заткнись!

После долгожданного душа и сытного обеда, мы расположились в гостиной, и если бы не все прошлые события, мне бы показалась, что это какая-то сказка. Правда, я была далека от образа принцессы. Футболка Саввы была велика, а джинсы волочились по полу. Зато волосы вернули свою гладкость. Да и курица подгорела, потому что Савва про нее забыл, что весьма неудивительно. Но, это была самая вкусная курица, которую я ела.

Я села на мягкий диванчик, закинув ногу на ногу, и наблюдала за завораживающим пламенем из камина. Невольно, в голову лезли терзающие мысли, не смотря на столь уютную обстановку. Учитывая, какой Герман мерзавец, должна признаться, что он очень хитер и умен. Получиться ли у кучки подростком надломить его? Послушают ли в полиции отца Саввы? Поверят ли? Этого никто не знал. Что будет с девчонками? Что будет с колонией? Что будет с Маратом? Я чувствовала за собой некую вину, за то, что сижу сейчас здесь. За то, что ребята пожертвовали многим ради этого и теперь, мне совсем неизвестна их судьба. Что там говорить, мне неизвестна даже своя судьба.

— Я кое-что нам принес, — ко мне подсел Савва, держа в руках два бокала с красной жидкостью. — Винишко?

Я недоверчиво поморщилась.

— Последний раз, когда я употребила алкоголь, это закончилось слишком плохо. Забыл? Я убила человека.

Савва откашлялся и прищурился.

— Прости, Сонтьяго, но я тебя не боюсь. Тем более, все колюще — режущие, я хорошо припрятал.

— Но я толкнула его, а не зарезала, — уточнила я, сразу же осознав, как ужасно это звучит. — То есть, все вышло случайно.

Никогда не думала, что буду говорить о своем преступлении, именно в таком контексте.

— Я знаю, — отрезал Савва. — Я больше переживал за свою прическу. Поэтому, даже не пытайся найти ножницы. У тебя ничего все равно ничего не выйдет.

Нет, он не исправится.

— Ну, так что? — Савва протянул мне бокал. — Поставим приятную точку, в не совсем приятном дне?

Я приняла его. Хватит с меня притворства. Мне было это нужно. Я хотела расслабиться и забыться. Сделав глоток полусладкого, я поджала под себя ноги, приняв более удобную позу. Так сказать, более подходящую моему внешнему виду. Мерзкая роба, всегда прятала

нашу привлекательность. Отнюдь, я совсем перестала быть похожа на леди. А может, просто никогда ей не была.

То ли дело Савва. В повседневной одежде он выглядел восхитительно. Даю зуб, парень не пренебрегал походами в спортзал. Широкие плечи, зеленые глаза, завораживающая улыбка — и почему, у него нет девушки? Или есть? Я ведь совсем ничего про него не знаю, только то, что он полный безумец.

Я забылась, и Савва заметил мой оценивающий взгляд. От неловкости, я отвела глаза.

Неловкое молчание повисло в воздухе, однако я заметила на лице Саввы неподдельное притворство. Он думал о чем-то. Он что-то знал, но не решался сказать. И с каждой секундой, я понимала, что слегка боюсь это слышать. Его лицо было серьезным, не как обычно и это провоцировало определенные домыслы.

— Почему ты постоянно прикалываешься надо мной? — спросила я, нарушив тишину.

— Потому что это весело, — признался он, — а еще я так живу. — Я не помню себя другим. А еще, я не помню человека, которого бы это не раздражало.

Я сощурилась.

— Но ты ведь бываешь серьезным, да? Даже сейчас, ты ведешь себя как-то странно.

Его глаза сверкнули, и в них читался вызов.

— То есть, ты сама призналась, что быть серьезным — странно.

Мне было сложно вообразить, как это — постоянно быть навеселе. Хотя, и говорить, что это странно, я не имела никакого права. Учитывая все обстоятельства, я одна, кого на самом деле можно было такой назвать.

— Это касается только тебя, — кольнула его я, чтобы наша беседа вернулась в дружественный настрой. — Из всех проведенных дней в колонии, не было ни одного, в котором ты не выделился.

Савва, опустив глаза, тихо хохотнул. Нет, он точно не был настроен на разговор.

— У меня есть тост, — сказал он, подняв бокал вина.

Я радостно выпрямила спину, внимательно его слушая.

— Я хочу выпить за тебя, — продолжил он. — За то, что мы познакомились. За то, что подарила мне уйму положительных эмоций. За то, что терпела меня и продолжаешь терпеть. Я хочу выпить за то, чтобы наша дружба никогда не закончилась, и мы продолжили свое общение, не смотря ни на что.

Мы отпили с бокалов, и только тогда до меня дошли его последние слова.

— С чего ты взял, что наше общение может прекратиться? — угрюмо спросила я. — Я умею дружить.

— Я не сомневался в этом, — тихо проговорил Савва и замолчал. Да что с ним такое? Он явно стал немногословен. Всем своим видом, он показывал, что его терзает какая-то недосказанность.

Мне надо было это узнать.

— Моя очередь, — прочистила я горло, подняв свой бокал. — Я хочу выпить за тебя. За прекрасного парня и невыносимого засранца. Но, любимого засранца. Я безгранично тебе благодарна, и даже представить не могу, сколькими «спасибо» тебе обязана. Ты был таким придурком, но это было здорово. И чтобы не случилось, я не брошу тебя. Даже если, ты не престанешь воровать носки.

Савва поджал губы и посмотрел на меня.

— Чтобы не случилось? — переспросил он.

— Ага, — кивнула я, чувствуя жар в горле. Алкоголь слишком быстро расходился по крови. Но, не смотря на то, что во рту стоял странный привкус вина, я не хотела его перебивать. И вообще, помимо мировоззрения, вкусовые привычки тоже изменились. Теперь, меня совсем не пугает вкус пригорелого блюда.

— Даже если я скажу тебе, что ты свободна? — спросил Савва, внимательно смотря на меня. — Ты не уйдешь?

Мое сердце трепенулось. Сжалось в кулачок. И походу... остановилось.

— Конечно, не уйду, — я сглотнула, говоря шепотом. — А почему, ты так говоришь?

Савва грустно опустил голову, а я совершенно не понимала, что происходит.

— Все кончено, Соня, — проговорил он. — Мне звонил отец, пока ты была в душе...

Он сделал паузу и несколько глотков. А мне казалось, что я вот-вот потеряю сознание.

— Они приняли заявление. Идет проверка. Герман чертовски влип.

В этот момент, я слышала, как переходит стрелка часов, как трещит огонь, как бьются наши сердца... Повисла грабовая тишина. Мне все это послышалось? Я сплю? Он сказал, что я свободна? Он сказал, идет проверка?

— Савва, — прошептала я, отлепив язык от неба, — ты не врешь мне?

Парень слегка улыбнулся и ущипнул меня за колено.

— Ну, это же не особенный случай...

Моему счастью не было предела. Савва долго убегал от меня по дому, прячась от моих тумачков. Я хотела его задушить, за то, что так долго молчал. Что держал в тайне, самую долгожданную новость. Теперь понятно, что он скрывал. Но почему, столько грусти было в его глазах? Неважно. За нашими догонялками и дурачеством, мы не заметили, как осушили целую бутылку вина. Савва нашел еще одну. Да и плевать, я так не радовалась, даже в новогодние праздники. Даже когда мне было три года. Даже когда папа подарил билеты в дельфинарий.

За моей спиной выросли крошечные крылья, и я была готова летать, порхать, и даже танцевать «Ламбаду». Мы сделали это. У нас получилось. Остается только немного подождать.

— Я свободен, словно птица в небесах! — уже орали мы оба, не попадая в слова. — Я свободен, я забыл, что значит страх!

Мы катались по полу, как типичные дети. В этот момент, растянутый рукав и так большой футболки, оголил часть ключицы.

— А это что? — спросил Савва, заметив мой шрам. — Хотя не отвечай, я предполагал, что ты прошла через Афганскую войну. Настоящая Соня Блэйд!

Я похихикала в руку. Раньше, я так старательно скрывала свой шрам, но Савва был из тех людей, которым я могла открыться. Вести себя по-простому и быть самой собой. Тем более, за последние месяца, мой шрам стал настоящим достоянием. Его не видел, разве что только Герман.

— Когда я была маленькая, — начала я, рассматривая ажурный потолок, — то попыталась вырезать себе сердце.

Савва лежал рядом и, услышав это, поперхнулся красным вином.

— Вырезать? Детка прости, ты конечно, особенная и все дела, но на твоём месте, я бы вырезал бабочек из картона.

— На своём бы месте, я бы вырезала тебя язык, — парировала я, чувствуя, как изображение в глазах потихоньку начинает кружиться.

— Ну, серьезно, зачем ты это сделала? — вернулся он к теме.

— Чтобы не болело...

На мои слова ответа не поступило. Он все понимал. Понимал, что это слишком большая тема. Эх, и почему, немного запьянев, волей не волей, начинаешь капаться в самом личном?

— У меня есть идея! — подорвался Савва, поскакав на кухню. — Сейчас, я кое-что сделаю! Закрой глаза!

Я приподнялась, и стала послушно, ждать сюрприза. Хотя, закрыть глаза в таком состоянии, было не самой лучшей затеей.

Через минуту, ко мне подсел Савва и начал старательно, что-то вырисовывать на моей ключице. Мне было щекотно, но я совершенно не могла предположить, что он делает.

— Воу-ля! Теперь, можешь открывать.

Сначала я увидела довольную гримасу друга, державшего в руках черный перманентный маркер, а потом...

Что это такое?! — возмутилась я, увидев на себе черное пятно, довольно странной формы.

— Носок, — непринужденно пояснил Савва. — Черный носок. Черный, красивый носок, на память.

— Ты издеваешься?! — взревела я. — Оно ведь не отмоеся!

Савва откинул маркер в сторону и соорудил невинное лицо.

— И не смотри на меня так, — приказала я, нервно заглывая воздух. — Мне что, теперь кусок кожи отрезать?

— Детка... — его губы дрогнули в усмешке.

Я подняла руку, тыча в него пальцем.

— Ты придурок! — не унималась я. — Это не смешно! Я не хочу ходить с носком на теле! Да это и не похоже на носок! Это похоже... Боже, я даже не хочу предполагать!

Сава примирительно поднял руки.

— Пусть это будет не носок. Ты только не кипятись.

Мои глаза сузились, а руки упали на бока.

— А что, например?

— Например... огурец, — ответил Савва, явно издеваясь надо мной.

Я выдохнула волну огненного пара, теряя терпение.

— Огурец? Огурец?!

Савва виновато положил свою руку мне на колено.

— Прости, Соня. Я хотел, как лучше, а получилось, как всегда. На кухне есть раствор, огурец легко смоеся. Не злись и прости...

И тогда я замолчала. Я действительно была эгоисткой, не умеющей веселиться. Парень всеми силами, старался отвлечь меня, а я опять за свое.

— Это ты меня прости, — выдохнула я. — Я не хочу стирать этот носок. Или огурец... Неважно. Спасибо тебе. Ты ведь знаешь, что я не умею контролировать свои эмоции. Я же... зануда.

Савва так смешно смотрел на меня в этот момент, что мне захотелось расхохотаться, но он оборвал меня прикосновением руки. Его горячие пальцы остановились на моей щеке, и это напомнило мне сцену, у входа в барак. Только теперь, я не могла убежать.

— Как жаль, что это все достанется Марату, — прошептал он одними губами.

Я не знала, что на это ответить. Черт, я растерялась.

— Ты свободна, — продолжал он, не отрывая своего взгляда. — И он будет свободен. Ты права, я странный. Я невыносим. Теперь, ты должна быть счастлива. Только не со мной. Я ведь не такой, как он. И не могу им стать. Мне не пойдут рыжие волосы.

Боже. Савва бормотал что-то не связное, он был в стельку пьян. Но его слова всколыхнули во мне бурю чувств.

— Поэтому, ты грустил? — спросила я. — Поэтому не сказал сразу, что у нас все получилось?

Савва медленно кивнул.

— Ты же сама сказала, что я эгоист, — он развел руками. — Так и есть.

Волна мурашек пробежала по затылку. Он не был эгоистом, и мы оба это понимали.

— Это не так, — не согласилась я, чувствуя, как дрожат губы.

Он поднял голову и уперся лбом в мой лоб.

— Скажи, — выдохнул он. — Только не ври. Ты ведь ждешь его. Переживаешь. Я ведь знаю, как ты смотришь на него. На меня ты так никогда не смотрела. Ответь. Не смотря на то, что он сделал, ты равнодушна к нему? Так ведь?

Как будто пробка от вина застряла у меня в горле.

— Я...я...

Все посыпалось само собой. Я не смогла правильно ответить на это. Я не смогла ответить правду. Но ответа и не потребовалось, потому что Савва рухнул на пол. Вполне возможно, он бы и не понял меня сейчас.

Я прилегла рядом, и положила руку на уже сопящую грудь. Он уснул.

Что я отвечу ему, когда он проснется? Я не знаю. Серьезно, не знаю. Савва прав, я слишком быстро отпустила все грехи Марата. Слишком быстро. И догадываюсь, почему так происходит. Но и Савва, я не могу сказать, что он мне безразличен. Я солгу, если скажу так. Но ведь, к меня совершенно не было времени, чтобы с этим разобраться. Я вообще, об этом старалась не думать. Если бы я позволила себе немного слабости, чем бы все это закончилось? История с Кириллом, показала мне, что не стоит позволять себе... Ничего. Когда я была закрыта от людей, все было намного проще.

Опять же, я не могу знать наперед.

Я думала лишь о побеге. О маме. И лишь временами о них. Но этого не достаточно, чтобы понять, что я чувствую. Слишком мало, чтобы определиться. Почему, все всегда так тяжело? Мне не хочется кого-то огорчать. Они все, мне безразличны. Девочки, Рут, Лилля, и даже Тихон... Я оставляю это на потом. У нас еще будет время, во всем разобраться.

Подумать только, еще вчера, я смотрела через окно комнаты, в колонии «Дельфин», а сегодня, валяюсь на полу шикарного дома, в нетрезвом состоянии.

Жизнь... Насколько непредсказуема эта жизнь. По крайней мере моя. Джойстик управления, который должен выдаться мне при рождении, был несправедливо утерян. И кто-то очень вредный, управляет моей судьбой, как ему только вздумается. Нажимает на разные кнопки и превращает меня в безвольную марионетку. В этой жизненной игре, я слишком слабый персонаж, не обладающей заурядными способностями. Меня выбирали, только для того, чтобы в очередной раз поглумиться. Но, завтра, все будет по-другому. Все измениться. Провода вырваны. Приставка разбита. Я буду жить по-настоящему.

Я ощущала тепло, исходившее от Саввы. Все было по-домашнему. И я никогда бы не подумала, что смогу еще такое чувствовать. И как бы это странно не звучало, теперь, колония «Дельфин» — моя семья. А точнее, дельфинята.

В окно стали пробиваться первые лучи солнца. Настал первый день, новой жизни. Теперь все будет по-другому. Я смогу начать эту жизнь заново. Смогу радоваться каждому дню и забыть весь этот кошмар.

Я смогу. Я знаю. Смогу.

Эх, как бы ни так, Соня. Как бы ни так...

Глава#21. Эксперимент провален

Прошло пару недель, прежде чем до нас дошли какие-либо известия.

Мы с Саввой находились в полном неведении, и эта своеобразная игра в прятки, изрядно щекотала нам нервы. После того шального вечера, множество самых обычных ситуаций между нами, стали до боли неловкими. Самое обычное «Доброе утро», теперь носило кусачий подтекст. И как бы я не отбрасывала эти мысли, все говорило о том, что наше дружеское общение стало иным. Но, несмотря на всю неудобность, находиться в большом загородном доме, а главное, на свободе, было невероятно комфортно.

Ох, этот дом навсегда останется в моей памяти. Я успела полюбить каждый уголок. Здесь все было пропитано теплом и уютом, и кажется, эта заслуга настоящей женщины. Или же крайне душевного дизайнера. Хоть после колонии, любое местечко покажется райским, этот домик покорило мое сердце. Эта была своеобразная больница для искалеченных душ.

За это время, нас успел посетить отец Саввы. Довольно статный и приятный мужчина. Серьезный человек, он был полной противоположностью своего сына, они были похожи только внешне. Константин Романович, абсолютно не походил на «болвана», коем его клеймил Савелий. Он был добр ко мне, не смотря на мой преступный статус, а я безгранично благодарна ему за то, что неравнодушен к моей ситуации. Это семья очень проницательна, и мне хочется считать её своей. Самые тёплые чувства, у меня вызывали эти два человека.

Константин Романович, временами привозил нам продукты, отчего избавил меня от кулинарных шедевров Саввы. За эти несколько дней, мой желудок начал жаловаться на столь экзотичное лакомство.

Что касалось колонии «Дельфин», то ни новостей, ни каких-либо действий, ничего, что могло бы хоть как-то прояснить ситуацию, не поступало. Я искусила все пальцы, терзая себя переживаниями за ребят. Мне было дико любопытно, что происходило там после моего уезда. Попало ли ребятам? Что твориться с Алей и Волковой? С Тихоном? С Маратом? Все эти вопросы мешали мне спокойно спать. Савва, тоже не проявлял особого желание говорить о Котовых, он в принципе не хотел вспоминать колонию.

Сегодня выдался особо тёплый денёк, и я ползала по полу, натирая его до блеска — мы с Саввой откровенно обленились. Как будто нарочно воспротивились дисциплине, которую нам так старательно прививали в колонии. А ещё, это хоть как-то отвлекало меня от душевных переживаний.

Входная дверь открылась со звуком, и сначала я увидела заснеженный куст, а только потом показалась трудолюбивая голова.

— Встречай хозяйка, — говорил запыхавшийся Савва, держа на плече тяжелую елку. — Теперь, эта малышка будет жить с нами. Только не ревнуй, она не заменит тебя.

Не снимая ботинок, он прошёл в середину комнаты, оставляя за собой грязные следы.

Я нахмурила лоб.

— Деду Морозу, стоило бы уважительнее относиться к чужому труду, — я выжала тряпку, приготовившись повторить свой путь. Вся моя работа была насмарку. — Я вообще-то здесь порядок навожу.

Савва поставил елку и вытер рукой влажный лоб. Комната моментально наполнилась ароматом ели.

— Я подумал, что нужно добавить праздничного настроения. Совсем скоро Новый год,

а у нас как будто траур. Даже алкоголь закончился, отец как будто нарочно оставил так мало, а мне так хочется веселья.

— Можешь повесить носков на камин, — съязвила я, оттирая грязные следы. — Набьёшь их конфетами, которыми усыпана вся твоя машина. Или нарисуй себе бороду, это у тебя получается отлично.

Савва лукаво улыбнулся.

— А ты знаешь, что в таком положении, ты выглядишь весьма привлекательно?

Я округлила глаза, осознав, что нахожусь не в самой удачной позе. И вот снова, это неловкая ситуация.

— Теперь, я знаю, что попрошу у Деда Мороза в своём письме, — продолжал он, издевательским тоном. — Хочу, чтобы такая картина, встречала меня каждый вечер, когда я приходил домой.

— Ты же понимаешь, что твоему желанию не суждено сбыться? — ухмыльнулась я, сдувая с лица выбившуюся прядь.

— Это ещё почему? — его улыбка стала ещё шире. — Дай угадаю, потому что я был плохим мальчиком?

Я медленно приподнялась с пола, сделав хитрое выражение лица.

— Это потому, что ты не умеешь писать! — крикнула я, кинув в него тряпкой.

Получив мокрый шлепок, Савва скривился в лице, а потом, приоткрыл один глаз. На его лице появился слабый намек на улыбку.

— А теперь ты понимаешь, что здорово влипла? — спросил он тихо, а я рванула на кухню. — Ну, держись!

Проскакивая мимо кухонного стола, я визжала как перепуганный поросёнок, ища хоть какой-нибудь предмет для защиты. Первой под руку попала вилка. Повернувшись к нему, я угрожающе вытянула ее вперед.

— Ты серьезно? — усмехнулся Савва, перегородив мне все пути отхода. — Хочешь обезвредить меня моим же оружием?

— На войне все средства хороши, — ляпнула я, пытаясь отдышаться.

Сава вопросительно приподнял бровь.

Осознав ироничность ситуации и глупость своей выходки, я невольно рассмеялась.

— Если ты решила воспользоваться моим оружием, — говорил он, медленно приближаясь ко мне словно хищник, — то я тоже ударю тебя по слабому месту. Попалась!

Парень накинулся на меня и стал беспощадно щекотать. Так, что от истерического смеха, я едва могла произнести хоть одно внятное слово.

— Ну как? — спрашивал он, издевательски пробегаясь пальцами по моему телу. — Будешь ещё вести себя плохо?

— Так нечестно! — взревела я, не переставая брыкаться.

— Это потому что, я — бесчестный. Злой, красивый и бесчестный. Не повезло тебе, Сонтяго, да?

Ох, это было невыносимо. Коварный Савва узнал мое слабое место. Ну, серьезно, это было подобно каторге.

— Что вы делаете? — спросил басистый голос, неожиданно прозвучавший в помещении. — Я думал, что тут кого-то убивают.

Мы с Саввой прекратили баловаться и обернулись на данную реплику. В пороге стоял отец Саввы, как всегда статный и мужественный. И хоть его лицо это не выражало, я

уверена, что он был удивлен увидеть подобное баловство. По крайней мере, от людей, которые считаются беглыми преступниками.

— Все нормально, пап, — сказал запыхавшийся Савва. — Просто учил Соню манерам.

Константин Романович нахмурил брови.

— По-моему, они нужны только тебе, — проговорил он и прошёл к камину.

Наблюдая за его походкой, я поймала себя на мысли, что они оба нуждаются в манерах.

Полы снова были запачканы, и я моментально отбросила затею, привести дом в идеальный порядок. Эта была глупая затея.

Константин Романович сел на диван, Савва уволился на кресло, а я скромно оставалась стоять у камина.

— Я меня хорошие новости, — сказал мужчина, поправляя ворот дорогого пальто.

— Ты завёл новую мамочку? — предположил Савва. — Надеюсь, она разбирается в парфюме, потому что пахнешь ты отвратительно, — он демонстративно поморщил нос.

Константин Романович пронзил сына строгим взглядом и тот замолчал.

— Дело двинулось с мертвой точки, — продолжил он. — Колония закрыта, Герман дает показания. И это, спустя несколько недель.

Мы с Саввой переглянулись, не веря собственным ушам. Неужели, его все-таки взяли?

— Мы с моим товарищем, тщательно следим за этим. Герман богат, а значит, легко сможет откупиться. К сожалению, в наше время трудно найти добросовестного государственного сотрудника.

— Это точно, — добавил Савва, ткнув пальцем в воздухе. — Но это иногда нам на руку, не правда ли?

Мне сразу же вспомнился момент с сотрудниками ГАИ, если бы не статус отца Саввы, трудно предположить, где мы сейчас были. Однозначно не здесь.

— Я думаю, что все наладится, Соня, — сказал Константин, заметив мое волнение. — Мне очень жаль, что тебе пришлось все это пережить, но надо ещё немного потерпеть. Пока это все, что я могу вам сказать. Но не переживайте, буду держать вас в курсе.

— Спасибо, — пискнула я, чувствуя, как потеют ладони. Это была волнительная новость, но довольно радостная.

— Пока, особой шумихи нет, — пояснил Константин. — Это дело резонансное. Если вина Германа будет доказана, полетят многие головы. Так что проверка остаётся в рамках следствия. До сих пор поверить не могу, что такое бывает. Взрослый человек, устроил настоящий конц лагерь для детей. А я, умудрился отправить туда своего сына.

Савва задумчиво задрал голову к потолку.

— А я вот думаю, — он потёр подбородок, — чем мы елку будем наряжать? Ты привез нам украшения, пап?

Я взмахнула руками.

— Господи, о чем ты только думаешь? — возмутилась я. — Наши товарищи в беде. Я ещё в беде. А у тебя на уме гирлянды с мишурой? Как так можно?

— В этом то и дело, — сказал Савва, посмотрев мне в глаза, — меня не волнует их судьба. И если я вижу, что с тобой все в порядке, единственное, о чем мне остаётся переживать — это гирлянда.

Если бы не стоящий рядом отец, моя тряпка бы снова полетела в этого эгоиста. Только на этот раз, это было бы куда болезненней. Я знала, что ему плевать на них, он прекрасно дал это понять. Но зачем он ведёт себя так, зная, что мне это неприятно слышать?

— Кстати об этом, — Константин Романович приподнялся с дивана, — когда все закончиться, тебе есть куда идти? Я умею виду, тебе есть, где жить, Соня?

Я робко кивнула.

— Ты можешь оставаться здесь, сколько тебе нужно. И если нужна моя помощь, то обращайся. Я сделаю все, что смогу.

— Спасибо, — поблагодарила я. От этого мужчины шла неподдельная забота. И если бы несправедливые рамки дозволенного, я бы кинулась ему на шею.

— Привези мне Соньку, — крикнул Савва в след уходящему отцу.

Его просьба поставила нас в тупик.

— В смысле приставку, — пояснил он. — Сони Плейстейшн. Иногда бывает жутко скучно.

Роман Константинович вскинул бровями.

— Это все, Ваше Величество? Или будут еще пожелания?

Савва ещё больше развалился в кресле.

— Пожалуй, да, — по-царски ответил он. — Массажистку. Я хочу, чтобы она была азиаткой.

Константин понимал, что отвечать на это не имеет никакого смысла. Разговор был окончен и он собрался уходить. Но я не успела задать главный вопрос.

— Роман Константинович, — окликнула его я. — Что сейчас происходит с ребятами? Их отпустили?

Мужчина приложил руку ко лбу.

— Ах да, я совсем забыл. Некие Глеб, Аля, и Кофта передавали вам привет, — сказал он и Савва издал смешок за моей спиной. — Большинство распределили по спеццентрам. Домой им пока рано. Для общества, вы в любом случае остаётесь преступниками. Извини. Я сейчас еду к ним, чтобы собрать нужные показания. А потом, мы разберемся, что с ними делать.

Сердце облилось мёдом, но не полностью. Было забавно, что он назвал Майку Кофтой, но я практически пропустила это мимо ушей. Мне нужно было узнать ещё кое-что.

— А что насчёт Котовых? — выдавила я. — О них что-нибудь известно?

— Котовы? — переспросил мужчина. — О таких не слышал.

Я угрюмо опустила голову, а Савва помрачнел. Я знала, что ему будет неприятен мой интерес касательно этих ребят. Но мне хотелось это знать.

— Пойми, Соня. Большинство ребят находились в удрученном состоянии. Кому-то требовалась срочная госпитализация, кому-то банальный осмотр. Но я думаю, все в итоге будет хорошо. Вечером, я вернусь. Не переживай.

Я сделала в точности наоборот. Я стала сильно переживать. Вдруг, злой Герман отомстил колонистам? Вдруг, навредил братьям? Мы все прекрасно знаем, на что он способен в гневе. На что он способен вообще.

Роман Константинович покинул нас. Савва занялся елкой, а я молилась про себя, чтобы все было хорошо. Меня окутала дикая жажда увидеть ребят, но я не могла этого сделать. Кому-кому, а мне лучше не дергаться. Остаётся только надеяться, что им там лучше, чем в колонии. Хотя, я полностью уверена, что так оно и есть. Но что с Маратом? Что Герман сделал с Тихоном? Эта жгучая неизвестность просто убивала меня.

К вечеру, елка была украшена различными вещами. Савва нацепил на неё все, что нашёл в доме. Вместо мишуры, он взял пленку от старых видеокассет, из бумаги вырезал банты,

накидал платков и фантиков, а на макушку поставил пластиковый стакан. Все выглядело до боли скверно, зато маэстро был горд собой.

— Не обижайся, — сказала я, глядя на его счастливое лицо, — но я не планирую отмечать здесь Новый год. Надеюсь, что скоро смогу вернуться домой.

Савва приземлился рядом со мной и положил руку на спинку дивана.

— Ты же слышала моего отца? Ты и так дома. Можешь остаться здесь.

— Не носи ерунды, Савва. Я безумно соскучилась по дому. Вы и так мне многим помогли, но остаться здесь было наглостью. И вообще, это полный бред. У меня есть своя квартира, и я мечтаю вернуться в свою комнату. Твои вещи очень удобные, но мне хочется надеть что-нибудь женственное. И размером так на три меньше.

Парень наигранно поник.

— Жаль, у нас могла бы получиться отличная семья. Отец бы забрал Лидию к нам. Я был бы не против, она забавная тётка. Ты и я...

Волосы зашевелились на голове, когда я представила эту семейную картину.

— Опять ты за своё? — устало сказала я. — Хотя. Насчёт Лили ты прав. Она была бы достойной спутницей для твоего отца.

Савва поёрзал на месте, а потом откашлялся.

— А я? Я достойный спутник?

— Конечно достойный, — я натянула слабую улыбку. — Твоей подруге очень повезёт.

Парень разочарованно отмахнулся.

— Ох, ты так предсказуема. Так и знал, что ты начнёшь увиливать от вопроса. Ты всегда так делаешь.

— Именно поэтому, я тебя недостойна. Я неуверенна в себе, — я стала загибать пальцы, — не понимаю шуток, всего боюсь и вообще зануда. Я вообще не уверена, что смогу кому-то понравиться.

— А знаешь в чем твоя проблема? — Савва повернулся и положил руки мне на плечи. — Ты всегда и во всем видишь только минусы. В себе, в жизни. Всего боишься? Согласен. Ты боишься всего, потому что думаешь, что ты ничего недостойна. Но если ты не попробуешь, никогда не узнаешь, как оно на самом деле. И в тоже время, ты очень смелая. Ты смогла сбежать с колонии, помаешь? Ты, черт возьми, украли все эти долбаные записки! Ты! Никто другой до этого не додумался. Даже у меня таких мыслей не возникало, потому что это казалось слишком опасным. Это сделала только ты! Так что заткнись, и не говори мне про достоинства. У тебя их масса.

Я впервые смотрела на него и не пыталась отвести взгляд. Савва единственный кто видел во мне что-то большее. Потенциал, например. Для него я не была просто Соней, которая любит неприятности. Он не считал меня неудачницей. Это был единственный момент, когда я всерьез задумалась о будущем. Одно я поняла точно, что для Саввы там определенно есть место. И оно значимо.

Я не могла не произнести ни слова. Но мне и не хотелось ничего говорить. С ним, я могла молчать, и быть услышанной.

Этот вечер сулил быть особенным. Так и произошло. Дверь снова, перебила нашу беседу. Сердце инстинктивно начало ускоренно биться. Два силуэта, которые зашли в помещение, показались мне до боли знакомыми. Константин Романович — его у уже видела утром. И...

— Ого, какие люди! — сказал радостный Тихон. — Развлекаетесь ребята?

Моя челюсть была готова отвалиться. Он здесь? Или мне это снится? Никогда бы не подумала, что буду так рада его видеть.

— У вас пополнение, — сказал Константин, слегка улыбнувшись. Теперь, мне стало ясно, от кого Савва унаследовал эту улыбку. — Надеюсь вы не против небольшой компании? Так сказать, вместо Плейстейшн.

Я потеряла дар речи. От счастья, и не только. Мои глаза не досчитались еще одного человека. В глазах помутнело, а воздух перестал попадать в легкие. Я хотела вцепиться Тихону в грудки и кричать: где твой брат? Где он? Но из-за находившегося рядом Саввы пришлось сдержаться.

— Можно к вам? — спросил Тихон и, не дождавшись ответа, поставил сумку на диван. — Вот это дом! Красота!

Я видела лицо Саввы, которое ненароком стало чернеть. Я видела Константина, который был рад нашему воссоединению. Я смотрела на Тихона, который вел себя так же, как всегда — непринужденно и нагло. Я не видела себя, но знала, что выгляжу опарашенной. Мои руки и колени, отказывались двигаться. Меня накрыло незнакомой волной. Страх. Обида. Горечь. Что это? Ведь все налаживается!

Почему, его нет с ним?

— Здорово, — парни сошлись на рукопожатии, прямо перед моим лицом, а мне хотелось сломать их.

Где же он?

Сделав глубокий вдох, я собралась силами, чтобы не разреветься. Но снова задохнулась. На то место, где я мыла полы, вступила еще одна нога. но это был единственный раз, когда я была рада, что пол снова стал грязным.

— Марат?

Глава#22. Синдром неудачницы

На сердце боль, взгляд смотрит в небо,

Ждет рассвета...

Душа не верит в то, что нет...

Тебя уже нет...

Когда парни общались между собой, я то и дело чувствовала, как покалывают мои кончики пальцев. Я безнадежно старалась вставить хоть слово в мужской диалог, но губы отказывались шевелиться. И сковал меня вовсе не страх, это было что-то другое.

После нашего небольшого воссоединения прошло несколько часов, а мне с трудом получалось придти в себя. Чувство радости, сейчас доминировало над всеми остальными эмоциями, потому что с сердца отлег самый тяжелый груз — Марат не в опасности и с ним все хорошо.

Вот, он стоит напротив меня, облокотившись плечом об стену, целый и невредимый. Его руки спрятаны в карманы, и я только изредка ловлю его взгляд. Он весел. Никогда не замечала, что эта я хитрая улыбка ему так идет. Мы возимся на кухне, в попытке приготовить что-нибудь съестное, и при каждом неловком касании с рукой Марата, мои щеки наливаются предательским румянцем.

Отец Саввы оставил дом, уехав обратно в город. Меня восхищало его благородное чувство ответственности за всех нас. Даже представить не могу, чтобы мы без него делали. Но, точно бы не болтались в шикарном особняке.

Тихон остался таким же легкомысленным и, несмотря на то, что этому гаденьшу здорово попало от Германа, после моего побега, он вёл себя как ни в чем небывало. Тихон уже успел обмолвиться, как Рина и Гоша, радостно исполняли его наказание, но я лучше забуду этот рассказ, как жуткую байку. Больше никаких наказаний. И даже воспоминаний о них.

Савва, заметно погрузнел после приезда ребят, но его расстраивало не их освобождение, а сам факт нахождения здесь, с нами. Он уловил мою реакцию на Марата, и скорее всего, это была банальная ревность. Я не хотела его огорчать, но ничего не могла с собой поделать. Моя радость была слишком очевидной. И даже если, я не произнесла ни слова, мое выражение лица говорило больше, чем стоило.

— Самодельный гамбургер готов! — радостно сказал Тихон, соорудив двухэтажный бутерброд из хлеба, сыра и колбасы. — Мне бы пора задуматься о профессии повара. Это же шедевр! Никогда бы не подумал, что настолько я хорош в этом деле! Вы видели это?

Савва, подогревающий воду для чая, кинул недовольный взгляд через плечо.

— Тебе пора задуматься о других. Ты не один в доме, а жрешь так, как будто мы не нуждаемся в пропитании. Ты вернулся с колонии, а не с голодного края.

Тихон состряпал возмущенное лицо.

— А разве это не одно и то же? Даже во время войны у солдат была тушенка, а там, кроме пресной каши только... пресная каша. Была бы такая возможность, я съел все и оставил бы вас голодными без всяких угрызений совести. Я дико голоден.

— Скажи «спасибо» своему папаше, — огрызнулся Савва. — Судя по его брюху, он тоже любитель бутербродов, только вот вас, он почему-то посадил на диету. Да и вообще, посадил. Что еще раз доказывает, какой он шизик.

Марат покачал головой и что-то буркнул себе под нос. Ему не нравились эти разговоры, но не потому, что была обида за отца — она не пройдет до конца его дней. Все дело в моменте. Когда я оказалась на свободе, первые несколько часов, я хотела говорить о чем угодно, но только не о Германе. Мне было бы намного приятнее обсуждать геморрой, чем этого гада.

— Не ассоциируй меня с этим гавнюком, — ответил Тихон, откусывая своё творение. — Не хочу иметь с ним ничего общего. Надеюсь, когда его посадят, над тарелкой с отвратной кормёжкой, он будет вспоминать именно меня.

Савва усмехнулся про себя.

— Тогда у него точно пропадет желание употреблять пищу. У меня бы пропало. Твое лицо совсем не аппетитное.

Тихон нахмурил брови.

— Это потому, что у тебя нет вкуса. Мои девчонки всегда говорили, что я — сладенький.

— А теперь, будет говорить, что ты — лысенький, — парировал Савва.

Мы слегка посмеялись и Тихон тоже. Было непривычно видеть всех их вместе, разговаривающими и готовившими поесть. А мне и вовсе было непривычно находиться в одной компании с ними. Ни одному из парней, я не могла навесить «правильный ярлык». Кто они для меня? Друзья? Враги? Каждый из них перепрыгивал на разные позиции, со слишком быстрой скоростью.

— А ты будешь бутерброд? — наконец-то Марат обратился ко мне. — Я могу сделать тебе тоже.

Не смотря на чувство голода, я робко потрясла головой.

— Спасибо, я буду только чай.

Он задержал на мне молчаливый взгляд, и мне оставалось только догадываться, что он означал. Хотя и теперь, его глаза пронзали мою душу, я не могла понять его настроения ко мне. В последнюю нашу встречу, он вел себя иначе. Он что, не терпит отказов? Или посчитал странным мое «не голодна»?

— Я налью тебе ягодного, — встрял Савва, приготовивший ещё одну кружку.

Мы сели за стол, постоянно переглядываясь друг с другом. У каждого в голове таились свои мысли. Почвы для размышления и вправду было валом, но была весьма тяжело сосредоточиться под звуки чавкающего Тихона. Савва сел рядом со мной, и напоминал мне старшего брата, который старательно ограждает меня от мужского пола.

— Отличная елка, — заметил Марат шедеврального произведения искусства. — Надеюсь, Новый год, мы будем встречать не здесь.

— Я тоже на это надеюсь, — съязвил Савва, пронзая его взглядом. — Меня откровенно уже достала ваша компания Нам с Соней, было куда лучше, когда мы были вдвоём.

В этот момент, парень говорил только за себя. Мне не было лучше. Я переживала и все, что мне хотелось, это увидеть ребят. Правда, увидела я только их часть — Аля, Волкова, Глеб, Ева и Рут, ещё находились в спеццентре. Хотя, даже боюсь представить, как бы выглядело наше чаепитие, собери всех колонистов за один стол.

— Что вы делали все это время? — спросил Тихон у нас с Саввой. — Я просто думаю, чем тут можно заняться таким интересным? Здесь есть бассейн? Или баня?

— Ты можешь вернуться обратно в колонию, — предложил Савва, пожав плечами. — Уверен, никто не будет по тебе скучать.

— Да что я тебе сделал? — пробубнил Тихон с набитым ртом. — Просто с вами невероятно скучно. Я хотел повеселиться. А алкоголь есть?

Савва откинулся на спинку стула, обрадовавшись данному вопросу. Ведь ответ он мог поставить по-своему, только так, как хотелось ему. Он так и сделал.

— Мы с Соней выпили весь алкоголь, — протянул он. — Чудный вечер был, не так ли? — Савва подмигнул мне.

Мои глаза сразу же метнулись на Марата, мне было крайне интересно посмотреть на его реакцию. Хотя, я отметила для себя, что слегка стыдилась того вечера. Но Марат пропустил это мимо ушей или просто сделал вид, что ему все равно.

— Да ну? — удивился Тихон. — Я представляю, чем это могло закончиться. Ах вы, шалунишки!

Мои глаза округлились. На что это он сейчас намекнул?

— Не завидуй, Тихий, у тебя все ещё впереди, — вставил Марат и я покраснела.

Савва вытянулся и нарочно положил свою руку мне на плечо, а потом выдал:

— Боюсь, так, как провели вечер мы с Соней, вам точно не светит. Это было просто умопомрачительно. Камин и вино сделали свое дело.

— Сделали что? — воодушевился Тихон. — Это самое?

Савва ткнул пальцем в воздухе.

— В точку.

Я поперхнулась чаем, когда услышала это, а потом толкнула Савву локтем в бок.

— Ты это специально? — разозлилась я. — Обязательно говорить так многозначительно? Когда вы это обсуждаете в таком контексте, я чувствую себя полной дурой! Мы ничего не делали, и ты прекрасно это знаешь! Боже, почему я оказалась в доме с одними извращенцами?

В воздухе повисла секундная пауза. Три пары глаз повернулись на меня, как будто удивились, что я способна произносить звуки. Да, мне надоело молчать. Да, мой язык развязывается в основном только в порыве гнева, но они переступили все грани. От их пошлых шуток, я была похожа на пунцовое пятно.

Савва медленно провёл пальцами мне по щеке.

— Не переживай, милая. Эти дурачки, все равно ничего не поняли. Все, что было между нами, останется только между нами. Так что, не стоит стесняться самой природы. Не стоит стесняться своих чувств.

Я заметила, как после сказанного, напряглись плечи Марата, но это уже было неважно, потому что я напряглась до предела. А когда все дружно рассмеялись, я моментально взорвалась. Вскочив из-за стола, я нервно пошла к выходу.

— Да ладно тебе, Сонтьяго, — виновато начал Савелий, — я же просто пошутил!

— Да пошёл ты, — фыркнула я, натягивая кроссовки и куртку.

Оказавшись на улице, я прошла несколько метров быстрым шагом, чтобы быть подальше от этих придурков. На улице было довольно тепло, и я была рада прогуляться на свежем воздухе. Тем более, мне его очень не хватало. Я злилась на Савву, за то, что начал плести свои интрижки таким мерзким способом. А вдруг, они и впрямь решат, что мы с Саввой...

Я пнула заснеженный куст, не в силах даже думать об этом. Пусть болтают о чем хотят, лично я, в этом не участвую. Получается, моя радость была слишком поспешной, когда вся эта компания оказалась дома. Эта мужская компания. Как быстро они заставили меня снова

на них злиться. Да, у этих засранцев талант портить мнение о себе.

Если к таким выходкам Саввы я уже успела привыкнуть, то смех Марата выбил меня из колеи? Или он не смеялся? Наверное, если бы я решилась на него взглянуть хоть раз, то смогла бы утверждать это. Но мои глаза бегали по всему помещению, добросовестно избегая Марата. С каких это пор, я стала так странно на него реагировать? Он ведь совсем не изменился. Он бы не успел этого сделать. Видимо, изменилось что-то во мне. Так и есть. Во мне возродилось новое чувство, которому я не смею дать определение. Сейчас, я не имею право на эмоции, которые делают из меня пластмассовую куклу с глупыми повадками. Мне нужно держаться из последних сил, пока все не закончится. Я просто не могу, кого-либо обидеть. Я не хочу никого задеть.

Почему, о колонии «Дельфин», до сих пор нет каких-либо значимых новостей? Почему, люди не говорят об этом? Ведь подобный материал, просто находка для любого журналиста. У меня начинают трястись коленки, когда я представляю Германа за решеткой, а точнее, чешутся ладони. Всем своим нутром я желала мести. Я желала ему всего самого плохого и даже представить не могу, что он мог бы ещё такого сделать, чтобы моя ненависть к нему выросла. Этот страшный человек без всяких угрызений совести потоптался на моей судьбе, и теперь, я приготовилась плясать на его. Он отнял у меня все, мне нечего терять, и поэтому, преимущество на моей стороне. Настала его очередь расплачиваться за все свои грехи.

— Соня, стой, — я не заметила, как меня догнал Савва. — Да уж, давно я так не бегал. Я так не выдыхался, даже когда с носками убегал.

На секунду, я даже немного расстроилась, что останавливать меня пошел только он. Я продолжила идти по хрустящему снегу, демонстративно отвернув лицо.

— Ну не злись, — подлизывался он, трясая меня за рукав куртки. — Я знаю. Я — подлец, дурак, эгоист, придурок...

Парень неохотно загибал пальцы.

— И ещё идиот, — добавила я, задрал нос.

Получив от меня хоть какой-то ответ, уголки его рта приподнялись в улыбке.

— И он тоже.

Я замедлила шаг, чувствуя, что начинаю сдаваться. Ну, не могу я злиться на него больше десяти минут.

— Зачем ты это сделал? — спросила я, все ещё недовольным голосом. — Они ведь не понимали, что ты шутишь. Тихон точно не понимал, потому что его голова набита только девчонками и пошлыми мыслишками.

— И колбасой, — усмехнулся Савва.

— И ей тоже.

Я остановилась и повернула его к себе. Мои глаза вынуждающее смотрели на Савву, а его были неподдельно грустными. Мне хотелось получить правдивый ответ.

— Да, я хотел позлить Марата, — признался он. — Его краснеющие глаза, чудным образом прибавили мне аппетита. Но мы ведь и вправду хорошо провели тогда время?

Я слегка толкнула его в грудь кулаком.

— Если ты хочешь позлить Марата, то: пожалуйста! Я-то тут причём?! Я не хочу в этом участвовать! Зачем ты злишь его, используя мое достоинство? Мы прошли через такой кошмар, а вы продолжаете вести себя, как глупые малолетки! И в моей голове, совершенно не укладывается, почему ты это сделал? У меня дюжина вопросов, зачем?

Савва закатил глаза и задрал голову к небу.

— Ты сама все прекрасно понимаешь, Соня. Извини, но преднамеренно или нет, но ты стала главной вершиной в этом любовном треугольнике. Так вышло. А вот мне, хочется занять самую устойчивую позицию.

Я открыла рот, но не смогла выдать ни звука. Я опешила. Он сказал, любовный треугольник? Нет уж ребята, у меня слишком туго с геометрией, чтобы я в это вникала.

От этой картины Савва рассмеялся и коснулся кончика моего носа.

— Не делай такое лицо, так ты похожа на Тихона, смотрящего на разогревающую сосиску.

— Не делай такое лицо? Да я в бешенстве! Это так ты меня завуалировано, легкомысленной назвал?

— Я не считаю тебя такой, — посмеялся Савва. — Но ты же понимаешь, что заявки уже поданы, и тебе неизбежно придется делать выбор. И знай, я приму любое твоё решение.

Мои уши слышали только то, что видимо хотели.

— Заявки? Я что беспроцентный кредит? Или конкурс бикини?

Савва округлил глаза.

— Что с твоей самооценкой? — сказал он, глядя на меня недоумевающими глазами. — Неужели, я хоть раз дал усомниться в своём отношении к тебе? Даже Марат, он пошел на все это, чтобы посмеяться над тобой? Потому что считает тебя легкомысленной? Так ты думаешь?

Он был прав. Нечего было строить удивление, когда все и так очевидно. И главный виновник этого шоу только я. В отличие от парней, которые дали понять свой настрой, я совершенно запуталась, как глупый дельфиненок в рыбацких сетях.

— Прости меня, — выдохнула я, опустив влажные ресницы. — Это все нервы. Я вообще ничего не понимаю. Не понимаю, что за чертовщина происходит вокруг меня.

Наше учащенное дыхание оставляло еле заметную дымку пара.

— Я могу помочь тебе разобраться, — заверил Савва, и я совершенно не поняла, к чему он клонит. — Я не хочу ничего объяснять. Просто помогу тебе и все.

Савва сделал уверенный шаг в мою сторону, и я слегка пошатнулась. Не успев понять ситуацию, я почувствовала горячий поцелуй на своих губах. Долгий, требовательный, нежный и в то же время властный, он был схож с поцелуем Марата, но не имел с ним ничего общего. Я не оттолкнула Савву. Не увернулась, но и не ответила. Мое тело замерло от изумления, а ноги вросли в снег. Такого поворота, я совсем не ожидала от своего терпеливого друга. Савва всегда был сдержан по отношению ко мне, но сейчас как будто сорвался. Крепко зажмурившись от такого темпераментного действия, я слышала, как колотятся наши сердца.

Савва оторвался от моих губ и на время задержался на глазах.

— Теперь, все по-честному, — он перевёл дыхание. — Теперь... ты сможешь решить, чего тебе хочется больше. Да, это было, как всегда эгоистично и может быть даже неуместно, но рыжий, тоже не спрашивал у тебя разрешения. Так что, решать только тебе, — на последнем слове Савва развернулся и ушёл прочь.

Я осталась одна. Оглушенная и потерянная. И чем это спрашивается, он помог мне? Разорвал сердце на части? Это его помощь? Боже. Почему все так сложно?

На небе начали появляться первые звездочки, а мои пальцы все держались на том месте, где только что были губы Саввы. Несмотря на столь жаркую сцену, я начинала потихоньку подмерзать, не возвращаясь в дом, мне совершенно не хотелось. Что мне делать теперь?

Скакать из комнаты, в комнату избегая каждого из них? От Тихона, меня мягко сказать, трясёт, Марат пугает, а Савва... Савва сделал все, чтобы мои восприятие к нему стало... Ой, господи. Я ничего не понимаю. Моя голова была готова взорваться.

Стоп. Хватит.

У нас на носу важное дело, а мы ведём себя как инфантильные подростки. Я веду себя так. Хотя месяцем раньше, мы были озлобленными волчатами, отбывающими свои индивидуальные сроки. А что теперь? Я не позволю этим эмоциям лишиться мне здравого смысла. Главное одно: все должно закончиться. Весь этот хаос, который создал Герман, должен сойти на «нет». А с остальным, я разберусь позже.

Я бродила так ещё около часу, пока мои ноги совсем не окоченели. Я продрогла до самых костей, и наравне со страхом перед ребятами, мерзнуть на улице было в разы хуже. Неужели, в этой жизни ещё остались ситуации, которые могут напугать меня? Видимо, их масса. И решив, что замёрзнуть заживо из-за невинного поцелуя было бы самой нелепой смертью, которую можно только представить, я пошагала домой, перебарывая свой внутренний испуг.

Приблизившись ко двору, я заметила, что в доме довольно тихо. В окнах горел свет, но не мелькало ни одного силуэта. Трудно представить, что каждый из ребят разошёлся по своим комнатам и мирно спит. Хотя, это было бы неплохим исходом, учитывая ситуацию.

Это было бы самым лучшим исходом...учитывая, что мне пришлось увидеть, зайдя в дом. Я и представить не могла, что следующий удар по сердцу будет таким сильным.

В гостиной никого не было. Никого. Только окровавленный след, тянущийся по паркету и начинающийся, примерно от нашей напряжённой ёлки. Я проглотила тугой ком, лихорадочно оглядываясь по сторонам. Откуда кровь? Где все? Это что, очередная глупая шутка?

— Савва? — позвала я хриплым голосом, чувствуя, как начинают щипать глаза. — Марат! Где вы все? Это не смешно, парни! Я испугалась! Все? Вы довольны?

А в ответ только тишина. Зловещая и мертвая тишина, пробирающая до самых костей. Аккуратно нагнувшись, я окунула пальцы в алый потек. Кровь была ещё тёплой. Зато моя кровь в венах превращалась в лёд. Что случилось? Что-то плохое, определено, но где все? Тут что была драка? Чья это кровь?

— Ребята, ну хватит вам, выходите!

От нарастающего чувства страха, я была готова упасть в беспамятстве, но угасающее сознание, говорила, что мне стоит держаться.

— Савва, пожалуйста! Мне страшно!

Мне было трудно дышать и колотила дрожь, но заглянув за диван, я вовсе задохнулась. Там лежало бездыханное тело. Я закрыла лицо руками, все ещё надеясь, что страшная картина испариться. Но нет, все было наяву. Я проходила по гостиной, вцепившись руками себе в волосы. Этого не может быть! Этого просто не может быть!

Кровь, густой лужей натекала на пол. Все было как в тот раз. Тот жуткий раз, когда я убила мужчину. Но теперь, лежащий передо мной парень, был слишком дорог мне, чтобы просто скрыться. Мои руки зудели от желания прикоснуться к нему, помочь, спасти, но понимание самого страшного сковало меня железными цепями.

Простреленная грудь не шевелилась. Глаза были открыты и не реагировали на мое присутствие. Он был мертв. Мертв!

Каждый шаг к Савве давался мне с трудом, горячие слёзы текли по лицу, а из горла

вырывался горючий стон. Я упала рядом с бездыханным телом, вызывая у себя в памяти его лукавую улыбку, а не эти пустые глаза. В голове пронёсся его дразнящий смех, тёплые прикосновения, недавний поцелуй... Но теперь, его неподвижные, синеющие губы, говорили только одно: он больше никогда ни улыбнётся, ни посмеётся, не поцелует...

Рядом лежал пистолет, как доказательство того, что он больше проснется. Савва больше не скажет, что это была шутка, потому что он мертв, и всему виной эта железная штукавина. Пистолет. Маленький и чёрный, он лишил меня Саввы.

Я закричала. Не в силах сдвинуться с места от шока и горя, и была готова выстрелить себе в голову. Отчаяние и скорбь настолько сильно переполняли меня, что это перерастало в физическую боль. Грудь стянуло обручем, а плечи налились каменной тяжестью. Сквозь пелену слез, я держала рану, разрывающую грудную клетку и не могла ему помочь.

Мои руки были по локоть в крови, и я понимала, что убийца где-то рядом.

Взяв оружие в руки, я услышала странный звук. Это был звук затвора фотоаппарата. Я была уверена, что сошла с ума, пока не обернулась.

— Скажите: «Сыр», — Герман скривился в уродливой улыбке. Он стоял у порога, в глазах все тот же адский смех и никого намёка на страх перед судом.

Мне пришлось встать и потрясти головой, чтобы убедиться в реальности происходящего. Все говорило о том, что это конец. Но не долгожданный. Боль бушевала во мне, как огонь, сжирая каждую внутренность. Никогда я еще не испытывала такой щемящей муки.

— Улыбочку, — ещё один щелчок, и краем глаза я уловила Гошу, который собственно делал эти фотографии.

Я чувствовала запах железа под носом. Так пахла кровь. Так пахло оружие. И так пахла ненависть, которая я сейчас испытала. Это придавало мне сил держаться на ногах.

— Предполагаю, ты сильно удивлена, дорогая, — сказал Герман, протирая свои отвратительные ладони. — Ты подкинула мне очень много хлопот, я решил ответить тем же. Надеюсь, ты не сильно огорчилась, что твоего друга больше нет. Не расстраивайся, он в лучшем из миров.

Его слова показались смешными Гоше, потому что тот едва не поперхнулся своим мерзким хохотом. Я медленно прошлась глазами по помещению, ища ещё два бездыханных трупа. Если братья мертвы, я готова уйти с ними. Но их не было.

— Не переживай за парней, Соня, — продолжал Герман. — Они в порядке. Ты же не подумала, что я подниму руку на своих сыновей? Пусть даже не на самых умных. Я отвезу их домой, поверь, они тебя быстро забудут. Я заставлю их забыть. Это будет легче, чем тебе кажется. Я даже поражён, что они воспротивились мне. Вопрос: ради кого? Ради мелкой девицы, у которой в голове кишат одни черти? Признаюсь, я был более чем огорчён...

— Заткнись, — процедила я сквозь зубы, — и сделай то, что задумал. Мне плевать на твои огорчения. Мне плевать на тебя. Просто сделай это и все.

Герман насмешливо откашлялся в кулак.

— Дело в том, что я и так все сделал, — он развёл руками. — Ты всерьёз решила, что сможешь справиться со мной? Ты, неумеха, которая только и может, что плакать и страдать. Как бы ни так. Вы проиграли. Ты хоть раз задумывалась, сколько невинных душ пострадало от твоих рук?

Я сжала челюсти так, что почувствовала боль.

— Это кровь только на твоих руках. Я добьюсь смертной казни для тебя. Обещаю, ты

будешь гнить.

— Все немного не так, — он поправил свои седые волосы и посмотрел на ручные часы. Он вел себя настолько непринужденно, что мне было непонятно, как такое уродство может держать земля.

Я смотрела на Германа, дрожа от ненависти, которую не испытывала раньше. Я до краев наполнилась звериной яростью. И только чувство мести, останавливало меня, чтобы не лечь рядом с Саввой.

— История повторяется, не так ли? — говорил сам Дьявол. — Ты слишком глупа, чтобы просто и мирно отсидеть свой срок. Ты решила, что умнее меня и вот он итог.

— Этот итог, сейчас валяется у тебя в ногах, — шутливо добавил Гоша. Бездушно, бесчеловечно, они продолжали глумиться надо мной и над моим мертвым другом.

— Дорогая, ты спрашиваешь себя, почему ты ещё жива, ведь правда? Я не собираюсь тебя убивать. У меня есть для тебя сюрприз получше. Фото с доказательством твоей причастности к смерти этого парня, моментально развеет сомнения по поводу тех глупых записок. Соня Филатова — опасная преступница, которая принесла липовые доказательства, а сама убила человека. Уже дважды.

Я сжала в руке окровавленный пистолет, который прилип к моим пальцам. Я быстро сориентировалась и нашла курок. Слезы бесшумно падали на куртку, от которой ещё исходил аромат Саввы.

— Могу признать, что еще немного, и у тебя бы все получилось. Ты так лихо все придумала, что я был готов аплодировать тебе стоя. Только вот, незадача. Я не собираюсь в тюрьму. Мне место не там. Я был грешен, ты грешна сейчас, но, только Бог решает, кого благословить на эту жизнь. И он выбрал меня.

Мои глаза сузились, чувствуя тошнотворный прилив в горле.

— Если этот Бог благословил тебя, — сказала я шепотом, скрипя зубами, — то я отказываюсь от этого Бога. Мне он не нужен. Я готова отказаться от всего, что хоть как — то связывает меня с тобой. Я готова лишиться этого мира, этой жизни, лишь только потому, что я дышу одним воздухом с такой мразью, как ты. У тебя одна дорога, Герман, — я направила на него пистолет. — Гори в Аду.

Щелчок. Щелчок. Но ничего, не произошло.

Ещё один щелчок, но это лишь пустые звуки.

— Ты думала, я оставлю его заряженным? Ты и вправду полная дура! — рассмеялся Герман, а потом пристально прожег во мне дыру. — Увидимся в колонии, София. Я буду тебя ждать.

Он позвал с собой Гошу, и они удалились.

Щелчок в след. Ничего не произошло.

Щелчок. Ничего.

Пистолет выпал у меня из рук и со звуком ударился о пол. Щелчок. Щелчок. Щелчок. Я слышала, как трещит по швам моя душа и только.

Голова упала на плечо, когда я приняла всю правду жизни. Я неудачница. Неудачница, в самом изощренном смысле этого слова. Сердце еще билось, и я ненавидела его за это. Оно не имеет такого права, когда мой друг лежат замертво на полу. На его месте должна лежать я. И только я.

— Прости меня, — прошептала я одними губами.

Слез уже не было. Холод растекался по моей груди, забирая непроглядную тьму.

Мои ноги подкосились и я упала.

Щелчок. Темнота. Но я еще жива. И ненавижу себя за это.

Наша жизнь — это всего лишь сценарий, той или иной истории. Он может быть невероятно романтичен, а может быть дешевым черновиком, в которого не вложили ни капли интереса и ни кусочка души. Листок, в котором помарок больше, чем значимых слов. Я не могу назвать себя значимым человеком, зато уверенно заявлю, что я — помарка.

Жизнь, как она непредсказуема...

Это лишь огромный сосуд, созданный самой судьбой, без возможности на исправление. И вот моя чаша, несправедливо треснута вдоль и поперек. Все, что раньше дарило мне улыбку или стимулировало на дальнейшее существование, как вода, просочилось сквозь огромные щели. И виновных в этом нет. Скульптором своей жизни, остаюсь только я сама. И в этом деле, я абсолютно бездарна.

Я не помню, когда именно допустила ошибку, но знаю точно, что допустила ее. С самого начала, мне следовало смотреть под ноги, но я решила, что этот мир мне по колено. И это колено было сломано. Я даже не задумывалась, что все пойдет так далеко — пострадало и мое сердце, а это самая больная точка для любого из нас.

Душевная боль всегда превосходила физическую. Всегда. И ты неминуемо испытываешь эту боль в своей жизни. Хоть раз, но такое случается. Это может быть детская обида, из-за сломанной любимой игрушки, а может, тяжелая утрата человека, с которым ты прожил большую часть жизни. Неважно. Мы все через такое проходим.

Непредсказуемая жизнь...

Моя судьба, не задумываясь, взяв острое перо, черными чернилами, стала писать именно черновик. Грязный и паршивый, он стал походить на затоптанный фантик. И сколько бы раз, она не старалась ставить «запятые», я ждала лишь «точки». Я хотела закончить эти каракули, чтобы начать все с чистого листа. Забавно, но у меня получилось закончить это безумие, правда в том, что концовка оказалось слишком трагичной. Слишком дорого обошелся мне этот пунктуационный знак. Черная и жирная, она поспособствовала смять мою историю в ненужный комок и отправила в мусорку. И я даже не знаю, готова ли я расправиться. Готова ли я, стать чем-то значимым и будут ли на это силы?

И, наверное...они будут.

Ну, нельзя ведь грустить вечно?

Я начну сначала. Стану новым человеком.

Только так, я смогу жить дальше.

— Именно это эссе, вы решили предоставить нам? — интересуется начальник женской колонии поселения, откладывая в сторону мои документы. — Это и есть ваши мысли, касательно дальнейшей жизни? Никаких особых планов на жизнь?

Я молчу. Да, я нарочно проглотила язык. Что я могу ответить? Я все подробно описала, как меня и просили. Так, как я действительно думаю. Что еще им нужно?

Знакомое ощущение холодного железа на запястьях, больше не пугает меня. Это стало привычным. Я сижу в просторном кабинете, напротив меня три сотрудника, черт победи какой комиссии, и все трое, хлопают своими глазками и внимательно вслушиваются в мои слова. Но я молчу. Они вызывают меня уже шестой раз, и мне абсолютно не понятно, чего именно эти люди от меня хотят.

Мои глаза опущены. Руки сложены на коленях. И из моего рта, вырывается только

слабое дыхание. Я не волнуюсь. Мне не страшно. Мне все это наскучило.

Я знаю, что действую им на нервы, но мне плевать. Той маленькой, глупой девочки больше нет.

— Соня Филатова, я права? — женщина в строгом костюме, берет инициативу в свои руки. — Пойми, это слушание проводится для того, чтобы оценить вероятность повторного нарушения закона, в случае освобождения тебя из-под стражи.

Я поднимаю на нее глаза и смотрю, как на глупое создание. И что дальше? Вы ждете раскаяния, за преступление которого я не совершала? Его не будет. Я честно отбывала свой срок, и вот он завершен. Четыре долгих года, я прожила по соседству с наркоманками и убийцами. Четыре года, я потратила на этот суровый мир, лишив себя беззаботной молодости. Что еще вы хотите от меня?

— Это ваша не первая судимость, так ведь? — женщина из состава комиссии продолжает себя надеждами.

За ее непоколебимую настойчивость, я поощряю ее коротким кивком.

Они переглядываются друг с другом — для них это большой прогресс. А мне становиться скучно. Лучше я быстрее закончу этот цирк, чем проведу в этом кабинете еще несколько часов. Так, что вы хотите услышать от меня?

Женщина поправляет очки и слегка наклоняется в мои сторону, положив локти на стол.

— Была ли веская причина, толкнувшая вас на данные преступления, или это был осознанный выбор?

Неужели никто в этой комнате не понимает, что я сижу здесь незаконно? Зачем это спектакль? Ну, если вы решили сыграть свои роли, то я доиграю свою. Так и быть.

— Я была в отчаянии, когда совершила это, — пояснила я. — Моя мама умерла, и я не понимала, что творю. Я пошла по пути самоуничтожения.

Женщина сочувственно поджала губу. Но она не жалеет меня, это всего лишь ее роль. Это игра.

— Есть ли вероятность, что вы вернетесь на этот путь, в случае освобождения? — повторяет она свой вопрос.

Меня пробивает смехом. Я даже прослезилась. Мне хватило несколько секунд, чтобы успокоиться. На их лицах читается полное недоумение, от чего хочется хохотать в голос.

— Соня, есть ли такая вероятность?

Я смотрю ей прямо в глаза.

— У меня больше не осталось родителей. И умирать больше некому. Поэтому, вероятность исключена.

***

Месяц спустя.

Лучи летнего солнца, попадают на мое лицо, а слабый ветерок колышет волосы у лица. Как же приятно. На деревьях густая, зеленая листва, рядом дорога, с проезжающими мимо машинами. Я чувствую ее. Свободу. Но теперь, она настоящая.

Провожу рукой по голове — хорошо, что в этой тюрьме меня не остригли наголо. Несмотря на суровые правила, эта колония координально отличается от «Дельфина». Я благодарил Бога, когда меня отправили именно сюда. Могу поспорить, если бы судья отдала меня в лапы Сико, то я бы сейчас здесь не стояла.

Мимо меня проходит охранник — спешит закрыть железные ворота. Прошу его закурить и он понимающе угощает меня сигаретой. Да, находясь в таких местах, трудно не

нахвататься вредных привычек. Вдыхаю едкий дым. Вперемешку с чистым воздухом, он доставляет новые ощущения. Мне нравится. В вонючих бараках, запах табака казался мне иным.

Прохожу к дороге и пытаюсь найти глазами автобусную остановку. Понятия не имею, как мне добраться домой. Я пойду пешком, если придется. Все слишком хорошо, чтобы этот факт, хоть как-то меня огорчил.

— Я свободен, словно птица в небесах, — пою себе под нос и чувствую, как расплываюсь в улыбке. — Я свободен, я забыл, что значит страх.

На душе необычайно победоносное чувство. Я поспорила с судьбой, и вышла из этой схватки победителем. И то, что я сейчас дышу этой свободой, прямое тому доказательство. К жизни за изгородью привыкаешь с легкостью, и я уже начинаю адаптироваться.

Ко мне подъезжает черный автомобиль, в котором мне уже доводилось сидеть. Именно эта машина, увозила меня из колонии «Дельфин», когда я решила, что смогу вырваться из нее. Ох, родная, я по тебе так скучала, но зачем ты здесь?

Тонированное стекло медленно опускается, и на меня смотрит знакомое лицо. Эти глаза, волосы, губы, точно такие же, как были у моего друга. Он улыбается мне, и сердце таки норовит выпрыгнуть.

— Залезай, арестантка, — командует Константин Романович, указывая подбородком на соседнее кресло. — Хочу доставить тебя домой. Надеюсь, ты не против?

Душа наполнилась теплом. Даже не думала, что меня будет кто-то встречать. Не теряя ни секунды, выкидываю сигарету и запрыгиваю на пассажирское кресло, бросив свою сумку на заднее сиденье.

Константин Романович нажимает на газ, и выезжает на широкую трассу. Из бардачка высыпается упаковка жвачки, и я невольно начинаю улыбаться. Захламлять машину — у них это семейное.

— Я с трудом тебе узнал, — признается мужчина. — Ты выросла, и теперь совсем взрослая девушка.

Я смущенно отворачиваю лицо к боковому зеркальцу заднего вида. Он прав. От той старой Сони, не осталось ни следа. Только если цвет глаз. Волосы потемнели на несколько тонов и с тех пор, хорошенько отросли. Щеки перестали быть впалыми — в женской колонии нас кормили на славу. Никаких синяков под глазами и сухих губ. Но все равно, у меня уже давно появилось желание, что-то в себе изменить. И начну я с прически, только вот доберусь домой.

— А вот вы, ни капли не изменились, — немного лукавлю я. — Все такой же свежий и элегантный.

Константин смеется. Он распознал мою лесть. На его волосах прорезалась седина, и добавилось морщин.

— Кто научил тебя так плохо врать? — говорит он плотным, чуть с хрипотцой голосом. — Я знаю, что постарел, Соня. Знаешь, все эти годы, стали для меня полным кошмаром. Постоянные суды, расследования. Ты прости меня, за то, что жалуюсь. Ведь тебе досталось больше. Даже не знаю, смог бы я такое выдержать. Но именно сегодня, я счастлив, — сделав небольшую паузу, он плавно вошел в поворот. — Пойми, я одинокий человек, потерявший всю свою семью. И то, что ты сидишь сейчас рядом, большое счастье для старика. Если ты позволишь, я буду о тебе заботиться.

Я немного растерялась от его слов. Недолго думая, ложу свою руку ему на плечо.

— Вы и так для меня очень многое сделали, — на этот раз, с особой искренностью говорю я. — Я в большом долгу перед вами. Вы стали для меня родным человеком. Вы — моя семья. Так что позвольте, ухаживать за вами буду только я.

Мужчина расплывается в ответной улыбке.

— Как прикажешь, дочка.

Я была безгранично благодарна этому человеку. Я знаю, что ему хватило сил, довести дело Германа до конца. Нет, он не смог засунуть негодя в тюрьму, но колония была закрыта. Спустя годы, но и пусть. Константин Романович оплачивал мое жилье, пока я была в заточении. И мой лояльный срок, тоже его заслуга. Я знаю, что с ребятами все хорошо. Они писали мне. Аля дома, ухаживает за матерью и ведет блоги. Глеб ей в этом помогает. Волкова нашла новую работу, и теперь работает воспитательницей в детском саду. Даже боюсь представить, что будет с тем ребенком, который ослушается ее. А моя жизнь только начинается. Я хочу новую прическу. Новую работу. И все, что не будет связано с моим прошлым.

Мы проезжаем мимо нужного поворота.

— Хочу показать тебе кое-что, — уточняет Константин, заметив мое недоумение. — Это ненадолго. Ты просто должна знать, где находится это место.

Я молчаливо соглашаюсь, рассматривая окружающий меня лес через тонированное стекло.

***

Я не знаю, сколько времени мы стояли у могилы Саввы. Мраморное надгробье было усыпано свежими цветами, а черно-белое фото демонстрировало фирменную улыбку. Даже спустя годы, эта боль потери не утихла. Мое сердце откровенно болело. В глубине души я осознавала, что отцу Савве, стоять здесь, ничуть не легче, чем мне.

— Я скучаю по нему, — пробормотал Константин Романович, поправляя пушистый венок.

Боль выстреливала в меня, пулей попадая между ребер.

— Я тоже, — прошептала я, чувствуя долю своей вины.

Вспоминания вспыхнули, как в тумане и от этого судорогой сводило горло.

— Он особенно к тебе относился. Савва постоянно о тебе рассказывал. Он восхищался тобой, что было даже завидно, потому что мной, он никогда так не гордился. Я любил его. И сейчас люблю.

Я закрыла глаза, чувствуя, как немеют ноги.

— Простите меня, — вырвался писклявый стон. — Я не хотела, чтобы так все вышло. Я безумно по нему скучаю, и будь моя воля, я бы поменялась с ним местами. Моя скорбь по этому человеку, никогда не угаснет. Никогда. Я тоже его люблю. И если бы была такая возможность, я никогда бы не привела в ваш дом смерть.

На меня посмотрели отцовские глаза, полные грусти и в то же время любви.

— Это не твоя вина, Сонечка. Если спрашивать с кого, то начни с меня. Я запихал своего сына в колонию, решив, что он исправиться. Только вот исправляться, нужно было только мне. Господи, дети, простите меня, за то, что не уберег вас от этого ужаса.

Его глаза стали мокрыми. Руки задрожали и припали к лицу.

— Только один человек виноват во всем этом, — сказала я, справляясь с душащей обидой. — Мы с вами не причем. Ваш сын, был потрясающим человеком, который успел стать моим кумиром. И он хотел, чтобы мы были счастливы. Этот маленький эгоист, всегда

думал о нас.

Я остановилась, потому что горький ком вызвал слезы. Вспоминая своего друга, речь автоматически становилась трогательной.

Да уж, говорить о Савве оказалось сложнее, чем отбывать срок.

Но я продолжила:

— Знаете, нелегко быть отцом, для особенного ребенка. Вы старались и, я считаю, что вы справились. Дело в том, что из-за своих предрассудков я подвела его. Не сказала того, что нужно. Просто не успела сказать. Меня терзает то, что все могло быть иначе, если бы я чаще прислушивалась к нему. И независимо от того, слышит он сейчас нас или нет, он знает, что мы любим его.

— Соня...

— Нет, я хочу сказать, — попросила я, едва справляясь с горем. — Мой милый друг, он всегда останется в моей памяти. Такое смешной, и в то же время серьезный, он показал мне, что не стоит огорчаться. Нужно быть сильной. Наверное, именно поэтому, я стою сейчас здесь. Его потеряли не только мы, этот мир потерял Савву. Но я знаю одно, что моя мама присмотрит за ним. А вы, присмотрите за мной. Теперь, вы — моя семья. И пусть этот случай особенный... но я не вру, Савва, — сказала я, обращаясь в пустоту.

***

Уже третью неделю, я привыкаю к своей кровати. Она в разы мягче предыдущих, но проваливаться лицом в подушку, было чем-то новым. Спать в полной тишине, это как оказаться одной на планете. Странно, но будильник пугал меня больше, чем голос надзирателя. Все ранее забытое, обиденное, стало превращаться в новинку.

Открыв глаза, я смотрю на обои, который клеили мы с папой, когда мама была в отпуске. Они выцвели, но все так же радуют глаз. Я валяюсь на своем батутной кровати, в пижаме, которая теперь больше походит на плавательный костюм, и с интересом разглядываю потолок.

Сегодня будет продуктивный день. Я пойду на собеседование. Если все получится, то я буду продавцом обуви. Миллион качественного товара, и сопутствующий — носки. Их там море.

Краем уха, слышу вибрацию телефона — Константин Романович прислал смс. Пожелал мне хорошего дня, а я ему смайлик в ответ.

Все вроде бы налаживается, но сердце чувствует пустоту. И это понятно, потому что я потеряла дорогих мне людей. Я начинаю эту жизнь заново.словно художник, я рисующий очередную картину, в надежде, что с каждым следующим прикосновении кисти, она станет только ярче. Так оно и есть, только мне хватает оттенков... они были утеряны, и я не знаю, где мне их искать.

***

Сегодня, я пришла домой особенно уставшая. Чашка кофе и горячая ванна не спасли положение. Работа с людьми, оказалась сложнее, чем ожидалось. А еще, мне довелось увидеть Пермакову. Екатерина была в сопровождении своего нового ухажера, быть может, даже мужа, но ее новой пассией, был точно не Кирилл. Она не узнала меня, и я не расстроилась. Будь моя воля, я бы никогда ее не видела.

Усевшись перед телевизором, ко мне на колени запрыгнул Степа — это мой новый друг. Собачка, миниатюрной породы, походила на заколдованного принца, настолько сильно живыми были его глаза. Малыш радостно встречал меня каждый раз с работы, и в его любви,

было бы стыдно усомниться. Он настоящий.

Я не престаю вздрагивать от звуков будильника. Но не подумайте, я не встаю в шесть утра и не начинаю пахать поле. Я восстановилась и чувствую себя практически прекрасно.

Тот прошлый мир, который должен был разбудить, почему-то погружал меня в крепкий сон. Но теперь, я не сплю. Я проснулась, я хочу насладиться этим глотком свободы.

Настенные часы показывали 23:01, когда я направились ложиться спать, но меня перебил звонок в дверь. Аккуратно положив спящее тело щенка на диван, я прошла к двери. Кто бы это мог быть?

— Кто там? — спрашиваю я, прислоняя ухо к двери.

В ответ тишина.

Проворачиваю ключ и открываю дверь. Безстрашно, я знаю. но мне больше нечего бояться.

Мои глаза встречаются с прошлым. Человек, представший передо мной, будто знал, что застанет меня врасплох. Его глаза горели, излучая неподдельное самодовольство. Меня обдало холодной водой. Это все походило на мираж.

Он нашел меня. Нашел, как я искала нужный мне оттенок.

Его подбородок покрылся золотистой щетиной, а тело возмужало. Мышцы на руках напряглись в такт моим плечам. Он был выше меня сантиметров на пятнадцать и тяжелее на килограмм десять. Свет, попадающий на него, был довольно слабый, но даже в нем я смогла рассмотреть парня: рыжие волосы, растрепанные на челке, хитрые глаза и акулья улыбка.

Я подавила вскрик, закусив нижнюю губу. Моя картина неожиданно прибавила красок. Незванный гость слегка напрягся. Он был взволнован не меньше моего.

— Ну, привет, наркоманка...

Больше книг на сайте - Knigoed.net